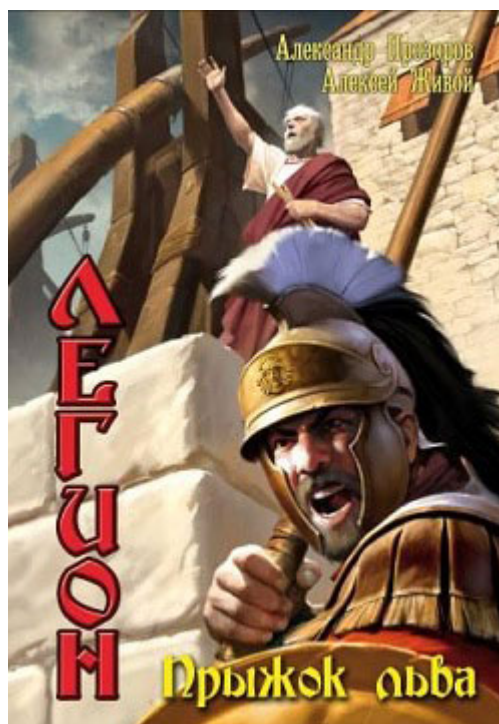

Александр Дмитриевич Прозоров Алексей Живой Прыжок льва

Легион – 4

Текст предоставлен издательством «Лениздат» <http://www.litres.ru>
«Прыжок льва»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9942-0141-1

Аннотация

Временно отступив от Рима, который не удалось взять с ходу, Ганнибал сосредоточил свои войска в южной Италии, стремясь захватить Тарент. Давно не получая подкреплений из метрополии, Великий Карфагенянин заключил тайный союз со скифами, отправив к ним послом Федора Чайку. И вот уже орды Иллур, отвернув от самых границ Греции, вторгаются в земли гетов и движутся вверх по Дунаю, сметая все на своем пути. Еще удар — и они окажутся на берегах Адриатики.

В Италии Ганнибал с небольшой армией едва сдерживает удары Рима, который почти восстановил свои силы. И тут судьба посылает ему новый шанс. В Сиракузах умирает давний враг Карфагена, тиран Гиерон, а его наследник предпочел заключить союз с Ганнибалом. Но Рим не может просто отдать остров, за который много лет воевал с финикийцами.

Ганнибал отправляет в Сиракузы отряд своих воинов, чтобы закрепить новый союз, который может вернуть Карфагену желанную Сицилию. Командует этим отрядом Федор Чайка. Едва прибыв на место, карфагеняне, вместе с жителями города, оказываются в осаде. Рим прислал на его покорение свои легионы. Но еще никто не смог захватить Сиракузы, пока в них живет Архимед.

**Александр Прозоров, Алексей Живой
Прыжок льва**

Часть первая План Ганнибала

Глава первая Посланник

— Значит, Палоксай предал меня, — произнес Иллур, в гневе сжимая чашу с вином.

Его украшенный резным орнаментом доспех тускло блеснул в полумраке шатра. С трудом дослушав до конца рассказ кровного брата, царь скифов вскочил на ноги, едва не выплеснув содержимое золоченой чаши прямо на Ларина. Тот невольно отшатнулся, бросив многозначительный взгляд на сидевшего рядом Федора.

— Он предал меня, — еще раз прошипел Иллур. — Палоксай дорого за это заплатит. Я сожгу все его города, когда доберусь до берегов Истра. Ждать осталось недолго. Мы скоро выступаем.

— Честно говоря, — осторожно заметил Леха, допивая вино, — самого Палоксая я так и не видел. Он был на охоте. Меня продал грекам его ближайший помощник, старейшина Иседон. Вот он — настоящий предатель.

— Сколько дней ты пробыл у него в замке? — спросил Иллур, сделав несколько нервных шагов по ковру, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Палоксай не мог не знать о твоём прибытии. Раз Иседон пошел на это, значит, он сделал все с согласия своего царя и они оба держат сторону греков.

Отбросив в гневе пустую чашу в угол шатра, Иллур вперил свой взгляд в посланника Ганнибала. Грамоту и письмо он уже прочел, но разговора еще не было. Сначала скифский царь пожелал услышать отчет от своего посла, вернувшегося в лагерь возле захваченной Тиры. Но теперь ему все было ясно и настало время заняться послом Карфагена.

Федор Чайка перед самым отплытием разыскал при штабе Атарбала пленного грека, понимавшего по-скифски, и взял его с собой. За время неблизкого плавания он немного изучил этот язык с помощью толмача, а затем подтянул его в разговорах с Лехой. Сейчас Федор понимал почти все из сказанного, а остальное Леха ему переводил.

— Я помню тебя, — вдруг заявил Иллур, присмотревшись к загорелому и обветренному лицу карфагенского военачальника, — это ведь ты много лет назад был у меня пленником вместе с моим кровным братом?

— Было такое, — не стал отнекиваться Федор, скрестив руки на груди, — но с тех пор много воды утекло. Я стал военачальником в армии Ганнибала. А твой кровный брат тоже не пропал. Флотом командует.

— Ты прав, — кивнул Иллур, внезапно успокоившись и снова присаживаясь на ковер к небольшому столику, ломившемуся от яств, — воды утекло много. И вина, и крови...

Он замолчал ненадолго, задумавшись о чем-то. За это время возникший в шатре невесомой тенью слуга, вновь наполнил их чаши. И также незаметно исчез.

— Магон пишет, что я могу доверять тебе. Что у вас трудности в войне с римлянами, и просит помочь, — промолвил наконец Иллур, скользнув взглядом по свиткам, лежавшим тут, же на ковре. — Я уже много лет знаю Магона. Зря он ничего не сделает. Карфаген силен, у него много солдат и кораблей, а кроме того, он ближе. Почему Карфаген сам не поможет твоему хозяину?

Федор немного поморщился при слове «хозяин». Однако он слишком давно находился в этом древнем мире, чтобы понимать — свобода здесь не дается даром. Ее надо завоевать. И даже сильнейшие здесь имеют своих хозяев.

— Ганнибал уже захватил почти всю Италию собственными силами, — начал Чайка, старательно подбирая слова, — он много лет воюет против Рима и близок к победе. Нужен последний удар.

Федор замолчал, обдумывая новую фразу. Командир хилиархии понимал — оттого, что скажет, во многом будет зависеть успешность этого посольства. Ганнибал ждет его назад с

положительным ответом и Федор не должен промахнуться. Впрочем, он плавал в Карфаген с похожим заданием, и вести переговоры для морпеха уже не было таким непривычным делом. Пообтерся пунийский военачальник немного в высшем обществе. Говорить научился. Так что переговоры с Иллуром не казались ему слишком сложным делом. Тем более что ему составил протекцию «сам адмирал» Леха Ларин.

Наличие мощного флота у вчерашних кочевников впечатлило Федора. Здешние корабли, построенные греческими инженерами, ничуть не уступали карфагенским. А увидев эннеру, этот супердредноут античного мира, он едва не опешил. Такого он еще не видел нигде, даже на верфях собственной столицы в Африке. Размах строительства и вложенных в развитие нарождавшихся ВМС Скифии средств поразил военачальника. Если верить Лехе, а доказательства были налицо, с помощью своего нового флота скифы уже захватили несколько хорошо укрепленных греческих портов и в ходе боевых действий даже выиграли первые морские сражения.

Понятное дело, подготовка здешних моряков была еще далека от совершенства и не дотягивала до карфагенской, греческой или римской. Но не боги горшки обжигают. Иллур явно знал, чего хочет. И если так пойдет дальше, то вскоре Скифия станет мощнейшей морской державой, захватив господство на берегах Понта Эвксинского.¹ Что будет дальше, догадаться нетрудно. Дальше будет Средиземное море. Не сразу, конечно, но будет. А если вспомнить, что сухопутную армию скифов никто не отменял, то эта лавина вполне могла сокрушить разобщенную Грецию, став новым игроком на южном театре боевых действий. Затем, если их никто не остановит, скифы могли продолжить перекраивать политическую карту, ведь и в Азии сейчас жили так нелюбимые Иллуром греки. В незапамятные времена, насколько припоминал Федор, тропинки были протоптаны скифами аж до самого Египта. Так что с ними лучше было дружить. Тем более что Ганнибал сейчас именно этого и хотел. Если не обуздать, то хотя бы приручить эту силу. Использовать ее на благо собственных интересов.

— Иллур мудр, — вновь заговорил Федор, начав с лести, — он сам ведет войну на широких просторах и понимает, сколько нужно воинов, чтобы противостоять сильному противнику. А Рим был силен, когда наша армия вторглась в его пределы.

Федор отпил вина, проглотил засахаренный кусочек груши, наполнивший его рот приторным вкусом. Помолчал, словно давая скифскому царю время подумать над сказанным. Иллур молчал, не перебивая. Лишь теребил свою бороду.

— С тех пор прошло несколько лет и успехи Ганнибала вызвали зависть у его врагов в сенате Карфагена, — вновь заговорил Федор, — мы многого достигли, но на этом пути в сражениях тысячи лучших воинов погибли, а подкреплений, с которыми мы могли бы захватить Рим и закончить войну, так и не пришло. Несмотря на то что мы близки к победе, Ганнибалу нужны союзники, чтобы закончить эту победоносную войну. Но старейшины Карфагена размышляют очень долго. А Ганнибал не хочет ждать.

Назвав высокородных сенаторов старейшинами, Федор не сильно погрешил против истины. Да и такие слова были больше по сердцу Иллuru.

— Поэтому Магон прислал тебя ко мне, — ухмыльнулся Иллур, погладив бороду.

— Меня прислал сам Ганнибал, — уточнил Федор, открывая карты, — а в Карфагене о моем плавании знает только Магон.

— Хитрая лиса, — заявил Иллур, — Он хочет, чтобы я помог Ганнибалу, не дожидаясь решения ваших старейшин. А вдруг они окажутся против? Ведь твой хозяин должен выполнять указы старейшин. Он же не царь.

Тарас закрыл и вновь открыл глаза. Слово «хозяин» опять резануло слух, но уже мягче. Федор привыкал.

— Это так, — кивнул он, сложив руки на коленях, — зато ты — царь. Великий царь

¹ Черное море (греч.).

Скифии, конница которой не знает преград. И тебе не нужны приказы из Карфагена. Придя на помощь армии Ганнибала в Италии по собственной воле, ты больше приобретешь, чем потеряешь. И Ганнибал готов заранее признать все твои приобретения на этом пути и даже обещает отдать тебе большую добычу в самой Италии после крушения Рима. Ганнибал великий воин. Но он еще и богатый вождь, который всегда хорошо платит за помощь.

Иллур нахмурился, встал и вновь прошелся по шатру, как всегда делал в таких случаях.

— Но Ганнибал, — не царь, — вновь произнес он, обернувшись к Чайке.

— Для того чтобы сдержать свои обещания, у него хватит власти, — твердо произнес Федор. — Ганнибалу безраздельно подчинялась вся Испания, а теперь почти вся Италия. Когда ты окажешься у стен Рима, никто из сенаторов Карфагена уже не сможет тебе помешать получить свое.

Некоторое время Иллур мерял шагами огромный шатер. Наконец, принял решение. Он вновь сел, съел засахаренную сливу и выпил вина. Помолчал. Федор Чайка и Леха Ларин тоже молчали, не смея нарушить покой скифского царя.

— Чего хочет твой хозяин? — произнес наконец Иллур, вперив вопрошающий взгляд в карфагенского посланника.

Федор едва не улыбнулся, но сдержался. Похоже дело пошло на лад.

— Разбив гетов и фракийцев на Истре,² Ганнибал предлагает тебе немного отклониться от главного направления удара и выйти к Македонии. Ведь ты же все равно продвигаешься на юг.

Иллур молчал, понимая, что это еще не все.

— А затем, объединив свои силы с войсками союзного нам Филиппа Македонского, выйти на побережье Адриатики. Скорее всего, соседям Македонии, Иллирии и Эпиру это не очень понравится, и они могут попытаться вам помешать. У нас есть сведения, что римские посланники действуют в Иллирии. Впрочем, успехов у них пока маловато, — дикими иллирийцами, которые живут грабежом и пиратством, трудно управлять. Захватить и уничтожить их также нелегко, но возможно. А Эпир сам не любит римлян, хотя и не воюет против них. Вероятно, по дороге к морю скифам и македонцам придется сокрушить обоих соседей.

— Воевать с греками заодно? — поднял брови Иллур.

— Только с одним из греков, Филиппом, но зато против остальных, — поспешно пояснил Чайка, увидев, как напрягся скифский царь, — Ганнибал не призывает тебя дружить с греками. Ты знаешь, как долго Карфаген боролся против них везде, где только мог. Чего стоит одна только Сицилия, которой теперь владеет Рим совместно с Сиракузами.

— Продолжай, — оборвал его тираду Иллур, желая скорее услышать суть.

— Так вот, — закончил Федор Чайка, напустив на себя важный вид, — у Филиппа, которому принадлежит небольшая часть побережья, есть там флот. Сокрушив, если понадобится, противников на этом берегу материковой Греции, Филипп переправит свои войска в Италию и нападет на Рим с юга, придя на помощь Ганнибалу. Часть своих войск ты тоже можешь переправить с ним морем, если захочешь, а остальные отправятся дальше берегом. Через Иллирию в Северную Италию, где их встретят союзные кельты долины реки По. А оттуда путь на Рим скифская конница пройдет быстро.

О том, что по дороге придется «разобраться» с обосновавшимися на побережье пиратами, а также с дарданами³ и осевшими в этих местах кельтами-скордисками, Федор

² Дунай в нижнем течении именовался Истром. Для данной книги мы оставили это название применительно ко всей реке.

³ Дарданы — иллирийское племя, обитавшее у северных границ Македонии. Дарданы вместе с фракийцами часто предпринимали грабительские набеги на Македонию и Грецию. Во II в. до н. э. дарданы представляли серьезную угрозу для соседей, и македонские цари были вынуждены постоянно принимать карательные меры, чтобы обезопасить свои владения от таких рейдов.

решил умолчать. Для масштабных действий Иллур это были так, — мелкие сопутствующие проблемы. Царь скифов имел свою разведку и наверняка был отлично осведомлен о народах, обитавших в тех местах, куда он собирался нанести основной удар. План Ганнибала не так уж сильно уводил его в сторону. Во всяком случае, на первом этапе.

— Эпир все еще силен, — заметил вслух Иллур, уже размышляя, — и геты не сдадутся легко. Предстоят кровавые битвы. Так что все это может случиться очень не скоро.

— Но ведь великий царь все равно собирался напасть на Грецию. А Эпир тоже Греция, только западная. Разве не так? — осмелился уточнить Федор.

Иллур смерил его многозначительным взглядом и вдруг закончил аудиенцию.

— Хорошо. Я выслушал тебя, Федор Чайка, по просьбе моего старого друга Магона. И скоро дам тебе ответ. А пока ты можешь отдыхать.

Скифский царь перевел взгляд на своего кровного брата.

— Ал-лэк-сей, размести нашего гостя в лучшем доме и дай ему все, что пожелает. Я сообщу о своем решении, когда придет время.

Федор Чайка поклонился, выходя вслед за адмиралом.

— Ну что я тебе говорил, — похвалился Леха, едва они покинули шатер Иллур, оставив за спиной рослых охранников с копьями и щитами в руках, — царь тебя сразу примет. Это же мой кровный брат, как ни крути. Почет и уважение дорогому гостю.

— Ну да, все так, — рассеянно ответил Федор, разглядывая сотни походных юрт, из которых состоял огромный лагерь скифов, раскинувшийся в поле неподалеку от Тиры, еще недавно считавшейся греческой колонией.

— Что-то не торопится Иллур дальше идти, — заметил словно в ответ на его мысли бравый адмирал, оглядывая бесконечный лагерь, по которому в лучах вечернего солнца сновали вооруженные всадники, — я-то думал, его разыскивать в степях придется по возвращении. Иллур ведь каждый день вперед рвется, расширять границы империи. Приплыли, — а он еще и с места не двинулся. Словно тебя поджидал.

— Это вряд ли, — отмахнулся Федор, — я ведь не знал, когда сюда доберусь. Да и с тобой встречи не планировал. Случай.

— Ну тогда пойдем, — предложил Леха, — я тебе покажу, где ты будешь жить, пока царь думать будет. А потом предлагаю выпить по чарке за случай. И по второй за успешные переговоры, а также предстоящее сотрудничество различных родов войск. Глядишь, если согласится наш царь, то и повоюем еще вместе.

— Может и так, — кивнул Федор, направляясь к привязанным неподалеку лошадям, возле которых его ожидало шестеро охранников из морпехов Карфагена. Больше он решил с собой не брать. Не во вражеский лагерь приехал.

Сев на коней, небольшой отряд устремился с холма вниз, по натопанной копытами тропинке, что вела меж юрт к захваченному городу. Леха решил поселить своего друга не в лагере, а в одном из многих уцелевших после штурма зданий. Одержав победу, скифы не стали выжигать город дотла, ограничившись казнями греческих солдат. На город и порт Тиры Иллур имел свои планы.

— А что же царь не живет в городе? — удивился Федор, вспоминая карфагенских военачальников, которые тоже жили в шатрах, если речь шла о походе, но предпочитали сразу переехать в городские дома, если рядом обнаруживался приличный город.

— Да он у нас странный, — заметил Леха, нервно всматриваясь во что-то впереди, — мог бы жить как настоящий царь, во дворце с наложницами. Земель и городов много уже захватил. Золота целые возы нагребил. А вместо этого продолжает жить в юрте, рядом с простыми солдатами.

— Станный у вас царь, но правильный, — заметил на это Федор, покачиваясь в седле, — Ганнибал такой же. Споются.

Не успели они отдалиться от шатра Иллур на несколько сотен метров, как им навстречу выехал другой отряд, — человек двадцать длинноволосых воинов, затянутых в кожу доспехов. Федор поначалу принял их за кельтов. Но, рассудив здраво, решил, что

кельты здесь не могли появиться, да и лица у всадников не были размаляваны боевыми цветами. А когда присмотрелся, вдруг с изумлением заметил, что это женщины.

Все всадницы были высокого роста, широки в плечах. Грудь, стянутая ремнями, была почти не видна, спрятанная под доспехами, металлические пластины на которых поблескивали в лучах заходящего солнца. Ноги воительниц обтягивали кожаные штаны, прихваченные на лодыжках ремешками, как у виденных Федором скифов. Обвешанные оружием с ног до головы воинственные женщины имели красивые лица, голубые глаза и длинные русые волосы, выбивавшиеся из-под искусно сделанных шлемов. Впрочем, та, что скакала впереди всех и была среди них главной, сразу сняла шлем и тряхнула своей гривой, осадив коня, едва отряд воительниц поравнялся с ними. Это была не только красивая, но и грозная с виду девушка, о чем говорил ее немалой длины меч, свисавший с боку. И мечом этим, судя по всему, красotka владела в совершенстве.

Между тем удивление Чайки было ничем, по сравнению с тем чувством, которое он прочитал на лице своего друга, — тому явно хотелось провалиться сквозь землю вместе с конем. Похоже этой встречи он никак не ожидал, и все бахвальство морпеха мгновенно испарилось. Он весь как-то съёжился и даже стал меньше ростом.

«Что это он каких-то баб испугался, — изумился Федор, — раньше с ним такого не бывало».

— Здравствуй, скиф, — обратилась к Лехе предводительница неизвестного отряда, — куда же ты пропал из земель бастарнов?

— Арчой отправил меня к царю с обозом захваченного золота, Исилая, — ответил Леха, взяв себя в руки. — А царь не отпустил меня обратно, оставив воевать здесь. Ты же знаешь, я лицо подневольное — где Иллур скажет, там и буду воевать.

— Знаю, — кивнула амазонка, не сводя взгляда с лица Лехи, но по ее тону чувствовалось, что она не поверила ни единому слову, — я сама еду к Иллуру. Думаю, завтра на рассвете он отправит меня обратно. Но сегодня вечером я хочу встретиться с тобой, скиф.

Последние слова были сказаны таким тоном, словно Лехе назначали свидание. Причем именно назначали. С обязательной явкой. С каждым мгновением Федору становилось все интереснее наблюдать за этой сценой. Тем более что загадочная Исилая говорила с Лехой открыто, напрямую, и ей было абсолютно наплевать, что их слышат еще человек тридцать.

— Сегодня не могу, — заволновался Леха, кивнув в стону Чайки, — сегодня я должен позаботиться о царском госте.

— Но ведь ты же не должен с ним проводить всю ночь, — настаивала Исилая, скользнув безразличным взглядом по Федору.

— Нет, — признался Леха, как-то странно посмотрев на друга, — хотя, как выйдет.

Последнее он добавил, вспомнив о предстоявшей пьянке.

— Я остановилась в шатре на восточной окраине лагеря, — произнесла приговор Исилая, хлестнув коня, — прощай, скиф.

И ускакала впереди своего отряда из голубоглазых, как на подбор, амазонок.

— Это еще что за явление? — не выдержал Федор, обернувшись им вслед, когда пыль от копыт немного осела.

Его друг некоторое время собирался с мыслями, находясь в явном замешательстве. Затем он тронул коня и молча поехал вперед. Федор сделал то же самое. Отряд карфагенского посланника возобновил свой неспешный путь в Тиру. Ехали так минут пять.

— Понимаешь, сержант... — начал Леха издали, и Чайка понял, насколько его друг потрясен этой встречей — его очень давно не называли сержантом.

— Ну, в общем, переспал я тут с одной... — начал подбирать слова бравый адмирал, — а потом с другой. А потом они из-за меня подрались. Насмерть. И эта, Исилая, другую просто зарубила своим мечом.

— Ну ни хрена себе порядки тут у вас, — изумился Федор, — нет, у нас тоже крови немало льется. В том числе из-за женщин. Но что-то я не встречал ни в Карфагене, ни среди римлян отдельных легионов, укомплектованных из одних красавиц.

— Вот тот-то и оно, — назидательно заметил Леха, понемногу приходя в себя, — а здесь они есть. И многие тысячи. Представь, каково мне приходится. Это все сарматские женщины, дальняя родня скифам. У них бабы ведут себя как мужики.

— Чего, так же крепко пьют? — удивился Федор.

— Да нет, — отмахнулся Леха, направляя коня в городские ворота, у которых стояло несколько пеших охранников, признавших его издалека, — так же крепко дерутся, а многие даже крепче. Вот эта, например, Исилия, уже не один десяток своей рукой на тот свет спроводила.

— Ну да? — не переставал удивляться Федор, проезжая по мощеным улицам Тиры между домами с колоннами и портиками. — А чего ты ее так боишься? Она же баба, в конце концов. Пошли ты ее подалее и все. Скажи, разлюбил, мол, ничего не поделаешь.

Леха вздохнул.

— Если я ей это скажу, — с трудом наконец проговорил он, отчего-то потеряв рукой правый глаз, — то мне придется драться с ней насмерть. Амазонки такого не прощают. Тем более эта — хозяйка целого города. Слышал, как она со мной разговаривала? Типа я к ней в услужение нанимался, хотя я скифский адмирал.

Сказав это, адмирал немного посопел и продолжил изливать душу бывшему сослуживцу.

— Всего-то один раз и было. Я ведь, если хочешь знать, сержант, в то плавание отправился, где чуть не погиб, только из-за того, чтобы подалее от нее быть. Думал война, всякое может случиться. И с ней и со мной. Надо время потянуть. Но не вышло. А у меня ведь здесь наложница есть и ребенок родился. Буквально вчера сообщили. Мальчик. В Крыму меня дожидаются. Вот и не знаю, что теперь со всем этим делать.

Тем временем они миновали порт, и Федор разглядел в недалекой гавани корабли, на которых приплыл. Все три квинкеремы были на месте. Матросы занимались своими обычными делами, а морпехи стояли на палубе у борта, разглядывая акваторию. Тишь да гладь. На другой стороне лагуны по берегу виднелось несколько белых пятен, — больших домов в греческом стиле, выстроенных у самой воды.

— Ладно, брат, — решил Федор, — тут без пол-литра не разобраться. Долго еще нам ехать?

— Да вот, прибыли уже, — указал Леха на симпатичный особняк, реквизированный у кого-то из греческих купцов, — здесь ты и будешь дожидаться ответа нашего царя. А думает он иногда долго. Так что устраивайся. Отдыхай. Еда там есть.

Федор спрыгнул с коня, бросив поводья одному из подбежавших солдат. Леха оставался на лошади, не выказывая желания спускаться.

— А вино в этом домике водится? — уточнил Чайка, осмотрев снаружи двухэтажный особняк, окруженный десятком пахучих кипарисов.

— Целый погреб, — проговорил Леха, явно погруженный в невеселые размышления, — я проверял. Людей своих вон в том флигеле можешь оставить ночевать, если на корабль не отправишь.

— Рядовой Ларин, — вдруг возвысил голос Федор, видя, как мается его друг от безысходности, — слушай мою команду. А ну слезай с лошади и двигай за мной. Мне срочно нужно помочь распечатать местный погреб. А твоя голубоглазая стерва с мечом подождет. До утра еще далеко.

Повеселевший от такого предположения Леха спрыгнул с коня и отправился вслед за товарищем. Еду и вино они разыскали мгновенно. Погреб был в целости — десятки кувшинов, оплетенные виноградной лозой, стояли на полках в небольшом подвале.

— И то верно, — рассуждал Леха, вскоре устроившись за столом на внутренней террасе, откуда был виден порт и большая часть лагуны, — выпью рюмашку, может, какая мысль придет. На трезвую голову все равно ничего не придумать. Верно?

— Верно, — подтвердил посланник Ганнибала, разламывая на части хлеб и поглядывая в сторону сырной головы, обнаруженной все в том же погребе. С едой здесь проблем не

было. Ларин действительно обеспечил дорогого гостя всем необходимым. Хотя одного здесь все же не хватало: Федор как ни старался не нашел в доме никаких кружек и пить друзьям пришлось прямо из кувшинов. Вся остальная посуда была разбита.

— Давай, брат, — чокнулся с Лехой своим кувшином Чайка, уставший от долгой дороги, — за счастливый случай.

Глава вторая **Веселая ночка**

В тот вечер Ларин напился вусмерть и никуда не поехал. Да и Федор захмелел быстро, — стаканов не было, приходилось частить, выпивая кувшин за кувшином. А вино было хорошее с бархатистым вкусом. Умели греки вино делать, сволочи. Леха ведь не зря решил друга именно здесь поселить, поскольку только в этом доме, одном из немногих, после захвата Тиры, сохранился хороший запас спиртного. А морпеху после плавания без него никуда. Усталость тоже брала свое, — Чайка ведь с корабля сразу на переговоры с Иллуром поехал, чтобы не тратить драгоценное время. И вот только теперь мог себе позволить отдохнуть, скинув панцирь.

После третьего кувшина адмирал расслабился и решил немедленно послать всех амазонок подальше.

— Никуда я не поеду, — бушевал Леха, так и не снявший доспехи, грозя кулаком потемневшему небу над бухтой, — да кто она такая, чтобы мной командовать?

Слушая вопли друга, разносившиеся над спящим городом, в котором после смены власти осталась добрая половина населения, а также гарнизон скифов, Федор пил и ел, не торопясь с выводами и размышляя над полученной информацией. Честно говоря, друга было жалко, запутался немного парень, но больше Чайку сейчас волновало, на что решится скифский царь. От этого во многом зависело будущее армии Ганнибала и его собственное.

Насытившись и расслабившись, он вдруг заметил, что стало тихо. Обернувшись в сторону умолкшего друга, Федор увидел, что brave адмирал уже спит глубоким хмельным сном, развалившись прямо под открытым небом на лавке. «И то дело, — решил Федор, откидываясь на своей скамейке, — зачем в дом идти, на свежем воздухе хорошо. Ночи здесь теплые».

Некоторое время, глядя на огромную луну, цеплявшуюся за вершины кипарисов, он слушал бормотание друга, который все никак не мог успокоиться и с кем-то спорил даже во сне. А потом и сам заснул сном блаженного.

Однако спал он недолго. Всего пару часов, не больше. Звериное чутье, выработанное за годы войны и постоянной опасности, не дало ему спокойно провести эту ночь. Ни с того ни с сего, командир хилиархии вдруг проснулся. Его разбудил какой-то странный звук.

Не вставая, Федор прислушался. Вокруг было тихо, лишь вдали шумел прибой, а рядом стрекотали ночные насекомые. Все казалось на первый взгляд мирным. И вдруг он вновь услышал этот звук — тихо скрипнул песок на каменной плите под подошвой башмака. Кто-то приближался, пробираясь вдоль ограждения террасы.

«Странно, — подумал Чайка еще хмельным сознанием, — троих солдат я отправил на корабль, а оставшихся уложил во флигеле, может, кто из них решил меня проведать? Вряд ли. А может это просто воры?»

Повинуясь инстинкту, он решил сделать вид, что спит и подождать развязки. Меч и доспехи Чайка положил в доме, оставшись только в хитоне и сандалиях. Если придется драться, то бежать за ними долго. «Ладно, — успокоил себя боец, разглядев на столе полупустой кувшин на расстоянии вытянутой руки, — придется обойтись подручными средствами. Не в первой».

Между тем осторожные шаги приблизились и затихли с той стороны невысокого ограждения напротив стола. Человек остановился. Терраса хоть и выходила на бухту, но была внутренней частью дома, и попасть с улицы на нее было невозможно. Дом стоял прямо

на обрывистом берегу. «Неужели кто-то из своих, — удивился Федор, заметив отблеск луны на доспехах неизвестного, на секунду выдавшие его положение, — это же солдат в полном вооружении».

Федор напрягся, подготовившись отразить нападение. Кем бы ни был тот человек, притаившийся в двух метрах, он явно пришел сюда с недобрыми намерениями. И едва он взялся за ограждение, подтянувшись и быстро перекидывая через него свое тело, облаченное в кожаный панцирь, как Чайка резким движением схватил со стола кувшин, вскочил и врезал непрошенному гостю глиняным сосудом в лоб. Раздался треск. Кувшин разлетелся на черепки от удара о незащищенную голову, и солдат мешком рухнул обратно вниз, распластавшись на камнях у террасы.

Федор подскочил к ограждению и быстро оглядел тело. Человек был один, и это действительно был морпех Карфагена, один из его охранников. В первое мгновение Федор решил, что ошибся насчет его намерений. Однако вскоре Чайка разглядел блеснувший в лунном свете клинок кинжала, который оглушенный солдат по-прежнему сжимал в руке.

В следующую секунду выяснилось, что нападавший был не один. Обернувшись назад, Чайка увидел еще двоих солдат, что выскочили из дома на террасу с мечами в руках. Ситуация обострилась. Федор бросил взгляд на друга. Но с удивлением заметил, что от звона разбившегося кувшина и глухого шума упавшего на камни тела он даже не проснулся. Леха храпел на своей лавке как ни в чем не бывало, проклиная во сне амазонок.

— А, тогда вы действительно за мной пришли, — словно обрадовался Федор и пнул лавку, на которой спал его друг. — Леха, вставай у нас гости.

Леха свалился под стол, промывав что-то нечленораздельное, но просыпаться отказывался. Тем временем солдаты, которые должны были его охранять, бросились вперед с явным намерением его убить. Не дожидаясь, пока его зарежут собственные охранники, безоружный Федор подхватил скамью, на которой спал Леха, и с разворота приложил ей первого, подскочившего к нему воина. Удар оказался удачным, солдат отлетел на пару метров и даже выронил меч. От удара второго бойца Чайка увернулся, потом пригнулся под просвистевшим клинком и нанес ответный удар ногой в пах. А когда солдат согнулся пополам, въехал ему со всей силы коленом в лицо. Раздался хруст. Похоже, от такого страшного удара нос у солдата сломался. Но это не разжалобило Федора, который новым ударом ноги отправил его в нокаут, подхватил выроненный им меч и, отпрыгнув на пару шагов назад, приготовился к отражению новой атаки.

Другой солдат, оклемавшись, поднял свой клинок, блеснувший в свете угасавшей луны — уже начинало светать — и в ярости бросился к нему. По пути он заметил вылезавшего из под стола Леху и походя ударил того ногой по голове. Взыв от боли, морпех снова улетел под стол, а ударившись о массивную ножку, похоже, окончательно проснулся. Во всяком случае оттуда донесся отборный мат. Леха очень не любил, чтобы его будили таким способом.

Схватившись на клинках с нападавшим, Федор быстро понял, что перед ним настоящий боец. Пара ударов, просвистевших в сантиметре от лица, и один, вспоровший хитон на боку, быстро заставили командира хилиархии окончательно протрезветь. Но и он был не из последних солдат. Отразив еще одну серию ударов, загнанный в угол террасы Чайка перешел в наступление. Он нанес несколько рубящих ударов, способных рассечь бревно средней величины, и если бы один из них достиг цели, то исход схватки был бы уже решен. Но его бывший охранник не сдавался и поединок шел в полумраке с переменным успехом. Они прыгали вокруг стола, пытаясь нанести друг другу смертельный удар, но лишь пару раз зацепили друг друга.

— Ну и кто тут, твою мать, мне спать мешает? — раздался позади них грозный рык, — амазонки напали? Ну я сейчас вам покажу, бабье! Держись, сержант!

Разъяренный Леха выхватил свой меч и двинулся было на выручку другу. Но в этот момент снаружи послышался шум, и на террасу вбежало еще пятеро вооруженных мечами и короткими копьями людей, одетых как обычные горожане и не похожих на солдат

Карфагена. Чайка уже мог рассмотреть их в предрассветных сумерках.

— А это еще кто? — прямо спросил у своего противника Федор, отскакивая в сторону. — Твои помощники из местных бандитов, на случай если сами не справитесь?

— Ты прав, — ответил боец, не таясь, — вам не уйти. Дом окружен.

— Ну это мы еще посмотрим, ублюдок, — крикнул Федор, запрыгивая на ограждение, — попробуй, возьми, сначала!

Поднявшись над террасой, он увидел, как Леха отбил два направленных в его сторону копья и проткнул насквозь одного из нападавших. Того, на котором не было доспехов. Впрочем, он был сейчас в такой ярости, что и доспехи не спасли бы. Еще двое бросились на помощь к последнему оставшемуся в строю карфагенскому солдату.

Впрочем, Федор рано списал остальных. Парень со сломанным носом уже поднялся. Да и первый, тот, которого он приголубил кувшином по голове, очнулся и, выхватив меч, смотрел на него безумными от ярости глазами снизу. С террасы приближались сразу трое. Они понимали, что нападение затянулось, жертва слишком долго сопротивлялась, не ровен час шум могли услышать скифские патрули, разъезжавшие по улицам. И решили ускорить процесс. Каким-то чутьем Федор уловил движение копейщика и увернулся от просвистевшего мимо дротика.

— Держись, Леха, — крикнул он и, не дожидаясь следующего копья, прыгнул вниз, где его поджидали.

Взметнувшуюся руку с клинком он увидел отчетливо и, уйдя чуть в сторону, резким движением отсек ее кисть. Раздался дикий вопль, а затем Федор услышал звон и мягкий шлепок. Это отрубленная ладонь вместе с клинком упала на камни мощенного двора. Зажав окровавленную руку, раненный боец с криками бросился бежать куда-то во двор. Но Федор настиг его и всадил в бок острие меча.

Второй охранник уже перемахнул через ограждение, оказавшись у Чайки за спиной. Федор развернулся и, петляя, чтобы не получить копьё в спину, чуть отбежал в сторону. Охранник последовал за ним. Приблизившись к обрыву, рядом с которым росло несколько кипарисов, Федор укрылся в их тени от копейщиков. Приготовившись к отражению новой атаки, он бросил взгляд в сторону террасы, где Ларин рубил направо и налево наседавших бандитов.

— А ну в очередь, сукины дети, — орал Леха, сверкая клинком и отправляя в полет ударом кулака очередного зарвавшегося грека, которого только что лишил оружия, — я же сказал, в очередь!

— Тебе конец, Чайка! — крикнул охранник, бросаясь на командира хилиархии, — тебе не убежать отсюда!

— А я и не собираюсь, — сплюнул сквозь зубы Федор, — иди ко мне, щенок.

Отбив направленный в грудь клинок, он нанес своему противнику ответный удар в голову кулаком, свалив его на землю.

— Ты слишком слаб для того дела, за которое взялся, — процедил сквозь зубы Федор, вдруг подумав о том, что даже не знает, как зовут этого и остальных охранников. Он взял их с собой просто потому, что они были самыми рослыми из команды морпехов. Как гвардейцев на парад.

Солдат быстро поднялся и, перехватив клинок, с криком вновь бросился на него, вложив в этот удар всю накопившуюся ярость. Федор подталкивал его именно к такому броску. Легко уйдя в сторону, он, чуть присев, рубанул мечом по ребрам, рассекая кожу панциря. Удар его противника пришелся в пустоту, и боец, промахнувшись, с криком рухнул с обрыва вниз, срывая за собой небольшой камнепад. Прокатившись по наклонной плоскости несколько метров, тело охранника оторвалось от скалы и, пролетев еще метров пятнадцать вниз, глухо ударилось о прибрежные камни. Федор, осмотревшись и не увидев противника поблизости, подошел к краю обрыва, пытаясь разглядеть его. Но сумерки были еще слишком плотными, и внизу царил полумрак. Однако звук удара был отчетливым, и можно было не переживать о том, что парень выжил. Шансов никаких.

— Впрочем, — подумал вслух несколько с опозданием Чайка, — надо бы хоть одного захватить живым и побеседовать. Что-то не нравится мне это вмешательство в переговоры в первом же раунде.

Краем уха Федор вдруг услышал новый шум снаружи. Еще несколько вооруженных людей вбежало на террасу из дома. Но двигались они как-то суетливо, скорее убегали, чем наступали. «Только бы не подмога к этим гадам подоспела, — напрягся он, — а то не отобьемся, — многовато их сегодня на наши головы».

Федор бросился бежать и, сделав несколько прыжков, оказался на террасе, с ходу рубанув по голове одного из копейщиков подбиравшегося к Лехе сзади. Бандит обмяк и рухнул на мозаичные плиты, выронив копье. То, что Чайка, приготовившийся к новому наплыву гостей, увидел затем, ему запомнилось надолго.

В просветлевшем утреннем воздухе на заваленную трупами террасу ворвалось несколько амазонок, и впереди всех была Исиля. Без шлема, с разметавшимися во все стороны длинными волосами, она показалась Чайке богиней возмездия. Красотка размахивала своим длинным мечом так, словно косила траву. Буквально за несколько мгновений, на глазах изумленного Федора, она рассекла отточенными движениями почти пополам троих стоявших перед ней греков. А затем отрубила голову едва поднявшемуся на ноги охраннику с переломанным носом, уничтожив в горячке последнего свидетеля. Другие амазонки также ловко расправились с оставшимися бойцами, кого проткнув, а кого зарубив.

— Ты не пришел, и я сама приехала к тебе, — заявила Исиля скифскому адмиралу как ни в чем не бывало, поигрывая окровавленным мечом, — и кажется вовремя.

— Да, на нас напали, — пробормотал Леха, обалдевший от новой встречи с амазонкой.

— Иллур оставил меня здесь на несколько дней, — сообщила Исиля и ее голос немного потеплел, — так что у нас еще будет время для встреч.

И не сказав больше ничего, удалилась вместе со своими воительницами, даже не посмотрев в сторону карфагенского посланника.

— Серьезная девушка, — проговорил Федор, глядя ей вслед.

Опустив меч, Ларин молчал, также не сводя глаз с опустевшего дверного проема, в котором только что исчезла последняя амазонка. Затем он перевел взгляд на друга, и Федор прочитал в нем глухую обреченность.

— А может, не стоит отказываться от такой партии, — не удержался командир хилиархии от ерничества и похлопал Леху по плечу. — Красавица, дерется будь здоров, сам видел. Ты за ней как за каменной стеной будешь.

— Да пошел ты, сержант, — беззлобно пробормотал Леха, — давай лучше еще выпьем.

Подняв стол, они сходили в погреб за вином и выпили еще, ничуть не смущаясь тем, что вокруг валялись окровавленные трупы. Лехе сейчас было не до этого, а Федор не мог не поддержать друга в трудную минуту. Так они и встретили рассвет нового дня.

— Я хочу знать, как на мой корабль попали эти люди? — допрашивал, спустя несколько часов, посланник Ганнибала капитана своей квинкеремы, который явился к нему в дом с обычным докладом и застал там полный разгром.

При этом Федор Чайка указал на трупы двух мертвых солдат Карфагена. У одного была отрублена рука, а у второго голова. Третий находился слишком далеко, у линии прибоя. Капитан, облаченный в доспехи бородатый финикиец, внимательно рассмотрел изуродованные лица и сказал с сомнением в голосе:

— Этих двух и еще двадцать человек мне прислали в последний день перед отплытием для того, чтобы укомплектовать команду.

— Кто прислал? — наседал Чайка, которому так и не удалось выспаться, зато удалось хорошенько набраться. Впрочем, чтобы не показать подчиненному свое истинное лицо, он не вставал со скамьи.

— Капитан квинкеремы, которую утопили римляне в последнем бою. Часть спасшегося экипажа и морские пехотинцы были расформированы по другим кораблям. Суматоха была сильная, я не успел всех проверить. Да и зачем?

— Ладно, — отстал от него Федор, понимая, что на войне может быть все, и капитан не виноват, — до отплытия усилить мою охрану. Пришли мне десяток самых проверенных людей, за которых отвечаешь головой.

— Выполню немедленно, — слегка поклонился капитан квинкеремы.

— Где остальные охранники, которые были со мной вчера? — спросил Чайка и, прищурившись, посмотрел на солнце.

— Они на месте, несут службу, — оправдывался капитан, — что прикажете сделать с ними?

— Заприте их, пока я с ними не побеседую. С корабля не отпускать и следить в оба. Не уверен, что они были заодно. Но, не дай бог, сбегут, — приказал Федор, — и еще.

Он помолчал, облизнув губы.

— Тут был третий, который доставил мне больше всего беспокойства. Ночью я сбросил его со скалы вниз. Немедленно отправьте туда поисковую команду на лодке, я хочу убедиться, что все они мертвы.

Капитан, получив задание, ушел, оставив у входа в дом четверых солдат, двое из которых сразу принялись убирать трупы греков.

— Жаль, конечно, поговорить не удалось по душам, — заметил Федор, обернувшись к сидевшему напротив скифскому адмиралу, уже разомлевшему от жары, — интересно, кто их подослал ко мне и откуда взялись эти греки.

— Наверное, из местных, — предположил Леха, — предоставь это мне. Я вытрясу из поселенцев душу, но найду тех, кто помог твоим налетчикам.

— Благодарю, — кивнул Федор, — если подкинешь информацию. Хотелось бы понять, кому я не угодил. Уверен, скифы тут не причем. Этих ребят я привез с собой и скорее всего их командир находится в Италии, а может, и еще дальше.

Посмотрев на смурного друга, который пил очередной кувшин, не обращая внимания на жару, Чайка перехватил его руку и сказал.

— Слушай, Леха, расслабься. Съезди ты к ней и приголубь, она на какое-то время остынет. Бабе ведь что надо... ну, сам понимаешь. А там, глядишь, и образуется как-нибудь.

— Ладно, сержант, разберемся, — отмахнулся Леха, — если пока нас больше никто не хочет убить, то я пойду в дом спать. Надо в себя прийти, а то еще, не дай бог, Иллур захочет видеть.

— Отличная идея, — поддержал Федор, вставая на нетвердые ноги, — я тоже вздремну пару часиков.

И друзья, слегка покачиваясь, направились в комнату, где царила прохлада. Там оба рухнули на кушетки в разных углах и почти одновременно захрапели. Первая ночь после прибытия выдалась на славу.

Когда Федор проснулся, то увидел, что друга на месте нет. А, облачившись в доспехи и выйдя во двор, застал там капитана квинкеремы, который прибыл с десятком морпехов, тащивших на парусине тело третьего солдата. Неудавшийся убийца был весь переломан, а лицо, ободранное о камни, превратилось в кровавую кашу.

— Ясно, — кивнул Федор, окинув взглядом останки, — выбросьте его собакам. Ты не видел скифского адмирала?

— Ваш друг попался нам по дороге сюда, — ответил капитан, — проскакал мимо. Сейчас он, наверное, уже у самых ворот Тире.

— Тогда пойдем на корабль, — кивнул Федор, — я хочу поговорить с теми тремя. И приберите здесь все.

Разговор с остальными охранниками не вызвал особых подозрений, кроме одного, — лишний раз убедил Федора в том, что вся троица планировала это нападение заранее. Вчера вечером он разрешил троим бойцам вернуться на корабль, оставив вопрос, кому именно возвращаться на усмотрение самих солдат. И между ними даже вышел спор, который кончился тем, что трое убийц даже предложили своим сослуживцам деньги, сообщив, что им очень хочется заночевать на твердой земле. Мол, они в морпехах недавно и устали все время

находиться на палубе. На том и порешили. Ну а все, что произошло дальше, Чайке рассказывать было не нужно.

Этих троих он велел выпустить из-под ареста. Вряд ли они были заодно. Впрочем, его беспокоило другое. Если он умудрился собственноручно выбрать из общей массы себе в охранники троих подосланных убийц, то неизвестно, сколько их еще могло оставаться среди экипажа. Капитан говорил, что принял на борт двадцать два человека с другого корабля. Не факт, что все они были подосланы, но расслабляться было рановато.

Впрочем, вдаваться в панику по поводу случившегося Федор тоже не собирался. Назвался груздем, как говорится, будь готов, что тебе перережут глотку. А он сейчас, хотел того Чайка или нет, от имени Ганнибала вершил мировую политику. Иначе и не сказать. А на этом пути могла найтись масса желающих не допустить возникновения нового союза. От Рима до самого Карфагена.

«Так что, смотри, брат Тертуллий, в оба, — мысленно усмехнулся Федор, спускаясь с корабля по трапу в окружении десяти новых охранников, отобранных лично капитаном. И подумал — хорошо бы это посольство побыстрее закончилось. Потом убивать меня будет уже не так обязательно».

Боги слышали его молитвы. У ворот своего временного жилища, где теперь постоянно дежурили морпехи с флагманского корабля, сменяясь каждые два часа, Федор заметил гарцевавшего на коне скифа, панцирь которого, похожий на рыбью чешую, переливался на солнце. Всадник прискакал другой дорогой, но оказался у дома одновременно с карфагенским посланником.

— Иллур желает тебя видеть, — сообщил скиф и, поигрывая плеткой, добавил, — немедленно.

— Передай царю, что я еду следом за тобой, — ответил Чайка.

Испутив вопль, скиф ускорился, а Федор переоделся в парадные, синие с золотыми нашивками, доспехи и в окружении многочисленной охраны, незамедлительно явился в юрту Иллур. Пройдя сквозь строй вооруженных копьями пехотинцев, он откинул полог и вошел внутрь. На сей раз царь скифов был один. Он стоял в дальнем конце юрты, рассматривая какой-то свиток, на котором Чайка заметил карту, — реки и горы, нарисованные вполне фактурно. Федор невольно вспомнил человека, попавшегося ему навстречу. Низкорослого скифского военачальника. Похоже, Иллур получил очередное донесение с отдаленного театра военных действий.

— Я слышал о том, что случилось, — заявил Иллур, сворачивая свиток, — прости, что мой человек не смог уберечь тебя от этого нападения.

— Он не виноват, — поспешно заявил Федор, не желая, чтобы на голову несчастного морпеха пало наказание, — на меня напали мои собственные люди. Кто-то хочет расстроить наш союз.

— Ему это не удастся, — заявил Иллур, обернувшись и посмотрев в упор на карфагенского военачальника, — я принимаю союз с Ганнибалом. Так и передай своему хозяину. Не пройдет и нескольких месяцев, как мы разобьем гетов, а затем вторгнемся в Эпир.

— Это мудрое решение, — ответил Чайка, поклонившись царю скифов. — Когда вы подойдете к Македонии, Филипп пришлет к тебе своих послов. Покажи им вот это.

Федор снял с шеи цепочку, на которой висела золотая птица с обломанным крылом.

— Македонцы в день встречи привезут с собой недостающую часть медальона. Так ты поймешь, что им можно доверять. А когда ваши армии окажутся на побережье, пришли к нам своего посланника, чтобы мы узнали об этом.

— Когда мы выйдем к дальнему морю, все узнают об этом, — рассмеялся Иллур, принимая птицу из рук Федора, — но если Ганнибал так хочет, я пришлю к нему посланника с доброй вестью.

— Лучше, если это будет твой кровный брат, — добавил Федор, — Впрочем, как пожелаешь. Думаю, к тому времени мы будем уже в Таренте. Я отплываю немедленно,

чтобы скорее обрадовать своего хозяина.

— Ты можешь отплыть, когда пожелаешь, — кивнул Иллур, давая понять, что встреча окончена, — главное уже сказано.

Весь остаток дня солдаты под руководством Федора занимались пополнением запасов, опустошая греческие склады, которые оборонявшейся стороне так и не удалось уничтожить во время штурма. Когда стемнело, все было готово, но Федор задержал выход в море до утра. Не было особой необходимости плыть ночью, да и Леха куда-то запропал. Уехав тогда, он пока никак больше не давал о себе знать. Но на следующее утро Федор, нервно разгуливавший по палубе, с радостью заметил знакомую фигурку всадника, который несся во весь опор, стуча копытами по мостовой.

— Извини, сержант, задержался, — выдохнул Леха, взбежав по трапу на палубу квинкеремы.

— А я уж думал, не увидимся перед отплытием, — ответил Федор, обнимая друга, — что-то у тебя усталый вид. Неужели, решил свою проблему?

— Ну решил не решил, — отмахнулся явно повеселевший Леха, вытирая пот со лба и вспоминая о событиях недавней ночи, — а на время отодвинул. Что дальше будет, поглядим.

— Ясно, — кивнул Федор, — только не забудь в Крым съездить, ребенка навестить.

— Само собой, — ответил Ларин, — Это святое. Ладно, плыви, сержант. Не люблю долго прощаться. Да и скоро свидимся, Иллур ведь согласился.

— Еще повоюем, — подтвердил Федор, — и ты не скучай, адмирал.

Глава третья В земли гетов

Из Крыма Леха вернулся довольный и веселый. Выпросил у кровного брата «краткосрочный отпуск», чтобы посмотреть на недавно родившегося сына. Иллур, не долго думая, отпустил. Несмотря на то что предложение тайного посланника Ганнибала он принял, с наступлением не спешил. Дальше на юг перед ним лежали земли многочисленных противников, и первыми предстояло разгромить гетов, конечно, уступавших скифам в военной организации, но все же достаточно сильных и хорошо вооруженных. Конница у них была неплохая. Иллур не сомневался в победе, но как мудрый и дальновидный военачальник, который только начинал свое победное шествие по миру, тщательно готовил удар, прежде чем его нанести.

— Езжай, — сделал царь скифов широкий жест, — на сына посмотри. Потом долго его не увидишь.

Леха даже вздрогнул от такого напутствия. Спешившись, они стояли на берегу моря. Позади, на некотором расстоянии, расположилась сотня охранников Иллора. Кровные братья вместе часто объезжали окрестности под вечер или на рассвете, — царь скифов любил конные прогулки, и никто не мог упрекнуть его в том, что он «потерял форму».

— Эта война может затянуться, — пояснил Лехе Иллур, поглядывая на бесконечный горизонт над морем. — Когда мы нападём, геты сдадутся не сразу. Они понимают: я пришел не уговаривать, я пришел покорять. Битва будет жестокой. Но мы победим. А потом нас ждет еще много сражений.

И развернувшись в сторону коней, к которым они направились неспешным шагом, Иллур добавил.

— Тем более что я жду гонцов от Арчоя. Он должен был уже привести к покорности бастарнов и захватить их земли по берегам Тираса до самых гор. Орития тоже должна скоро объявиться. Сама. Так что, Ал-лэк-сей, к твоему возвращению я буду знать уже все, что нужно. А может быть, ты даже успеешь побывать на военном совете.

Услышав тогда про Арчоя и бастарнов, Леха немного напрягся. Эти слова означали для него воспоминания, связанные с голубоглазой хозяйкой Еректа. Недавно Исиля, получив свое, уже отбыла обратно к амазонкам. Надо сказать, Леха был несказанно рад этому. Его же

Иллур не спешил отправлять в земли бастарнов. Особенно после удачного штурма Тиры, где флот так отличился под руководством бравого адмирала. Какую роль Иллур отвел ему в предстоящем наступлении, Леха еще не знал, но пока и не особенно хотел знать.

Гораздо больше морпеха интересовало, как ему жить дальше и все объяснить Заране. Хотя он и понимал умом, что можно ничего не объяснять, — все же Зарана для него наложница, — каких он мог себе позволить еще сотню. Но после рождения сына, он в глубине души называл ее только женой и, несмотря на довольно свободные порядки, не мог выкинуть из головы установку из прошлой жизни, что жена должна быть всего одна.

Не умея долго изворачиваться, Леха, прибыв в свое крымское стойбище вместе с сотней всадников, первым делом посмотрел на сына, — мальчик был здоровый и крикливый, весь в отца, — а потом признался Заране, что был с другой. Рассказал почти все.

Узнав, кто она, Зарана неожиданно успокоила морпеха, сообщив, что место свое знает и будет его любить всегда, что бы он не решил с ней сделать — оставить или продать. Лишь бы не разлучал с сыном. А если захочет перебраться в Ерект, то она готова и там быть его наложницей, если, конечно, Леха возьмет ее с собой.

Такая мудрость и покорность судьбе потрясла скифского адмирала, а перспектива жить втроем, озвученная Зараной, или вообще среди десятка других наложниц выглядела для него совершенно ошеломляющей. Он сам о таком даже не подумал.

Чтобы справиться со свои чувствами, тем же вечером Леха приказал слугам немедленно устроить себе ужин в дальней юрте и напился со своим сотником и бойцами, закатив грандиозный пир по случаю рождения сына. Даже выдал каждому по несколько золотых монет, отобранных у бастарнов.

На том пиру бравый адмирал выпил подряд несколько кувшинов отличного вина, совершенно захмелев. Надо было как-то снимать стресс. Слишком давно он носил в себе это, а тут, на тебе, такой поворот.

«Впрочем, — размышлял вечером сильно выпивший Леха сидя почти в обнимку с Уркуном у тлевшего в юрте очага, — если Зарана и согласится на такой вариант, то уж Исилая точно соперниц не потерпит. Еще зарубит мою наложницу, оставив сына без матери. Нет уж, пусть они порознь поживут, жизнь покажет. Да и никто меня пока в Ерект не зовет. Нечего мне там делать. Что я, сармат что ли, бабам подчиняться?»

— Да ты что, Ал-лэк-сей, какой же ты сармат. Ты скиф! — услышал он удивленный возглас Уркуна.

Оказалось, что совершенно пьяный адмирал последние слова произнес вслух, немного встревожив своего сотника неожиданным заявлением. «А ведь я даже не скиф, — еще больше распалился Леха, еле сдерживаясь, чтобы не озвучить и эту мысль, — я русский, брат. Русский».

От нахлынувших мыслей ему вдруг сделалось невыносимо грустно. Он залпом выпил еще один кувшин и, выпроводив всех из юрты, заснул мертвым сном, забывшись, наконец под утро.

А проснувшись, поспешил отбыть обратно в «действующую армию». Поцеловал тихую Зарану и спящего сына, сел на коня и ускакал, бросив напоследок:

— Не бойся. Я тебя не брошу.

В нем все еще бурлило, хотя главный страх прошел. Теперь он чувствовал себя намного свободнее, но все же хотел быстрее забыться в пылу схватки с врагами. Отвлечься от семейных проблем на настоящее мужское дело. А лучше войны ничего было не придумать.

Миновав Ольвию, он прибыл обратно в Тиру, которая теперь считалась главной базой скифов для предстоящего наступления на юг. Здесь теперь находились оба греческих инженера Гиლისподис и Калпакидис и стоял почти весь ударный флот. Едва миновав охранение лагеря, Леха сразу явился на прием к царю, ожидая застать того в окружении амазонок и гонцов Арчоа. Тем более что у самого лагеря ему попало несколько отрядов воительниц и кое-кто из скифов, знакомых по сражениями в землях бастарнов.

Но кровный брат застал царя в совершенном одиночестве. Совет уже закончился. Иллур, однако, пребывал в великолепном расположении духа. Он мерил шагами юрту, радостно потирая ладони и поглаживая бороду. В общем, вел себя так, словно отпали последние сомнения, и он мог приступить к давно задуманному делу. А главным делом Иллур была война.

— Я смотрю, совет прошел удачно, — заметил Леха, оказавшись в юрте и пару секунд понаблюдав за перемещениями кровного брата.

— Да, я доволен, — кивнул Иллур и наконец сел к низкому столику, на котором по обыкновению виднелись фрукты и вино, — угощайся, Ал-лэк-сей, выпей вина с дороги.

— Не откажусь, — кивнул Леха, усаживаясь рядом на ковер. Взял чашу с красным вином. Отпил глоток, посмаковав терпкий вкус. Вино было отменное.

— Ну как съездил, — вдруг спросил Иллур, словно ничего более важно сейчас не существовало, — видел сына?

— Видел, — подтвердил Леха, — весь в меня.

— Молодец, — похвалил Иллур, — на одного скифа стало больше. Сын — это награда богов. Это будущий воин, который продолжит наше дело.

— Но ведь он рабыней рожден, — осторожно напомнил Леха, — разве он будет считаться свободным? И моим законным наследником?

— Будет, — подтвердил Иллур, — сын моего кровного брата, кем бы он ни был рожден, будет свободным. Если ты, конечно, сам не пожелаешь иначе.

— Не пожелаю, — быстро ответил Леха.

— Значит, так тому и быть, — подвел черту Иллур.

Отпив вина, он помолчал. Со стороны казалось, что этот бородатый скиф смакует вино, но Леха ясно видел, что не от вина получает наслаждение сейчас царь, а от того, что готовится сказать своему кровному брату.

— Мы начинаем новый поход, — проговорил наконец Иллур, подняв на сидевшего напротив морпеха грозно сверкнувшие глаза, — через два дня армия уйдет из-под Тиры и вторгнется в земли гетов. Я узнал все, что хотел.

— Отлично, — согласился Леха, хлопнув себя по коленям, — начнется настоящее дело. А то я уже заскучал. Что прикажешь?

— Мы переправимся через Пирет и основной удар нанесем в сердце гетам, — продолжал излагать свою мысль царь, — большое войско в степи поведу я сам. Орития и Арчой обойдут горы и ударят в тыл гетам.

— А как же побережье? — не выдержал Леха, — оно, что, за гетами пока останется? Мне-то чем тогда заняться?

— Не беспокойся и для тебя найдется дело, — осадил его кровный брат. — Вдоль побережья ударит Аргим с двадцатью тысячами воинов. Он будет наступать до самых земель Палоксая и приведет его к покорности.

Иллур плотоядно ухмыльнулся.

— Если глупый Палоксай не хотел сам встать на нашу сторону, а предпочел мне греков, то царство его будет сожжено. На этой земле будет только одна Великая Скифия.

— Хорошая мысль, — кивнул Леха и, вспомнив о предателе Иседоне, быстро пришел в ярость, — позволь мне, когда мы захватим его царство, лично казнить старейшину Иседона? У меня с ним счеты, ты же знаешь.

— Посмотрим, — поговорил царь скифов, слегка нахмурившись и поставив на столик пустую золоченую чашу, — предателей мы, конечно, казним, чтобы дать урок другим. Но если нам удастся захватить Палоксая, то я сам с удовольствием посмотрю на его смерть. А Иседон... ладно, дарю тебе его жизнь.

— Вот спасибо, — обрадовался Леха, уже предвкушая, как рассчитается с обидчиком, продавшим его грекам.

Иллур встал и прошелся по юрте, в которой становилось душновато. Солнце снаружи палило нещадно.

— Командовать на суше будет Аргим, а ты с частью флота пройдешь вдоль побережья и будешь его поддерживать с моря, — царь скифов, как оказалось, еще не до конца выразил свою волю, — а когда вы окажетесь у знакомого тебе берега, захватишь порты Палоксая. Отправляться можешь немедленно. Гонцов Аргим будет слать мне постоянно, так что сообщай мне через них все, что происходит.

Леха вскочил, не заставив себе повторять дважды.

— Уж можешь поверить, — пообещал он кровному брату и даже погрозил невидимому обидчику кулаком, — я этого гада из-под земли достану. Никуда не денется.

Направляясь в шатер к командиру корпуса, с которым ему предстояло теперь вместе воевать, Леха вспомнил о данном Федору обещании найти помощников убийц, напавших на них тогда ночью. Он уже предпринял кое-какие усилия и обнаружил главаря из местных греков-контрабандистов, но тот был убит при попытке захвата. Так что все концы оказались обрублены. «Во всяком случае, я попытался помочь, — слабо утешил себя скифский адмирал, — надеюсь, Федьке повезет больше. Он головастый, разберется».

Пообщавшись с Аргимом, здоровенным и высоким воякой, затянутым в чешуйчатый панцирь, Леха остался доволен знакомством. Раньше он никогда не видел этого военачальника. Все это время Аргим воевал в далеком тылу с Боспорским царством, предавая его огню и мечу, и лишь недавно прибыл из Крыма на «западный фронт». Боспорские греки, как недавно узнал Леха, были сильно потрепаны, но не уничтожены совсем. Много городов Аргим взял и сжег, а людей казнил, но Боспор все еще сохранил часть своей территории и довольно сильный флот.

— Ничего, — ответил на немой вопрос Лехи скифский военачальник, почесав бороду, — теперь они надолго присмирят и не смогут нанести нам удар в тыл. Потому Иллур и вызвал меня сюда. Здесь мы нанесем главный удар.

— Это так, — согласился Леха и после обсуждения первых совместных шагов заметил, — Эннеру, конечно, придется оставить в Тире. Нечего ей делать на Истре, она уж слишком большая. А там, у берегов, еще греческие триеры рыщут, можно только зазря потерять отличное штурмовое орудие. Если что, Иллур мне этого не простит. Ведь дальше греческих городов по берегу еще много будет. Пригодится.

— Ал-лэк-сей, — рассудил рослый скиф, нахмутив свои кустистые брови, — ты командуешь на море, ты и решай. Возьми кораблей, сколько нужно, и будь готов отплыть. На рассвете мы выступаем.

— Раньше всей армии? — удивился адмирал.

— Да, — кивнул военачальник конницы, — против нас на побережье геты держат не так много воинов. Они знают, что Иллур ударит в глубь степей. А здесь противник слабее, хотя сопротивляться тоже будет жестоко. Ведь отступать им вдоль берега некуда, дальше только земли Палоксая.

— Ничего, — подмигнул Леха Аргиму и даже хлопнул того по плечу, развеселившись при мысли о скором наказании предателей, — пощупаем оборону гетов. К рассвету я буду готов.

Когда солнце едва осветило береговую линию Тиры, в порт на флагманскую триеру адмирала, которую тот окрестил «Ойтосиром», по имени бога силы, прибыл гонец от Аргима. Конные скифские орды пришли в движение. Глядя с корабля на всадников, что неслышно скользили вдоль берега на своих быстрых скакунах, поблескивая чешуей панцирей и островерхими шлемами, Лехе вдруг захотелось самому прокатиться с ними. Желание было настолько сильным, что моряк и конный разведчик в одном лице, по воле Иллур, даже захотел сойти на берег, временно перепоручив командование Токсару. Тому самому толковому скифу, что участвовал с Иллуром и Лехой в первых маневрах новоиспеченного флота кочевой империи. Но, поборов это желание, Леха вскоре передумал. Адмирал, как ни крути, должен находиться со своим флотом. Даже скифский.

А потому махнул рукой и приказал Токсару отчаливать из защищенной гавани в открытое море. Бородач Токсар с обветренным лицом и колючим взглядом, напоминавший

Лехе своим видом хищную птицу, мгновенно озвучил приказ. Гребцы, взявшись за весла, одновременно погрузили их в воду, плавно разгоняя корабль, за которым потянулись из гавани остальные.

Стоя на корме рассекавшей волны триеры, Леха вспомнил, как этот скиф попал на флагманский корабль. Токсар, в отличие от других бывших конных воинов, оказавшись во флоте, выполнял работу артиллериста с огоньком. И даже успел отличиться при взятии Херсонеса. Но флот рос на глазах. И Леха, когда встал вопрос о подборе нужных людей в командный состав, вспомнил о нем. Сначала скифский адмирал велел перевести Токсара из Крыма «главным артиллеристом» своего корабля в Тиру. А поняв, что тот за время службы на море стал неплохо разбираться и в управлении триерами, начал поручать ему командование кораблем и даже небольшими соединениями.

Постепенно Токсар вошел в доверие настолько, что стал правой рукой скифского адмирала, любившего частенько покидать свой флот. Вот и на этот раз, несмотря на свой адмиральский чин, Леха едва не решил начать наступление посуху. Благо в здешних водах греческих триер не наблюдалось, равно как и солдат противника поблизости. Захотелось ему проехаться в седле, ведь потом предстояло все время проводить на тесной палубе триеры. «Ойтосир», конечно, был хорошим и быстрым кораблем, но с «Тамимасадасом» сравниться не мог. Ни по ширине палубы, ни по огневой мощи.

Поначалу адмирал вообще не собирался брать в поход большие корабли. Ведь после десантной операции и захвата побережья Малой Скифии предстояло дальше двигаться вверх по реке. А Леха хоть и был наслышан о полноводности и протяженности Истра, все же опасался, что квинкеремы окажутся слишком громоздкими для такого плавания. Не имея подробных карт и сведений насчет фарватера, скифский адмирал боялся, что их можно будет легко посадить на мель.

Впрочем, пять квинкерем скифский адмирал по зрелом размышлении все же взял, в том числе и «Тамимасада». Они могли пригодиться после десантной операции для охраны устья и побережья от внезапного вторжения греков и удара в тыл. Колонистов из Том и Одесса тоже нельзя было пока сбрасывать со счетов. Как только неподалеку начнется серьезная заваруха, выбора у них не останется. Не исключено, что греки решат присоединиться к войскам союзного им Палоксая и воевать вместе против Иллур.

«Квинкеремы, конечно, пригодятся на начальном этапе, но дальше надо действовать малым флотом, — размышлял вслух Леха, наблюдая, как остальные корабли покидают лиман, — десяти триер и такого же количества бирем для подъема по реке будет достаточно. В случае чего прикажу еще прислать. Гиლისподис работает не покладая рук, скоро еще партию триер спустит на воду».

Первый день прошел спокойно. Флот скифов сопровождал передвигавшиеся вдоль берега войска Аргима. Двигались скифы быстро, но осторожно. Аргим разослал вперед разведчиков, а основные силы все время находились у побережья на виду у адмирала. Кораблей противника в море не наблюдалось.

К вечеру скифские войска пересекли невидимую границу гетских земель и вошли в пределы вражеского государства. Не обнаружив поблизости крупных сил противника, Аргим приказал вставать на ночлег. Корабли охранения тоже пристали к берегу, найдя неподалеку достаточно вместительную гавань, рядом с которой расположилась рыбацкая деревня. Как оказалось при ближайшем рассмотрении, покинутая своими жителями. Весть о приближении скифов, похоже, достигла этих мест уже давно.

Леха решил не строить защищенный лагерь. Вряд ли стоило ожидать нападения, ведь они едва перешли границу. Ночевать приказал на кораблях, вытасненных для этого на берег. Лишь более крупные квинкеремы простояли всю ночь в море на своих якорях.

Эта ночь действительно прошла спокойно, а на следующее утро Леха все же решился покинуть ненадолго флот, чтобы проехаться в седле рядом с Аргимом. Начавшийся день тоже не предвещал, на его взгляд, ничего особенно опасного.

«Наверняка опять никого не встретим, чего на палубе маяться, — бодро размышлял

Леха, спускаясь по сходням на берег, — геты уже, небось, пятки смазали до самого Истра и там окопы роют. Боятся они нас. Значит, уважают».

— Токсар, — обратился адмирал к поджидавшему внизу помощнику.

— Слушаю, господин, — почтительно поклонился скиф.

— Я схожу на берег и весь день буду ехать с Аргимом, — проинформировал он своего подчиненного. — Принимай командование. Пусть флот движется вдоль побережья, не удаляясь слишком. И следи за сигнальными стрелами.

— Все будет в порядке, — ответил Токсар.

Приблизившись к подведенному одним из воинов коню, Леха бодро вскочил в седло и, взяв с собой полсотни Урукуна — остальным пришлось остаться на корабле, — быстро догнал авангард скифского войска, где ехал сам Аргим.

— Что, не усидел на корабле? — усмехнулся военачальник глядя, как адмирал-поневоле лихо осадил своего коня рядом с ним.

— Скучно стало, — решил не врать Леха, пуская коня шагом, — в море врагов нет. Попрытались все. Боятся со мной воевать. А я коней тоже люблю. Вот с тобой по берегу до вечера проеду, а потом вернусь. В море у меня и без того порядок.

— Без коня скифу не жизнь, — согласился Аргим и посоветовал: — Ну, тогда держись рядом, а лучше позади. Разведчики доносят, что видели вчера поблизости гетов. Того и гляди объявятся.

Леха кивнул, но не поверил. Он хоть и сам был разведчиком, но в глубине души был уверен, что геты не отважатся на сопротивление еще минимум дня три. А может, и все пять. Ведь Иллур тоже начал свое наступление. Гетам теперь приходится экономить силы, накапливая для решительного сражения конницы. Но на этот раз чутье подвело морпеха.

Спустя недолгое время, дорога удалилась от скалистого побережья, постепенно переходившего в высокие холмы. Не успело солнце взобраться на небосвод и раскалить возвышенности, как они въехали в длинное, поросшее лесом ущелье вслед за авангардом. Почти вся двадцатитысячная армия находилась позади, когда с окрестных скал в скифов неожиданно полетели стрелы и копья.

— Ах ты, черт, — выругался адмирал, когда мимо него пролетело копье, сверкнув на солнце медным подтоком, и воткнулось в спину одному из его воинов. — Уркун, геты на скалах! Давай туда лучников.

Леха с трудом уклонился от второго копья, прикрылся щитом от стрел и выхватил меч, осматриваясь. Это «расслабленное» наступление, во время которого он полдня ощущал себя уже победителем, вдруг сменилось глухой обороной. Причем в ущелье они были как на ладони для пеших лучников и копейщиков гетов, спрятавшихся в засаде на склонах скал.

Наслышанный про конницу противника, Леха мысленно был готов к схватке с конными гетами. Но их, пропустив авангард, атаковали пехотинцы. Нижняя часть скал была довольно крутой и лошади на нее не могли взобраться. Геты, облаченные в черные кожаные панцири и рубахи, многие с непокрытой головой, бросали в скифов длинные копья и камни, стреляли из луков.

Это нападение произошло в самом узком месте ущелья. Но, справившись с легким замешательством, скифы, гарцуя на конях, открыли ответную стрельбу из луков и поразили многих. Однако их стрелы наносили не слишком большой вред, поскольку противник ловко использовал валуны как прикрытие. Аргим быстро увел часть солдат вперед, чтобы обойти нападавших и ударить им в тыл. А Леха приказал своим бойцам отступить назад. Однако не успел он отдать сотнику такой приказ, как геты столкнули со скалы огромный валун, который поскакал вниз, увлекая за собой другие камни.

— Берегись, камнепад! — заорал Леха, когда валун со страшным грохотом рухнул на тропу в десятке метров от него, придавив нескольких скифов, а отколовшийся от него кусок, словно выброшенный из катапульты, ударил в лошадь Ларина, буквально отрубив ей передние ноги. Изуродованный конь рухнул, а чудом уцелевший адмирал, перекувыркнувшись в воздухе, удачно приземлился в колючий куст. Правда, потеряв щит.

Камнями побило также многих солдат, в том числе и пятерых бойцов из сотни Уркуна. Сам сотник, к счастью, был жив. Но, геты могли считать нападение удачным.

— Ах вы, суки, — завопил Леха, вылезая из куста с расцарапанным лицом и отплевываясь от набившейся в рот пыли, — ну я вам сейчас покажу морскую пехоту.

Он разыскал и поднял с земли свой меч.

— Уркун, спешиться! Бери еще десять человек и за мной. Остальные на другой склон.

От камнепада в ущелье поднялась пылевая завеса и геты не успели разглядеть, как десяток спешившихся бойцов противника во главе с разъяренным командиром смогли в мгновение ока взобраться по скальным выступам наверх и атаковать ближних воинов.

— Что, думали, я до вас не доберусь?! — орал скифский адмирал, с ходу рассекая не защищенную голову копейщика, который только что метнул дротик вниз, — а вот он я, тут как тут. Получайте!

Резким выпадом он пронзил черную кожаную куртку другого гета, лысого детины с палкой в руке. Затем пробил кольчугу третьего бойца, мечника, отбив его удар. Мертвый гет, харкнув кровью, распластался на плоском камне.

— Вперед, бойцы! — закричал Леха, подхватив с земли круглый щит, в котором торчало несколько скифских стрел, и продолжая развивать успех неожиданной контратаки: — Гони их по склону!

Гетам пришлось перенести свой обстрел в сторону нападавших, заставив тех ненадолго остановиться и даже залечь за валунами. Леха сам едва не получил стрелу в шею, царапнувшую его по плечу. Но зато конные скифы снизу просто накрыли гетов роем стрел, «положив» многих. А когда остальные бойцы Уркуна, уже имевшие опыт пеших боевых действий в землях бастарнов, подоспели на помощь своей сотне, вскарабкавшись по скалам на другую сторону ущелья, то исход схватки был решен.

Как бросилось в глаза адмиралу, когда пыль рассеялась, гетов здесь было не так уж и много, человек шестьдесят, но они бились до последнего, пока не полегли все. В пылу атаки Леха зарубил еще двоих копейщиков, а его лучники застрелили остальных. «Смелые ребята, — невольно отметил про себя Леха, вытирая окровавленный меч об одежду одного из них, — но смертники. Настоящие камикадзе. Всего полсотни, а поперли против такой силищи».

Впрочем, впереди авангард скифов попал еще в одну засаду. Но на сей раз их ждали конные воины. В стычке на выходе из ущелья скифы потеряли еще почти три сотни бойцов, но путь пробили, а геты полегли все. Когда солдаты Аргима очистили ущелье от гетов и пересчитали потери своих и чужих, то выяснилось, что им противостояли всего пятьсот человек, считая пеших. Дрались они яростно, никто и не думал отступить.

— Смелые ребята, — опять повторил Леха, чуть позже осматривая место сражения авангарда скифов с гетской конницей, — но без башни. Против нас все равно не устоять.

Прогулка выдалась недолгой, но веселой. Пройдя ущелье, скифы рассеялись по открывшейся за ним долине в поисках противника, но никого больше не обнаружили. Решив дальше не рисковать по глупости, адмирал вскоре вернулся на свой корабль. Уркун с берега послал стрелу, обмотанную белой тряпкой, и «Ойтосир» снова взял Леху на борт. Если геты на суше активизировались так рано, то могли и на море что-нибудь выдумать. Хотя Леха и не слышал о том, чтобы у них был сильный флот.

Но до вечера никаких стычек больше не произошло ни на суше, ни на море. Когда солнце начало падать за горизонт, Леха велел снова пристать к берегу, где его моряки уже высмотрели приличную гавань. Она была более широкой и открытой, чем вчера. Зато в полукилометре от берега поднимался из воды каменистый остров с пологими берегами, куда скифы вытащили часть кораблей.

— Так мы будем защищены в случае внезапного нападения, — пояснил Леха Токсару и добавил: — А для тех, кто ночует на берегу, постройте заграждения.

Поскольку несколько бирем были заранее нагружены обструганными колами и необходимыми материалами — скифы быстро переняли опыт римлян, о котором им поведал

Федор Чайка, — то вскоре вдоль побережья поднялся частокол, обеспечивая первую линию обороны. Вдоль частокола бродили пешие скифы с луками и копьями, а между кораблями зажгли костры. Наступило время ужина.

Когда стемнело, Аргим прислал гонца с сообщением, что встал лагерем в соседней долине, за невысоким хребтом.

— Сообщает, что рядом гетов нет, — поделился Леха информацией с Токсаром, когда лодка, доставившая гонца на остров, уплыла обратно, — но, чует мое сердце, нынче же ночью они опять нас порадуют чем-нибудь. Удвоить стражу на берегу и здесь тоже смотреть в оба.

Токсар кивнул, отправившись выполнять приказание. Когда стемнело, все моряки поели и легли спать, закрепив веревками свои корабли. Невидимая во тьме стража бродила по берегу и вокруг острова, а Леха, которому не спалось, тоже решил пройтись.

Он спрыгнул на камни с палубы свой триеры, загнутый нос которой покоился на берегу, прошел мимо часовых и вдруг увидел падающую звезду. Однако желание загадать не успел. Огонек быстро прочертил дугу в небе над долиной и погас. Леха тихо выругался, ведь не так часто он наблюдал за звездным небом, но вслед за первой падающей звездой вдруг упала вторая. Потом третья, четвертая, пятая и вскоре Ларин увидел целый звездопад. Который, впрочем, показался ему странным. Все эти яркие точки падали не совсем сверху, а как бы поднимались откуда-то снизу, набирали высоту и лишь затем гасли, исчезнув за вытянутым холмом, отделявшим прибрежную полосу от долины.

— Черт меня побери, — догадался адмирал, — да это же геты хотят запалить лагерь Аргима.

Прошло совсем немного времени, как его догадка подтвердилась. Над долиной разгоралось небольшое зарево. Видимо, гетам отчасти удалось ночное нападение. А вскоре ветер донес до берега отдаленные крики и звон оружия. Примерно полчаса Леха наблюдал за происходящим, но крики и шум не стихали.

— Токсар! — позвал адмирал.

— Я здесь, — возникла из сумрака широкоплечая фигура в полном вооружении. За спиной Токсара виднелись еще двое бойцов. Оказалось, что не только Ларин видел происходящее на берегу.

— Отправь туда человека, — приказал он, — узнать, не нужна ли им наша помощь.

Однако Аргим справился своими силами. Когда утром Леха осматривал окрестности местами все еще дымившегося лагеря, то последствия ночной атаки его удивили. Геты атаковали с трех сторон в пешем и конном строю. На этот раз их было значительно больше. Они смогли сжечь часть обоза и десятки походных юрт. Контратака скифской конницы отбросила гетов, уничтожив большую часть дерзкого противника. Но хорошо знавшие местность бойцы смогли спастись во множестве. Отбив атаку, Аргим прекратил преследование, приказав дожидаться рассвета.

— Ни дня без стычки, — прокомментировал события этой ночи скифский адмирал, — интересно, что они нам завтра преподнесут.

Глава четвертая Хамор

Прошлый раз путь до дельты Истра занял у Лехи Ларина на той же триере всего четверо суток. Сейчас же два дня уже были позади, но следующие два дня растянулись почти на две недели. Сначала, в тот же день, последовало новое нападение гетов. Которое Аргим отбил, конечно, но не без потерь.

Раздосадованный постоянными уколами гетов, военачальник скифов покинул долину и сам атаковал их войско, как выяснилось, поджидавшее его в прибрежных степях, что начинались сразу за долиной и тянулись до самого Истра. Лехе было предписано оставаться на месте, поскольку военно-морская операция без поддержки конницы была обречена на

провал. Ларин мог бы самостоятельно разрушить несколько поселков и городков, зайдя в дельту реки, но смысла в этом не было. Поскольку их нужно не просто сжечь, их нужно было захватить и удержать. Посланцы Иллур пришли сюда навсегда.

— Помни, что это земля скифов, — напутствовал адмирала Иллур незадолго до отправления в поход, — и на ней издавна живут потомки воинов царя Атея, хоть и ставшие сейчас предателями. Вы должны захватить ее, пустить кровь в наказание. Но после того как Палоксай будет казнен...

— А также Иседон, — напомнил Леха.

Иллур кивнул и продолжил.

— После того как предатель будет казнен, его народ станет моим народом. Поэтому лишней крови не лей, если его люди будут благоразумными.

Однако вскоре выяснилось, что подданные Палоксая никак не хотели быть благоразумными. Похоже, симбиоз с гетами и греками их окончательно разложил. После того как Аргим усилил наступательные действия, в близлежащих степях произошло одно за другим два крупных сражения, где скифам противостояло около пяти тысяч гетских конных воинов.

Ларин этих сражений не видел, поскольку находился в лагере в ожидании нападений с моря. Но когда, спустя несколько дней, все же повидался с Аргимом, приехав в его ставку недалеко от места последнего сражения, то выяснилось что в этом бою за гетов билось несколько тысяч скифских всадников из земель Палоксая. Их трупы во множестве были найдены на поле битвы. Вмешательство воинов из Малой Скифии нанесло ощутимый урон войску Аргима, хотя сопротивление защитников в конце концов было сломлено.

— Ну что же, — процедил сквозь зубы Аргим, оглядывая поле недавней битвы, над которым кружили стервятники, — Палоксай сделал свой выбор.

Разговор происходил на холме, где стоял походный шатер скифского военачальника. Отсюда было хорошо видно место разыгравшейся схватки, в которой погибло почти полторы тысячи скифов. Федор не стал спорить с Аргимом, тем более что и сам хотел того же. К народу Малой Скифии он особой неприязни не питал, как и к самому Палоксаю, но вот рассчитаться с Иседоном у него просто руки чесались. Попадись этот подлый старейшина ему, уж Леха не упустит возможности вернуть должок. Только бы не сбежал.

— Что дальше? — спросил Леха, прищурившись на солнце и проводив взглядом стервятника, который, наевшись падали, тяжело летел над равниной.

— Как докладывают разведчики, после битвы войско гетов отошло на запад, в глубь своих земель. Вчера был гонец от Иллур, он уже переправился через Пирет и атаковал гетов. Пока тоже редкие стычки. Но все идет к генеральному сражению. Долго они так не смогут отступать, — поделился информацией Аргим, погладив бороду, — впереди по берегу теперь только земли Палоксая. Захватим их и повернем на запад, погоним гетов вдоль Истра.

— Значит греков, что дальше по берегу живут, трогать не будем? — уточнил Леха.

— Почему не будем, — усмехнулся Аргим, скрестив руки на груди, — будем. Но, если они сами к нам не полезут сейчас, то дадим им еще немного пожить. Ты их только кораблями своими попугаешь, чтобы присмирели. А нам надо сначала гетов к покорности привести. Это посложнее будет. Греки твои подождут.

Леха едва не обиделся на «твоих греков». Но потом тоже рассмеялся. Аргим был прав.

— Я могу начинать высадку на берега Истра? — уточнил он детали предстоящей операции.

— Можешь. Завтра я разделю свое войско на две части. Один удар конницы поддержит твою атаку, и будет направлен в сопредельные с морем земли. Разведка сообщила, отряды Палоксая жмутся к берегам реки. Думаю, мы сомнем его солдат и выйдем на берега Истра уже послезавтра, если они не убегут от нас раньше.

Аргим вздохнул и отвернулся от поля битвы, вид которого напомнил ему о потерянных людях.

— А второй удар я нанесу чуть выше по течению. Чтобы рассечь его земли надвое. Это

же войско сдержит удар гетов, если такой будет. Но я уверен, что теперь его не последует. Иллур продвигается слишком быстро.

— Добро, — кивнул адмирал, запрыгивая на коня.

Дернув поводья, он поскакал к берегу, находившемуся примерно в десяти километрах. Уркун и полсотни скифов последовали за ним.

На следующий день скифский флот снялся с места и вскоре, не таясь, вошел в прибрежные воды земель, принадлежавших пока Палоксаю. Это случилось на рассвете. Здесь у самой дельты Истра, где река разветвлялась на множество рукавов, их поджидали греки. Однако, увидев, кто собирается его остановить, Леха даже рассмеялся. На волнах покачивалось всего пять триер. Осмотрев горизонт и побережье, он больше никого не заметил. Конечно, часть кораблей могла спрятаться в дельте, но это он предусмотрел.

— Они хотят остановить меня всего пятью кораблями? — с издевкой поинтересовался Леха у Токсара, стоявшего рядом с ним на корме флагманской триеры, — а ну передай приказ на «Тамимасадас» «немедленно атаковать противника». Посмотрим, что они задумали на самом деле.

Токсар махнул рукой лучнику и тот запустил в небо стрелу, обмотанную красной тряпкой. Тотчас его любимая квинкерема выдвинулась вперед, обходя строй притормозивших триер, а за ней на исходную позицию для удара вышли и остальные мощнотельные корабли. Адмирал видел, как прислуга уже натягивала торсионы метательных орудий, готовясь превратить в решето всю греческую эскадру.

Однако командир этой эскадры быстро прикинул свои шансы на выживание в бою против пусть и не так хорошо выученных, как его моряки скифов, но зато втрое превосходящих числом и мощностью артиллерии. И предпочел оставить эти берега противнику без боя. Проще говоря, едва греки завидели маневр флота противника, то предпочли развернуться по ветру и сбежать от наступавших квинкерем.

— Труссы! — заорал Леха с кормы «Ойтосира», лежавшего в дрейфе, едва завидел резкий разворот греков: — Тоже мне, хваленые моряки, кочевников испугались. А ну догнать и уничтожить всех!

Однако это оказалось не так просто. Гребцы на триерах были действительно отменные, прошедшие хорошую подготовку. Они удалялись гораздо быстрее, чем к ним приближались квинкеремы. Ветер для скифов был попутный, и хотя они тоже шли на веслах, он погонял их в корму. Когда расстояние сократилось, артиллеристы скифов начали массированный обстрел. Большая часть снарядов ушла мимо, но «Тамимасадас» и здесь отличился. Он зацепил корму последней триеры, разрушив метким попаданием рулевое весло и заставив ее заложить резкий вираж, развернувшись бортом. Новый залп смел все надстройки на корме, вместе с находившимися там моряками и пехотинцами, изрешетил палубу. А когда триера окончательно потеряла ход, «Тамимасадас», разогнавшись, с грохотом налетел на нее и подмял под себя, протаранив борт. Триера сильно накренилась, греки полетели в воду с трещащего по швам корабля. И вскоре на воде осталось лишь несколько крупных обломков. А с борта квинкеремы лучники добивали тех, кому удалось спастись.

— Прекратить преследование, — приказал Леха, удовлетворившись содеянным, — начало положено. А остальных нам все равно не догнать. Слишком быстро бегут.

— Может быть, они вернутся с подкреплением? — осмелился заметить Токсар.

— Все может быть, — согласился адмирал, — но вряд ли они будут оголять оборону своих городов. Теперь они будут ожидать нас в гости. А мы придем позже. Сейчас командуй разворот. Квинкеремам остаться здесь, провести разведку и закрепиться на берегу. Впрочем, их командир уже в курсе. А мы заходим в дельту Истра вон по той реке.

Леха вытянул руку в сторону одного из самых широких рукавов реки, из впадавших здесь в море. И добавил с сомнением.

— Кажется, в прошлый раз я здесь заходил.

Триеры, выстроившись друг за другом, направились вверх по течению реки.

— Лучникам и пехотинцам приготовиться, — скомандовал Леха, пристально всматриваясь в низкие холмистые берега, к счастью, уже хорошо освещенные солнцем, так что можно было рассмотреть любую деталь и без бинокля. Однако и они сами были как на ладони. Поднимаясь вверх по реке против течения, правым Леха называл для себя тот берег, что был справа.

Постепенно весь караван триер и бирем втянулся в русло реки. Пока что местные скифы никак не выдавали себя. Никто не атаковал начавших вторжение с моря сородичей. То ли обходной маневр был для них полной неожиданностью, то ли они затеяли какую-то хитрость. То ли все ушли на сухопутный фронт, сдерживать натиск конницы Аргима.

Однако русло, поначалу довольно широкое, вскоре стало постепенно сужаться. И за следующим поворотом реки, адмирал узрел «понтонный мост», перегородивший все русло от края до края. Этот «мост» был составлен из ветхих бирем и рыбацких шаланд, скрепленных между собой веревками. На мосту засели лучники в кольчугах. А позади него покачивались на волнах еще несколько рыбацких лодок с лучниками и одна единственная триера. На бегах тоже засели лучники и копейщики, а за ними были видны передвижения конных отрядов. Эта «запруда» была выставлена недалеко от того самого городка, где Леха в прошлый раз впервые пристал к здешнему берегу. «Кажется, он назывался Хамор», — промелькнуло в мозгу адмирала воспоминание о теплом приеме.

«Ойтосир» шел первым, вернее, вровень с другой триерой. Также по двое плыли вверх по широкой реке и остальные корабли. Едва они приблизились на расстояние полета стрелы, как с «понтон» и берегов засвистели стрелы.

— Подготовились, — усмехнулся Леха, пригнувшись, хотя его тотчас закрыли два дюжих скифа-охранника со щитами. — Вот значит, как меня встречают на этот раз, но другого я и не ожидал от предателей.

Он еще раз осмотрел оборонительные рубежи и решил, что протаранить их все же можно. Правда, придется увязнуть и некоторое время потратить на то, чтобы сбросить их защитников в воду, но иного пути вверх, как по реке, он не видел. Хотя и о берегах забывать не стоило, как минимум там следовало закрепиться.

— Будем таранить, — приказал Леха, положив ладонь на рукоять короткого меча, — всем приготовиться. Биремам высадить солдат на оба берега, пусть атакуют и поддержат нас с флангов. Но для начала сделайте пару выстрелов из носовой катапульты.

Токсар быстро «разослал» все приказы. В сторону заграждений улетело несколько каменных ядер, почти разрушив и без того утлый корпус одной из бирем, вплетенных в общую вязь «понтон». Однако решающей роли это не сыграло. Расстояние быстро сокращалось, делая метательные машины ненужными.

Зато лучники с передних триер уже начали накрывать стрелами защитников «понтон», но и те в долгу не оставались. Рядом с Лехой раздалось несколько криков и за борт рухнули сразу трое бойцов, получив стрелу, кто в грудь, кто в шею. Им, как ни крути, противостояли те же скифы, а скифы всегда стрелять умели. Передние биремы, подчиняясь приказу, уже пристали чуть позади к низкому берегу и высадили массированный десант «под огнем» противника.

Каждая бирема несла примерно по пятьдесят бойцов, кое-где, правда, сидело гораздо больше. На триерах «штатное расписание» для морпехов тоже было превышено почти вдвое. На половине находилось не по восемьдесят, а по сто пятьдесят, на двух же последних вообще по двести бойцов. Конечно, путешествовать так было неудобно, солдат набилось, как селедок в бочку. Но предстоял большой «расход» в живой силе при встрече с армией Палоксая. И адмирал пошел на это нарушение, хотя Гиლისподис его предупреждал насчет перегруза.

Высыпав на берег, скифы отогнали защитников на сотню метров от воды меткой стрельбой и сами перешли в наступление, выхватив мечи и подняв копья. Их наступление было удачным и вскоре пешие бойцы Палоксая с большими потерями стали отходить к «запруде» под натиском морпехов адмирала Ларина. К счастью, конницы пока здесь было не

видно.

Тем временем «Ойтосир» с разгона врезался в перегородившие русло рыбацкие шаланды и едва не пробил брешь в обороне противника, подмяв под себя сразу несколько лодок. Но канаты выдержали, и триера завязла. Рядом, с треском пробивая борта лодчонок, врезалась в заграждение другая триера. Но тоже не смогла прорвать связывавшие их путы. Еще две триеры взяли чуть в сторону и вскоре должны были нанести свой удар. Остальные чуть сбавили ход.

— Вперед! — заорал Ларин, выхватив меч, — едва триера перестала раскачиваться, окончательно завязнув, — сбросить их в воду!

Лучники, расстреливая в упор с высокого борта триеры, служившего им хорошим прикрытием, тех, кто находился под ними на «понтоне», выполнили приказ с небольшим опозданием. Уж очень удобная была позиция. Просто «убойная» для защитников переправы, которых вскоре совсем не стало на расстоянии ближайших сорока метров. Лишь тогда скифы посыпались вниз, освобождая шаткий плавающий мост от остатков оборонявшихся солдат противника. Леха тоже прыгнул вниз и, размахивая мечом, погнал врагов в сторону берега. Другие его солдаты под командой Токсара напали на скифов Палоксая оказавшихся в «зоне действия» луков сразу двух триер. Со второго корабля также уничтожили немало противников, прежде чем перейти к рукопашной.

Впрочем, все это происходило не так быстро. Никакого настила на лодках не было и сражавшимся приходилось перебираться через борта раскачивавшихся суденышек. Чудом увернувшись от стрелы засевшего в десяти шагах лучника, Леха ударил выросшего на пути мечника своим клинком. Звякнув о кольчугу, острие прошло мимо. В ответ скиф нанес резкий удар своим клинком и едва не лишил адмирала головы. Лезвие вскользь ударило о покатый бок шлема и ушло в сторону. У Ларина зазвенело в ушах. Но он не растерялся и, воспользовавшись тем, что тело воина на мгновение повернулось к нему боком, вонзил в него свой клинок. Удар был силен и Леха даже смог пробить доспех. От толчка его противник рухнул в воду с громким всплеском и погрузился в нее, обагрив поверхность кровью.

В этот момент в борт лодки рядом с адмиралом с чавканьем вонзилась стрела, прилетевшая откуда-то с боку. Позади него упал сраженный скиф из его солдат. Потом другой, схватившись за горло. Сам Леха вскинул щит, поймав на него пару стрел. Присел в лодке, осмотревшись. Над головой тотчас просвистело каменное ядро и, перемахнув через заграждение из лодок, ударило в скифскую триеру, унеся жизнь двоих моряков. Стреляли бойцы Палоксая, находившиеся чуть выше по течению на триере и рыбацких лодках. Для них все, кто прыгал в пылу схватки по «понтону», были отличной мишенью. А для артиллеристов и корабли Ларина, скопившиеся с той стороны.

— Найди Токсара и передай: немедленно подавить лучников противника, — приказал Леха возникшему из-за спины бойцу своей триеры, — а потом бери топор и руби канаты. Придется пробить себе дорогу и освободить «Ойтосира».

Боец кивнул и, пригнувшись, стал пробираться обратно к кораблю. В этот момент один за другим, почти слившись, раздалось два глухих удара, от которых всколыхнулся весь «понтон» и Леха едва не упал на дно лодки, покачнувшись. Это еще две триеры из скифского флота врезались в заграждение на воде. И одной из них удалось-таки пробить его с ходу, правда, почти у самого берега, и это ничуть не облегчило судьбу «Ойтосира».

Зато осложнило положение тех, кто до сих пор почти безнаказанно продолжал обстреливать нападавших из лодок. Единственная триера Палоксая вскоре вступила в бой со скифской. Она пошла на таран, но скорость оказалась не слишком велика. Они промахнулись. А вот капитан триеры из флота Ларина оказался молодцом. Раздался треск и вслед за этим победный вопль скифов разнесся над водами Истра. Им удалось совершить «проплыв» и обездвижить вражеское судно, обломав ему все весла с одного борта. В ход пошли abordажные крюки и вскоре бойцы обеих триер уже бились врукопашную.

Сидя в лодке, Ларин продолжал осматривать поле боя. Его бойцы уже убежали далеко

в сторону, соединившись с солдатами соседней триеры. Тут все было в порядке. Еще немного и сопротивление на переправе будет сломлено окончательно. На правом берегу, где чуть выше по течению стоял гостеприимный город Хамор, тоже все шло к развязке. Там десантники отбросили противника от берега и подошли почти к самой переправе. А вот на левом берегу показалась конница и одним ударом смела в воду всех пехотинцев, находившихся на берегу.

— Твою мать, — выругался адмирал, глядя, как гибнут его люди, но коней у него в запасе не было, приходилось рассчитывать только на лучников.

Смятые порядки, правда, немедленно получили поддержку. С борта качавшихся на волнах неподалеку от берега триер лучники «покосили» немало всадников противника, но это не помогло. Левый берег вновь оказался полностью в руках армии Палоксая.

— Руби канаты! — истошно заорал Леха, которому до смерти надоело топтаться на одном месте, стараясь подбодрить итак ловко орудовавших топорами и мечами моряков с триеры: — Быстрее!

А когда заметил, что «Ойтосир» сдвинулся с места и, разваливая остатки препятствия, медленно поплыл, сам устремился к его высокому борту. Корабль, продвигавшийся вперед усилиями гребцов на корме, еще находившейся в воде, и моряков, которые отталкивались шестами от изуродованных судов, наконец выбрался на оперативный простор, раздавив очередную лодку. Леха запрыгнул на него едва ли не в последний момент, отбросив щит и ухватившись за борт одной рукой. Его тотчас подхватили дюжие охранники и втянули на палубу.

— Уничтожить лодки противника! — приказал Ларин, едва отряхнувшись и твердо встав на ноги.

Лучники и без его команды уже давно выцеливали углые суденышки, метавшиеся по реке в поисках спасения. Стрелы, не переставая, свистели в воздухе. Правда, теперь это были в основном стрелы скифов Ларина. Едва увидев прорыв, все лодки оборонявшихся бойцов, как по команде, устремились к тому берегу, где хозяйничала конница Палоксая. «Значит, их там больше, — рассудил адмирал. А глядя, как пытаются спастись разбитые защитники „понтон“, продолжил свою мысль, — тогда, пожалуй, оккупируем другой берег. Все меньше солдат положим. Хамор там, да и опять же конница наша сюда пробиваться будет, а там, в дельте, слишком много проблем Палоксай мне может подкинуть. Надо зацепиться и обождать немного, пока не рассосется».

Бой на воде почти закончился. Взяв на абордаж вражескую триеру, скифы разжились еще одним кораблем. Все лодки противника были либо уничтожены, либо уже пристали к противоположному берегу. Но артиллеристы с триер все еще посылали им вдогон ядра. И одну из лодок превратили в щепки уже у самого берега. Обернувшись назад, Леха увидел, как через пробитые в «запруде» бреши, расширяя их, проходят триеры его флота, почти не принимавшие участия в сражении. Правый берег уже полностью контролировала его пехота, а левый, к сожалению, противник.

— А ну поворачивай к правому берегу, — приказал Леха, — осмотреться хочу. Пара наших триер пусть пуганет конницу из своих орудий. Чтобы не расслаблялись слишком.

Когда высокий нос корабля уткнулся в песок, Леха соскочил вниз и, поднявшись на берег в сопровождении Токсара и охранников, обнаружил, что находится буквально в нескольких километрах от Хамора. Скифов от него отделяло только поле, поросшее густым лесом. А небольшой городок с узкими улочками, охватывал вершину ясно различимого за лесом холма, который, спускаясь к воде, заканчивался пристанью. Пустой пристанью. Река здесь делала поворот, а Хамор был выстроен на полуострове. Никаких кораблей, способных оказать сопротивление наступающему флоту, здесь не было. Однако Леха, вспомнив о богатом городе под названием Тернул, лежавшем в двух днях пути вверх по течению, решил пока не расслабляться. В прошлый раз он видел там немало греческих кораблей, и атака с воды могла последовать в любое время. Как, впрочем, и посуху. И все же он решил захватить этот городок. Опорный пункт в дельте Истра не помешает.

— Триерам пройти дальше и высадить десант на пристань города, — диктовал Леха Токсару, — пехота пусть немедленно прошерстит здешний лес. А мы пока обождем.

Выполняя приказ, десантники разбились на три колонны и, перехватив покрепче луки с мечами, немедленно двинулись в сторону города. Две из них обошли лес, а центральная колонна углубилась в него со всей осторожностью, постоянно ожидая нападения. Оставшиеся триеры и несколько бирем, пройдя вперед по реке, высадили еще один десант, который быстро растекся по улицам прибрежного городка, не встречая на своем пути сопротивления. А спустя примерно час Леха выслушал доклад о том, что город пуст.

— Все жители его покинули, — отрапортовал широкоплечий скиф в кольчуге, приставив копьё к ноге и забросив за спину щит, — на другом берегу замечены брошенные лодки. Они явно сбежали, пока шел бой.

— Или еще раньше, — закончил за него мысль адмирал, — да, навели мы страху на местное население. Ладно, свободен.

А спустя еще час Леха расположился в доме местного хозяина города, где уже однажды бывал под видом начальника охраны купеческого каравана. «Обещанный караван я в конце концов привел, — усмехнулся Леха, рассматривая из окна хищные носы триер, пришвартовавшихся у местного пирса, на палубах которых копошились моряки и морпехи, — только с товарами проблема. Торговать нечем».

Организовав оборону со стороны суши и по реке, адмирал приказал отправить гонцов обратно к соединению квинкерем за новостями и вверх по реке разведчиков на биреме. Затем разрешил своим войскам немного отдохнуть, заняв все пустующие дома Хамора.

Весь остаток дня дозоры, курсировавшие по окрестностям, докладывали, что конница противника на другом берегу ведет себя спокойно и к переправе не готовится. С этой стороны тоже пока все тихо. Ни солдат Палоксая, ни воинов Аргима в поле зрения не появлялось.

— Ну вот и отлично, — рассудил адмирал, заваливаясь на удобную кушетку, которую местный градоначальник не успел прихватить с собой, — первый пункт взят. Можно отдохнуть. Здесь и подождем гонцов от Аргима. Скоро должны уже быть.

Глава пятая

Снова в Италии

Первым делом, после того как флагманская квинкерема уткнулась в песок на побережье Апулии, благополучно проделав обратный путь, Федор заглянул к коменданту гарнизона, а потом посетил небольшой каменный домик на горе, где жила в тайне от всех его семья.

Чайка не раз подумывал о том, чтобы перевести ее в другое место, но ситуация на всех италийских фронтах постоянно менялась и не было такого места, где семья была бы в абсолютной безопасности. А о том, чтобы отправить Юлию с ребенком в Карфаген, не объяснившись с Ганнибалом, не было и речи. Там дочь римского сенатора сразу же могла стать заложницей или разменной монетой в играх политиков. После недавних событий в ставке Иллуря командир двадцатой хилиархии решил держать Юлию как можно дальше от этого, но в глубине души боялся, что с ее римским прошлым это будет очень трудно.

— Ты приехал! — золотоволосая Юлия бросилась ему на шею, обвив ее руками и одарив Чайку поцелуем.

Федор долго держал любимую женщину в объятиях, даже оторвав от пола. Она показалась ему сейчас пушинкой, — столь невесомым был этот хрупкий стан.

— Я решил навестить тебя и сына, — проговорил Федор, выпуская наконец любимую женщину из своих объятий, — прежде чем двинусь в глубь страны.

— Ты так сразу уедешь? — насупилась Юлия, отступив на шаг.

— Я должен увидеть Ганнибала, — сообщил Чайка, осматривая каменные стены и низкий потолок жилища, в котором мог бывать так редко, — у меня к нему есть важные

новости.

— А твой Великий Карфагенянин не может подождать пару дней? — улыбнулась Юлия, указав в сторону спальни, на пороге которой застыл мальчуган в белой тунике, — ведь по дороге тебя мог задержать шторм.

— На пару дней вряд ли, — пробормотал Федор, сломленный очарованием рыжеволосой красавицы, — но на один вечер, я думаю, можно отодвинуть нашу встречу. Война подождет.

Он скинул с себя доспехи и, подняв Юлию на руки, унес в дальнюю комнату.

На утро Федор тоже не сразу вскочил на коня. Не смог отказать себе в удовольствии позавтракать с Юлией и сыном во внутреннем дворе, скрытом от посторонних взглядов. Чтобы никто не досаждал Юлии лишними расспросами, Чайка специально выбрал такой глухой уголок побережья. Отдельно стоящий дом, принадлежавший до войны какому-то апулийскому купцу, был окружен небольшим парком и стеной. В усадьбе Федор постоянно держал пятнадцать вооруженных охранников из людей, которых нанял и отобрал лично. Доступ на территорию был разрешен только ему. А в случае опасности командир охраны, финикиец, должен был вывезти Юлию в небольшое временное убежище в горах в глубине Апулии и сообщить об этом Федору.

— Как ты тут поживаешь, любовь моя? — спросил Федор, наслаждаясь после бурной ночи соком из плодов персика и свежими лепешками.

Юлия в облегающей тунике сидела в плетеном кресле напротив и, отщипывая по одной ягодке, поедала спелый виноград, целый поднос которого высился прямо перед ней. Иногда она кормила виноградом сына, то и дело подбегавшего к маме. Тот играл в углу двора в войну, небольшим деревянным мечом рассекая росшие там кусты.

Проглатывая спелые ягоды, мальчик, поглядывая на взрослого мужчину, которого мать уже давно представила ему как своего настоящего отца. Но в долгие разговоры не вступал. Говорил он нехотя, и слова, которые мальчуган мог произнести, были на латыни, на которой говорила сама Юлия. Она не раз просила Федора привести ей учителя финикийского, но Чайка пока не торопился. Язык она всегда выучить успеет, девушка умная. Да и лишних людей сюда пока нельзя пускать. В душе он больше беспокоился о том, как рассказать о своей тайне Ганнибалу и о возможных последствиях этого разговора.

Глядя на своего сына, который уже понемногу привыкал к нему и новой жизни, Федор раздумывал о том, что никак не может примириться с тем, что его сын носит имя врага. Ведь мальчугана по-прежнему звали Марк Акций Памплоний Младший. Однако, кроме Юлии и его самого, никто об этом не знал. И вчера ночью Федор предложил дать ему новое имя. Юлия обескуражила его быстрым согласием и тут же поинтересовалась, какое имя он хочет дать мальчику.

Чайка был озадачен. Он настраивался на долгие разговоры и не был готов к столь быстрой победе. А о том, как назвать сына еще даже не думал. В конце концов, Федор пообещал в ближайшее время предложить Юлии пару вариантов из обширного списка финикийских имен. Юлия согласилась.

— Я чувствую себя пленницей. Почти как на Сицилии. Только и вижу, что лица охранников, — пожаловалась она, разделавшись с небольшой гроздью винограда, — а мои прогулки с ребенком ограничиваются садом, окруженным каменной стеной. Я так устала сидеть взаперти, что уже, кажется, согласна на все.

— Я как раз решил поговорить о тебе с Ганнибалом, — признался Федор, — в ближайшие дни.

— Что ж, — кивнула Юлия, немного подумав, — я верю в тебя, Чайка. Ты знаешь Ганнибала лучше и примешь верное решение. Быть может, ваш вождь согласится не казнить меня, а разрешит нам с тобой жить открыто. Не побоится того, что я дочь его злейшего врага.

— Это было бы для меня настоящим счастьем, — кивнул в задумчивости Чайка, — только об этом я и мечтаю. И все время переживаю, что с тобой и сыном может что-нибудь

случиться, пока вы находитесь здесь на птичьих правах. Все-таки ты слишком заметная фигура.

— Не бойся Чайка, — проговорила Юлия, и в ее голосе Федор уловил металлические нотки, — я же обещала, что буду принадлежать только тебе. Никто не сможет нас разлучить.

Услышав это заявление, Федор поневоле вздрогнул: оно означало, что в случае опасности у Юлии не дрогнет рука лишить жизни и себя и ребенка.

— Я принесу жертвы богам, чтобы они помогли нам, — сказал он, поднимаясь.

Юлия проводила его до дверей и поцеловала на прощание, шепнув на ухо: «Возвращайся скорее». И окрыленный командир хилиархии, потрепав сына по голове, вскочил на коня, отправившись в порт.

Там он отдал необходимые приказы командирам кораблей, прибывшим с ним из плавания, и прежде всего встретился с капитаном флагмана, которому еще вчера наказал разыскать того, кто прислал ему пополнение. Хотя заранее был уверен, что концов не найти. И действительно, из состоявшегося на палубе разговора выяснилось, что чудом спасшийся в бою с римлянами капитан интересовавшей Федора квинкеремы погиб при странных обстоятельствах. Буквально неделю назад. Его нашли мертвым в порту.

— Говорят, погиб в пьяной драке. Но я не верю, чтобы он сам мог ее затеять, — поделился сомнениями собеседник Чайки, — деньги он любил, но никогда не шиковал и не устраивал пирушек. Жадный был очень. Да и боец не из последних, и дорого бы отдал свою жизнь.

— Ты видел тело? — уточнил Федор.

— Видел, — кивнул капитан, нахмурившись, — его закололи в спину. Несколько ударов. Только меня не проведешь. Закололи его уже после того, как он умер.

— Отравлен? — поднял брови Чайка.

— Похоже, — кивнул капитан, — во всяком случае, был без сознания, когда ему в спину несколько раз всадили нож.

— Ну что же, — развел руками Федор, — концы в воду. Ладно, это тоже ценная информация.

И он вложил капитану в ладонь мешочек с золотыми «слонами».

Больше в порту делать было нечего. Забрав с собой спейру морских пехотинцев из тех, что были приписаны к другому кораблю, Чайка направился в глубь Апулии. Где, как он еще вчера выяснил у коменданта, в трех днях пути от побережья и не очень далеко от восточных склонов Апеннин, находился городок Арпы, который Ганнибал, покинув Кампанию, избрал своей новой ставкой. Ближайшие римские войска — два легиона рабов, решивших завоевать себе свободу, сражаясь с пунийцами, — стояли на северной границе Апулии, построив лагерь недалеко от Луцерии. Командовал ими новый консул Тиберий Семпроний Гракх. Как вкратце рассказал командиру хилиархии о последних событиях на фронтах комендант порта — повсюду царила нерешительность. Римляне не предпринимали активных действий, ограничиваясь наблюдением за Ганнибалом. А сам Великий Пуниец в последние месяцы тоже не атаковал противника, словно ждал каких-то новостей.

— Значит, я немного пропустил, — ухмыльнулся Чайка, поблагодарив коменданта за полученные сведения.

Дорога через контролируемую финикийцами часть Апулии прошла без проблем и к исходу третьего дня, повстречав на проселочной дороге несколько спейр африканцев, направлявшихся в только что оставленный Федором порт, командир двадцатой хилиархии прибыл в Арпы. Небольшой городок был окружен со всех сторон войсками. Еще на подходе Чайка заметил два полномасштабных лагеря выстроенных инженерными частями по всем правилам фортификационного искусства. Каждый из них мог принять примерно по десять тысяч человек, не считая гарнизона, который обосновался в небольшой цитадели в самом городе.

Проезжая мимо высокого частокола одного из лагерей, Федор сначала услышал громкий рев, а потом заметил и самих благородных животных — слонов, которых

погонщики вели на водопой к протекавшей неподалеку реке. После многочисленных битв с римлянами, и особенно памятного перехода через заснеженные Альпы в самом начале италийского похода, в распоряжении Ганнибала оставалось теперь не больше двух десятков слонов из восьмидесяти, с которыми он выступил из Испании. Но и столь небольшое количество представляло серьезную угрозу для римской конницы и легионов. Даже опытные солдаты противника далеко не всегда могли противостоять «таранному оружию» Карфагена, хотя за годы боев научились не сразу бросаться в бега при первом же их появлении.

Допросив патрульных на въезде в город, Чайка выяснил, где стоят африканцы Атарбала, — они квартировали в западном лагере, — и направился напрямик в цитадель. Главнокомандующий испанской армии, которая за последнее время была сильно разбавлена кельтами и рекрутированными италиками — по большей части самнитами и луканами — избрал своим новым пристанищем хорошо укрепленную крепость на самом высоком холме. Место было выбрано основателями города не случайно: эта возвышенность доминировала над окрестным плоскогорьем.

— Доложите Ганнибалу, что прибыл Федор Чайка, — приказал он начальнику охраны, едва прошел сквозь караульных в воротах и оказался посреди внутреннего двора, перегороженного цепочкой солдат, — он меня ждет.

Смуглый низкорослый финикиец в кирасе бесцеремонно оглядел его с ног до головы, кивнул, и с ловкостью обезьяны взбежал по небольшой лестнице. «Что-то я его раньше здесь не видел», — подумал Федор, проводив взглядом коренастую фигуру, и от нечего делать стал рассматривать крепость.

Стены цитадели Арпы и четыре квадратные башни по углам были выложены из красноватого камня. В центре находилось несколько жилых помещений с покатой красной крышей и узкими окнами-бойницами, а также арсенал, казарма и конюшня. Все это были крепкие на вид здания, выстроенные из того же камня и способные выдержать длительную осаду даже в том случае, если враги прорвутся за стены, опоясанные глубоким рвом с водой. Скользя взглядом по верхам, Федор заметил несколько баллист на башнях и скупавшую рядом прислугу, поймав себя на мысли, что Ганнибал, похоже, решил задержаться здесь надолго. Впрочем, это обстоятельство немного зависело и от римлян.

— Ганнибал ждет вас, — объявил командир охраны, вновь появившись перед Чайкой, еще созерцавшим крепостные стены, — он сейчас обедает на втором этаже. Приказал отвести вас прямо к нему без промедлений.

— Обедает? — хмыкнул Федор, — как это кстати.

Проследовав за главным охранником в здание, а затем, минуя еще четверых солдат, по узкой лестнице вверх, командир двадцатой хилиархии вскоре оказался в достаточно просторном зале, метров тридцать, где стоял шикарно накрытый стол. Федор ожидал увидеть за ним кого-нибудь из высших офицеров: Магарбала, командира испанской конницы, или начальника африканских пехотинцев Атарбала. Но, Великий Карфагенянин, облаченный на сей раз в широкое зеленое одеяние вместо доспехов, был абсолютно один, если не считать пары слуг, что подливали ему вино и меняли блюда. Золотая цепь с амулетом, похожим на тот, что Федор оставил у Иллора, отсвечивала на его груди. А черная повязка закрывала потерянный в болотах Клуся глаз.

— Проходи, Чайка! — приветствовал его пуниец, жестом предлагая сесть в одно из раззолоченных кресел, что стояли вдоль стены: — я давно тебя жду.

Федор присел к столу, скользнув взглядом по роскошной мебели и скульптурам античных героев, которые явно перекочевали в цитадель из шатра главнокомандующего. Все это великолепие немного не вязалось с походным образом жизни, который вел Ганнибал уже много лет подряд, и умеренностью в привычках, которую демонстрировал. Но, справедливости ради, надо было отметить, что убранство даже походного шатра Ганнибала всегда было роскошным. «Как ни крути, — подумал Федор, — а он ведь один из богатейших людей на средиземноморье, да еще и командующий целой армии. Ему по штату не полагается ходить в рваных штанах. Хотя он может и на снегу спать, и с солдатами есть из

одного котла, если жизнь заставит».

— Ты привез мне хорошие известия от скифов? — перешел сразу к делу Ганнибал, жестом выпроводив слуг за пределы обеденного зала, — встретился с царем Иллуром?

— Да, — кивнул Федор и, попросив взглядом разрешения, отпил вина из богато украшенной чаши, чтобы промочить горло, — встретился и провел переговоры.

— Ну! — поторопил его Ганнибал, видя, что Федор не может оторваться от чаши.

Чайка действительно устал с дороги и проголодался, а оказавшись так удачно за столом, где было накрыто множество мясных блюд и закусок, даже на секунду забыл о своем задании.

— Иллур согласен поддержать нас совместным ударом с Филиппом Македонским, — поспешно произнес он, отставив чашу с вином, — а затем вторгнуться в римские земли с севера. Я передал ему медальон. Он сказал, что будет на побережье Эпира через несколько месяцев.

Ганнибал откинулся на богато отделанную спинку кресла, сделав жест, которым разрешал Федору насладиться закусками. На его лице появилось довольное выражение полководца, который уже выиграл войну.

— Вот теперь я смогу захватить Тарент, не считаясь с потерями, — удовлетворено проговорил Ганнибал, — едва только македонцы и скифы ввяжутся в эту войну, как Рим перебросит часть легионов и флота на север. А большего мне и не надо. Если боги нас не оставят, то я выиграю войну даже без подкреплений сената. Поскольку Рим начнет беспокоиться и делать ошибки, даже не взирая на мой последний промах с Филиппом.

Удивленный Чайка поднял глаза на главнокомандующего, не понимая о чем идет речь.

— Пока ты выполнял мою волю у скифов, — снисходительно пояснил Ганнибал, прочитав вопрос в глазах командира двадцатой хилиархии, — я отправил послов к Филиппу, чтобы заключить договор.

— Так он еще не был заключен, когда я отплыл? — удивлению Федора не было предела. Он-то, уплывая, уже находился в полной уверенности, что союз с македонцами это реальность.

— Нет, — усмехнулся Ганнибал, продолжая откровенничать, — когда ты отплыл, мои послы только отправились к Филиппу. Я знал его настроения, и этот союз был уже обсужден, но не заключен. Однако мы заключили его, пока ты занимался другим. А на обратной дороге моих послов перехватила римская эскадра и в сенате Рима узнали о нашем союзе с македонцами еще раньше, чем о нем узнал я. Однако это сыграло мне только на руку: еще ничего не произошло, а Рим уже забеспокоился. Он тотчас прислал пятьдесят кораблей для защиты Тарента, но зато снял сразу несколько легионов из-под Капуи и Неаполя, отправив их в северную Апулию и долину реки По. Союзники могут вздохнуть с облегчением, им пока ничего не угрожает. А мы сохранили и даже упрочили позиции, а также выиграли время.

Теперь Ганнибал сам наклонился к столу и взял чашу с вином.

— Из северной Апулии эти легионы двинутся не на меня, а наверняка будут переброшены в Эпир, едва только македонцы вторгнутся в него. А стоит там же появиться скифам, с их быстрой конницей, как Рим будет вынужден перебросить и другие, направленные сейчас против меня силы на север. И чем больше римских солдат погибнет без моего участия, тем легче мне будет в дальнейшем осуществить то, что я задумал.

Эти откровения вызвали у Федора двойственное чувство. С одной стороны, ему стали доверять, делая носителем секретов большой политики. А с другой — свидетели долго не живут.

— Все, что произошло и что будет происходить здесь, в римских землях, мне ясно, — закончил откровения Ганнибал. И, потягивая бархатистое красное вино, вновь задал вопрос. — Ты, Чайка, лучше расскажи мне, как прошло твое плавание.

— Довольно гладко, — сообщил тайный посол к скифам, — если не считать одного события.

И он пересказал все, что произошло с ним за время путешествия, закончив основную

часть истории ночным нападением предателей-охранников. Добавил и о том, что узнал уже здесь.

Выслушав это, Ганнибал отставил чашу с вином и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Значит, кое-кто уже пронюхал об этом, — пробормотал он, не высказав, впрочем, никаких предположений по поводу источника опасности и тем самым оставив Федора в недоумении, — ну что же. Тем лучше. Отступать нам некуда. Придется переходить в наступление. Я собираюсь начать активную подготовку к штурму Тарента. Часть войск уже давно стоит под городом. А завтра несколько африканских хилиархий отправятся туда, и твоя в том числе. Пора побеспокоить наших римских друзей.

— Я слышал, что в Тарент должен был прибыть сам Марцелл, — осторожно заметил Федор, переводя разговор в нужное ему русло.

— Однако ты быстро узнаешь свежую информацию, — похвалил пуниец, не став отрицать. И добавил, усмехнувшись: — Твои разведчики не обманули тебя. Да, Марцелл прибыл в город. С теми пятью десятками квинкером, которые Рим прислал для защиты Тарента. У меня их сейчас всего восемнадцать. И это лишний раз доказывает, как Рим боится нас. Имея вдвое больше солдат и кораблей, он уже почти год не переходит в наступление, ограничиваясь лишь трусливым наблюдением и вылазками.

— Насколько я знаю сенатора, Марцелл может предпринять попытку высадить десант в нашем порту, — продолжал Федор подбираться к нужной теме, — ударить нам в тыл первым.

— Да, это возможно, — кивнул пуниец, ничуть не смутившись, и просветил Федора насчет последних событий на фронтах: — Для того сенат Рима и прислал сюда самого Марцелла, поскольку кроме него у меня сейчас нет в Италии достойных противников. Консул Тиберий Семпроний Гракх стоит недалеко от Луцерии с двумя легионами рабов, наблюдая за мной. И не предпримет в ближайшее время ничего. Другой консул Луций Постум Альбин вместе с восемнадцатым и девятнадцатым легионами недавно попал в засаду в долине реки По, устроенную моими добрыми кельтами, и погиб, а его легионы истреблены. Ему на замену был вновь выбран медлительный Фабий Максим, чему я искренне рад, а Марцелл стал проконсулом. Так что он единственный, кого стоит немного опасаться. Но когда в дело вступит Филипп со своими македонцами и скифская конница, даже он будет не страшен.

— Но пока что его нападение в районе нашего единственного порта вполне вероятно, — продолжал гнуть свою линию Федор. — Если командующий позволит, я хотел сказать, что стоит укрепить оборону порта. Три дня назад, когда я оттуда уезжал, сил там было явно недостаточно, чтобы отразить серьезную атаку.

— Ты так беспокоишься об обороне этого порта, словно боишься, что Марцелл отберет у тебя обратно свою дочь, которую ты прячешь там от меня уже полгода, — усмехнулся Ганнибал.

Федор, расслабленно откинувшийся на кресле, резко выпрямил спину. «Он все знает! — пронесся панический импульс в мозгу командира хилиархии, — все знает!» А главнокомандующий, насладившись моментом, спокойно добавил, легко прочитав его мысли.

— А ты предполагал, что сможешь скрыть от меня такое?

Ганнибал в упор посмотрел на Чайку, который молчал в ожидании приговора. При этом взгляд пунийца отнюдь не выражал злорадства по поводу раскрытия заговора. Скорее он был веселым. Это немного смутило Чайку.

— А что это за мальчик находится с ней? — уточнил Ганнибал так, словно ничего особенного не произошло, — сын Памплония?

— Это мой сын, — признался Федор, решив пойти ва-банк: «Будь, что будет!»

— Ах вот оно, что! — ухмыльнулся Ганнибал и даже оставил в сторону тарелку с мясной закуской. — А я все не мог понять, зачем тебе такие заложники. А они вовсе и не

заложники. Значит, Юлия осталась с тобой добровольно. Отлично! Просто великолепно!

Федор не знал, что и думать. Глядя на веселое лицо Великого Карфагенянина, он не мог понять, издевается тот или говорит всерьез. Но следующий его вопрос вновь припер к стенке Федора.

— А когда же ты успел... — проговорил Ганнибал, на секунду замывшись, подбирая нужное слово, — зачать этого сына. Ведь ему уже больше трех лет. Наш поход тогда еще не начался...

И вдруг по его лицу проскользнула догадка.

— Как ты вообще появился в Карфагене? Мне кажется, ты что-то утаил в прошлый раз, когда рассказывал мне о спасении Магона. Ты его действительно спас или все было иначе?

Этот вопрос был посерьезнее всех предыдущих. Для Чайки настал момент истины.

— Все так и было, — выдавил он из себя, стараясь смотреть в глаза Ганнибалу, — почти. Я действительно спас ему жизнь у скифов в Крыму, но... потом я не сразу оказался в Карфагене. Наш корабль попал в шторм и утонул неподалеку от этих самых бегов. Я один выжил, оказался в Таренте и сошел за деревенского парня. В общем, попал на службу в морскую пехоту римлян. Выхода у меня не было. А потом судьба привела меня в дом сенатора, где я увидел Юлию и влюбился в нее.

Федор умолк на мгновение, но нашел в себе силы продолжать. Ганнибал слушал не перебивая.

— Затем у нас была ночь любви прямо в доме сенатора. Наутро нас застали вместе. Я убил нескольких римлян и в тот же день, переодевшись, бежал в Карфаген. А Юлия... осталась. Лишь позже, когда мы уже вторглись в Италию, я узнал, что у нее есть ребенок.

— Теперь ясно, за что ты так ненавидишь Марцелла, — кивнул удовлетворенный Ганнибал, — Марцелл знает, что это твой сын?

Федор кивнул.

— И все равно предпочитает молчать, боясь молвы. Это ему не выгодно, — проговорил пуниец, уже рассуждая вслух, — ну что же. Сама судьба благоволит к тебе, Чайка. Если ты боялся, что я заберу Юлию в заложницы, то можешь забыть об этом. Даже если бы я приставил клинок к ее горлу, Марцелл все равно не сдался бы мне на милость. Так что эта жертва мне не нужна. Можешь жить спокойно и рассказать ей об этом. Ты собираешься признать мальчика?

Федор кивнул.

— Я хочу дать ему финикийское имя.

— Это возможно, — кивнул Ганнибал и многозначительно добавил, — правда, многие в Карфагене будут не в восторге от такого союза. Пока ты рядом со мной, я смогу вас защитить. Но имей в виду, что на другой территории я не всевластен. Помни об этом.

Намек был ясен. Но Чайку это не пугало. Казнь была отменена, а новая жизнь только начиналась.

— А кроме того, ты хорошо знаешь Тарент, — продолжал размышлять Ганнибал, — это надо использовать.

Глава шестая

Тайные тропы

В ту ночь Федор почти не спал от возбуждения и радости. Несмотря на желание немедленно усилить группировку войск на подступах к Таренту, Ганнибал разрешил ему коротко навестить Юлию и сообщить последние новости, однако время выступления менять не стал. И Федор условился, что двадцатую хилиархию отведет к месту новой дислокации Урбал, неплохо справившийся со своими временными обязанностями при осаде Рима. А он, побывав на берегу, присоединится к войскам уже на месте.

— Ну ты даешь, — только и развел руками Урбал, когда Федор, едва появившись вечером в лагере и снова обосновавшись в шатре командира хилиархии, который временно

занимал Урбал, вызвал к себе отсутствующих по делам службы друзей.

— И Ганнибал теперь все знает? — озадаченно переспросил Летис, который не все понял с первого раза.

— Знает, — кивнул радостный Федор, который так и не присел с той минуты, как увидел и обнял друзей, — оказывается, он уже полгода об этом знает, но молчит.

— Интересно, — проговорил рассудительный Урбал, слегка обидевшись, — мы вот, с Летисом, тоже ничего полгода об этом не знали.

— Я не мог рассказать никому, — извинился перед друзьями Федор, — сами понимаете, все же дочь римского сенатора среди солдат нашей армии.

— Да уж, завязал ты узелок, — кивнул Урбал, принимая извинения. — И Ганнибал тебя ни в чем не обвинял при встрече?

— Да так, — отмахнулся Федор, — по мелочам. Пришлось рассказать свою подноготную.

И Чайка рассказал теперь друзьям те моменты своей биографии, которые раньше был вынужден скрывать даже от них, решив, что теперь таить их нет никакого смысла. Выслушав все детали его службы римлянам и побега в Карфаген, друзья некоторое время молчали, переваривая.

— Удивил ты меня, Чайка, — только и сказал озадаченный здоровяк, присев на скамейку рядом со столом, где Федор рассматривал карту с последними добытыми разведкой сведениями о расположении римлян.

— Теперь мне многое понятно, — нарушил затянувшуюся тишину Урбал, проведя рукой по ножнам фалькаты, — я, конечно, не Ганнибал, и сотен шпионов у меня нет, но кое-что странное в твоём поведении мне уже давно бросалось в глаза. Хорошо, что теперь ты развеял мои подозрения.

— А ты что, решил, что я служу римлянам? — ухмыльнулся Федор.

Урбал неопределенно пожал плечами.

— Нет, но я не мог найти объяснения твоим поступкам. А это меня настораживало. Было ясно, ты что-то скрываешь. Хорошо, что ты решил нам все объяснить прямо сейчас.

— А я рад, что все закончилось, — выпалил Летис не любивший долгих объяснений, — предлагаю обмыть это дело кувшином хорошего вина. Мы тут сегодня захватили одного греческого торговца, который пытался проскочить в Тарент мимо наших кордонов с несколькими возами отменного вина. Я уже откупорил одну амфору, — отличная вещь. Говорят, римляне дают за это вино хорошие деньги.

— Не откажусь! — махнул рукой Федор, — тащи сюда пару амфор прямо сейчас. Поскольку утром я снова вас оставлю на денек-другой.

— Как это? — опешил Урбал, проводив взглядом Летиса, уже прошмыгнувшего к выходу из шатра, — ведь утром мы выступаем в сторону Тарента.

— Да, я знаю, — отмахнулся Чайка, с лица которого не сползала радостная ухмылка, — но Ганнибал разрешил мне в этот раз по любовным делам посетить порт на побережье и сообщить Юлии, что она может больше не скрываться. Он берет нас под свою защиту.

— Повезло тебе, Федор Чайка, — обрадовался за друга Урбал, но, подумав, добавил, — однако я бы на твоём месте не слишком часто показывался с ней на людях. Она все же римлянка. А война еще не закончена. Мало ли что.

— Не беспокойся, — ответил командир хилиархии, — я не собираюсь бывать с ней на пирах. Во всяком случае пока.

Он прошелся мимо столика со свитками и, обернувшись, добавил.

— А что касается нашего выступления, то к Таренту хилиархию поведешь ты. До сих пор ты неплохо замещал меня. Придется сделать это еще разок. А я присоединюсь к африканцам уже на месте, Атарбалу я уже сообщил. Думаю, это займет не больше нескольких дней.

— Ладно, решай свои любовные дела, — согласился Урбал, — а мы за тебя повоюем.

— К началу войны я успею, — уверил его друг, — мне не терпится снова схватиться с

римлянами. Тем более что в городе сейчас сам Марцелл.

Урбал поднял на него удивленные глаза, но спросить ничего не успел. В шатер медленно вошел Летис, который тащил на плече объемную амфору из красной глины, узкое горлышко которой было запечатано какой-то смолянистой массой. За ним вошли еще двое солдат, которые еле донесли еще одну.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес здоровяк, вертикально опуская свое сокровище на покрытый ковром пол, — сейчас мы ее раскупорим. Кладите вторую в том углу.

Последние слова относились к пехотинцам, которые с трудом уложили амфору на ковер и вышли. Федор оглядел сосуд: тот имел узкое горло, расширение в середине, от которого отходило две ручки, и остроконечное дно. Этот сосуд никак нельзя было поставить, а можно было только положить. Что и сделали солдаты. Но Летис и не думал класть массивную амфору. Вместо этого он, придерживая ее рукой, вынул из ножен один из своих любимых кинжалов и огляделся по сторонам.

— Как ты собираешься наливать вино? — уточнил Федор, — ведь эта амфора слишком большая и предназначена, скорее всего, для его перевозки. Смотри, у нее даже нет других отверстий, кроме верхнего.

— Сейчас разольем, — не смутился Летис. — Тут есть какой-нибудь кувшин?

Федор осмотрелся в поисках емкости. На другом столике в углу, который он иногда использовал, для того чтобы наскоро перекусить, и Урбал в его отсутствие делал то же самое, стоял небольшой кувшин и рядом чаша.

— Один есть, — озвучил Чайка то, что все и так уже видели.

— Отлично, подтащи-ка его сюда, — приказал он командиру хилиархии и добавил, когда Федор, не споря, выполнил этот приказ рядового: — и поддержи.

А потом, проделав кинжалом аккуратное отверстие в застывшей смоляной пробке, подхватил амфору и осторожно стал приподнимать, до тех пор, пока из нее не полилась красная ароматная жидкость, быстро наполнившая кувшин.

— Придется пить из одного, — ничуть не расстроился Летис, опуская амфору на пол и снова прихватывая ее за глиняную ручку, — вы первые.

Так он и стоял «на разливе», пока друзья, опрокинув, каждый по кувшину, не распробовали вино. А когда очередь пить дошла до самого Летиса, то его «пост» временно занял Урбал.

— Крепче держи за ручку, — посоветовал здоровяк из Утики, — а то опрокинется.

И почти залпом выпил кувшин, опрокинув его в свою глотку.

— Отлично вино, — еще раз подтвердил он, когда высосал все до капли.

— А куда, ты говоришь, направлялся хозяин этого каравана, — вдруг отчего-то вспомнил слегка захмелевший Федор, — в Тарент?

— Ну да, — ответил Летис, снова занимая свой пост «у краника», — он сам грек из местных.⁴ Вот и пытался протащить вино на продажу. Там легионеры умирают от жажды, дожидаясь нашего штурма.

— Это хорошо, что он сгруппировал и не повез его морем. Ты никуда не отпускай этого торговца до моего возвращения, — обернулся Федор к Урбалу, — у меня тут мысль одна возникла.

— Ладно, — кивнул Летис, допивая очередной кувшин.

— И еще, — вдруг стал серьезным Федор, у которого в голове уже созрел план, — не вздумай выпить все вино. Сколько там было возов?

— Четыре огромных, наполненных до краев амфорами, — пробормотал озадаченный новым приказом здоровяк.

— Вот пусть хотя бы три останется, — подвел черту Федор.

⁴ Тарент, как и многие города в Южной Италии, был основан выходцами из Греции. В прежние времена, воюя за свою независимость с окрепшим Римом, они не раз призывали на эти земли греческие армии. Последнее и наиболее мощное вторжение по их просьбе было организовано царем Пирром Эпирским.

— Выполним, раз надо, — нехотя подтвердил Летис, вытирая рот рукой.

На рассвете, вздремнув в шатре несколько часов, отдохнувший и окрыленный командир двадцатой хилиархии вновь умчался в сторону побережья, взяв с собой сотню нумидийцев во главе с Угуртой. Морпехов Федор взять не мог, поскольку пешком он не обернулся бы за пару дней, а тяжелых испанских всадников Магарбал ему просто не дал, — они были слишком ценной боевой силой, чтобы брать целую сотню себе только в качестве эскорта. А нумидийский вождь не раз был им проверен в боях, и сами нумидийцы вполне подходили на роль отряда сопровождения.

Проведя весь день в седле и едва не загнав коня, Федор к вечеру следующего дня снова был у ворот уединенного каменного дома. Спрыгнув с коня, он скользнул взглядом по видневшимся недалеко внизу корабельным мачтам наполовину вытасненных на берег квинкером и в нетерпении забарабанил в массивную дверь. Чернокожие нумидийцы, образовав полукруг, остановились за его спиной, перегородив дорогу.

— Ждите здесь, — приказал Угурте Федор, указав на обширную поляну по соседству, — можете разбить лагерь. Утром поскачем обратно.

Темнокожий Угурта, различимый в быстро наступающей тьме только по белозубой улыбке и тунике, едва заметно кивнул. На счет лагеря Федор, выучивший за последний год пару слов на их языке, сказал скорее для порядка. У нумидийцев с собой не было ничего, кроме оружия. И эту ночь им предстояло провести под открытым небом. Но обрадованного последними событиями командира хилиархии это сейчас совсем не волновало. Нумидийцы тоже солдаты, ко всему привыкли.

— Кто там? — раздался за воротами недовольный голос охранника.

— Это я, Чайка, — сообщил он в нетерпении, — открывай.

Массивные ворота со скрипом отворились, и Чайка, ведя под уздцы коня, оказался во дворе, где уже находилось пятеро охранников. Как и положено.

— Простите за ожидание, — поспешил извиниться облаченный в полные доспехи охранник, бывший почему-то за старшего, — мы не ждали вас так быстро назад.

— Ничего, — отмахнулся Чайка, — я сам не ожидал, что приеду.

— Где командир охраны? — уточнил Федор, осматривая погруженный в сумерки сад.

— Он уехал в город и должен скоро вернуться, — был ответ.

«Не он ли служит осведомителем Ганнибала, — промелькнула мысль в голове у Чайки, — я, конечно, его давно знаю и не раз проверял, но кто-то поставлял главнокомандующему информацию уже целых полгода. А лучшей кандидатуры, чем начальник охраны, который единственный может покидать дом по своему усмотрению, и не придумать. Впрочем, это уже не важно».

— А где сейчас госпожа? — спросил Федор, немного успокоившись.

— Она уже спит, — ответил солдат, бросив взгляд через его плечо на отряд нумидийцев в белых туниках, который медленно перемещался в сторону ближайшего поля, словно собрание призраков.

Бросив поводья охраннику, Федор напрямик направился в спальню. Как ни старался он ступать осторожно своими подкованными башмаками, но все же случайно опрокинул лавку в большой комнате, где еще не погасли свечи. Раздался грохот и Федор решил, что испугал Юлию и ребенка. Но, к счастью, они еще не спали.

— Кто там? — раздался голос римлянки.

— Не бойся, — ответил Федор, поднимая лавку, — это я. Вернулся с хорошими вестями.

Накинув хитон, Юлия выбежала ему навстречу из спальни. В тусклом свете со своими платиновыми волосами, разметавшимися по плечам, и босыми ногами она казалась особенно привлекательной.

— Ты вернулся, — девушка бросилась ему на шею, прильнув в поцелуе. — Но что случилось? — спросила она, отстранившись наконец, но все еще оставаясь в объятиях

Федора.

— Ганнибал — выпалил Чайка, захлебнувшись от избытка чувств, — оказывается, он все знал уже давно.

— Знал? — отшатнулась Юлия, — значит, он в любой момент мог прислать за мной своих солдат?

— Мог, — подтвердил Федор, — но не прислал. Вчера у нас был разговор, и я обо всем поведал ему.

— И что он сказал тебе в ответ? — Юлия отступила босыми ногами на шаг по ковру, мгновенно становясь серьезной. В этой хрупкой девушке быстро проснулась дочь сенатора.

Она скрестила руки на груди, вперив вопросительный взгляд в командира двадцатой хилиархии. Вид у нее был решительный. В зависимости от ответа римлянка готова была, казалось, тотчас сесть на колесницу вместе с сыном и броситься в бега.

— Он простил нас и разрешил больше не прятаться, — поспешил объяснить Федор, делая шаг вперед. — Теперь мы можем наслаждаться жизнью. Скрываться больше не надо, мы можем жить открыто. Он сказал, что не стремится делать из тебя заложницу, поскольку твой отец все равно не сдастся на милость финикийцев из-за тебя.

— Это верно, — нехотя признала Юлия, — он скорее сам меня убьет, но не доставит удовольствия Ганнибалу видеть себя униженным. Но как Ганнибал узнал, ведь я же не выхожу из дома?

— У него много шпионов, — спокойно заметил Федор.

— Значит, и в доме есть его шпион? — закончила мысль римлянка.

— Наверняка, но стоит ли теперь об этом беспокоиться, — отмахнулся Федор, делая еще шаг к своей любимой женщине и вновь обхватывая ее за узкую талию, — завтра утром я должен снова отправляться к войскам. Но сегодня у меня еще осталась ночь, и я хотел бы провести ее не в разговорах о прошлом и будущем. Настоящее волнует меня гораздо больше.

— Сейчас как раз стоит подумать о будущем, — ответила Юлия по-прежнему серьезным голосом. Но быстро сдалась, ответив на поцелуй.

— Не будем терять время, — закончил разговоры Федор и подхватил римлянку на руки, — я хочу насладиться тобой прямо сейчас.

— Только не шуми, как взбесившийся слон и не роняй больше скамьи, — предупредила Юлия, заглядывая в спальню, сквозь приоткрытую дверь, — наш сын заснул, но может опять проснуться. И тогда ты будешь развлекать его до утра.

— К счастью, в доме много комнат, — заявил Чайка и осторожно, словно пушинку, поднял римлянку по лестнице на второй этаж, где находилась другая спальня и еще несколько комнат для хозяев. Там он бросил ее на кровать и сорвал тунику, проведя ладонью по округлой и теплой груди.

— У нас целая ночь, — повторил он и стал покрывать поцелуями тело Юлии, мгновенно позабывшей обо всех проблемах и растаявшей в его объятиях.

Наутро счастливый Федор, оставив сонную Юлию в постели, наскоро перекусил, бросил взгляд на спящего сына, сел на коня и отправился в обратный путь, окруженный верными нумидийцами, скоротавшими ночь под открытым небом. Он был настолько счастлив, что даже не вспомнил о том, что им тоже требовалась еда и ночлег.

Приказав разбудить утром командира охраны, Чайка оставил ему новые указания. Теперь Юлия могла появляться в городе, если захочет, но все также под ненавязчивой охраной. Все прежние приказы Федор оставил в силе до своего следующего визита, когда он решил принять решение, что делать дальше, — перевезти Юлию в другое место или оставить здесь. Юлия была права, теперь надо было подумать о многом. Несмотря на разрешение Ганнибала, она оставалась римлянкой в глазах многих вельмож Карфагена. Война еще не закончилась, и со всех сторон грозило много опасностей. Больше всего Федор боялся неизвестных, связанных как раз с происхождением Юлии. А также действий ее отца, если он узнает о том, что его дочь рядом. Марцелл был способен на многое. И стоило хорошенько

продумать свои следующие шаги. Пока у Федора времени на это не было, Юлия, как они решили, останется здесь, в доме на побережье под охраной. Так было спокойнее.

Проведя почти три дня в седле, к ночи Федор прибыл в окрестности Тарента. О том, что он приближается к району боевых действий, ему красноречиво напомнили разъезды испанской конницы и все тех же нумидийцев, а также кордоны из пехотинцев, в изобилии встречавшиеся на дорогах. По многим дорогам даже в сумерках в сторону Тарента двигались спейры кельтов и африканских пехотинцев, обгоняя которые Чайка поневоле вспомнил, что он не только герой-любовник, но и командир двадцатой хилиархии, солдаты которой уже забыли, как он выглядит из-за частых и продолжительных отлучек. Но теперь он вернулся надолго. Ганнибал, судя по всему, был настроен решительно. Время перемирия и вялотекущих действий на фронтах подходило к концу. И Федору, как и всем командирам испанской армии, предстояли веселые деньки. Вот-вот могла начаться осада Тарента, с которым у Федора Чайки были связаны незабываемые воспоминания.

Вернувшись в только что отстроенный лагерь, первым делом, несмотря на поздний час, Федор разыскал Атарбала и доложил о своем прибытии. Военачальник корпуса африканцев коротко побеседовал с прибывшим командиром двадцатой хилиархии, сообщив ему, что в задачу вверенного Чайке подразделения входит пока только охрана западной части нового укрепленного района. Изредка разрешалось беспокоить римских фуражиров, действующих в обширной полосе отчуждения. И больше ничего. К огорчению Федора, который изрядно устал от политических игр и рвался в бой, никаких более агрессивных действий в ближайшее время не планировалось. Ганнибал собирал силы в кулак, но когда этот кулак нанесет удар, было не ясно.

От командира африканцев Федор направился напрямик к себе в шатер, где застал Урбала, отдававшего дозорным указания и пароли на предстоящую ночь. Узнав, что друг вернулся, Урбал с радостью передал ему командование и отправился спать. Изрядно уставший от скачки Федор сделал то же самое.

А наутро он приказал построить свои войска и провел им небольшой смотр. Больше для того, чтобы обозначить свое возвращение, чем для проверки боевой готовности. Несмотря на то что многие спейры были незадолго до этого пополнены новобранцами больше чем на треть, солдаты его хилиархии были готовы к драке, в этом он быстро убедился. Амуниция в порядке, вид бодрый. Но испытание настоящим боем не мешает любой армии, а его, судя по всему, ждать было еще долго, несмотря на заявления Ганнибала.

Для того чтобы быстрее войти в курс дела Чайка решил «выехать на прогулку» в сторону римских позиций. Поскольку была вероятность повстречать там легионеров, то Федор взял с собой всю седьмую спейру Урбала и еще сотню нумидийцев Угурты. Все равно сидеть в лагере и скучать ему не хотелось.

Небольшое соединение пехотинцев и конницы покинуло лагерь армии Карфагена, когда солнце уже было в зените. Лагерь был выстроен на плоском холме, южный и западный склоны которого обрывались в глубокий овраг, а вдоль остальных сторон инженерные части вырыли не менее глубокий ров. Так что попасть в лагерь можно было только через несколько ворот, каждые из которых были снабжены подъемным мостом. Частокол с башнями опоясывали лагерь пунийцев по всему периметру. В общем, на случай внезапного нападения римлян он был хорошо подготовлен и укреплен. А что касается гарнизона, то солдат Карфагена — африканцев, испанцев, кельтов и нумидийцев — здесь скопилось уже около десяти тысяч, и они продолжали прибывать каждый день.

— Неплохо мы здесь обосновались, — прищурившись на солнце, заметил Федор, обращаясь к Урбалу. Его друг и заместитель шагал рядом, иногда придерживая рукой перекинутый за спину щит.

Устав от скачки за последние дни, командир хилиархии решил прогуляться пешком вместе со своими солдатами. Как ни крути, а уже несколько лет подряд он был пехотинцем. Нумидийцев Федор, как всегда, отправил вперед. Проверять дорогу, петлявшую меж

поросших редколесьем желто-зеленых холмов.

— Да, отличное место для лагеря, — согласился командир седьмой спейры, на шлеме которого играли солнечные блики, — жаль только, до римлян далековато. Вряд ли мы их сегодня встретим. В окрестности лагеря они редко наведываются.

Как узнал Федор утром из доклада все того же Урбала, передававшего ему дела, между крепостной стеной Тарента и укрепленными лагерями финикийцев было не меньше двадцати километров. Это было сделано специально, чтобы римская армия в случае контратаки не могла преодолеть разделявшее врагов расстояние меньше чем за дневной переход.

В полосу отчуждения, что протянулась вдоль обширной части побережья залива, на краю которого стоял Тарент, и даже захватывала часть Калабрии, попало множество деревень и даже небольших городков. В самой Калабрии, примерно на таком же расстоянии от города, Ганнибал спешно строил еще один лагерь, чтобы угрожать Таренту с востока и помешать подходу подкреплений из Брундизия, находившегося еще в руках римлян. Оба города, однако, свободно снабжались римским флотом по морю, и Великий Карфагенянин мечтал как можно быстрее прервать это сообщение. Сделать это ему мешало только отсутствие собственного мощного флота и подкреплений. Но, взяв Тарент, уже можно было говорить о том, что римляне лишились крупнейшей военно-морской базы на этом побережье и влияние их сената в Южной Италии окончательно подорвано. Дело оставалось за малым — взять Тарент, хорошо укрепленный, с мощным гарнизоном и флотом.

Спустя полчаса они достигли первой деревушки, давно оставленной жителями.

— А что, в этой полосе между нами и римлянами никого не осталось? — уточнил Федор, вглядываясь в заброшенные дома и разоренные огороды.

— Разведчики докладывают, что из местных жителей почти никого, — ответил Урбал, — все они подались в Тарент.

— Странно. Ганнибал говорил, что большая часть населения выступает за то, чтобы открыть ворота, — произнес Федор, останавливаясь на пригорке, с которого была видна следующая деревня. Похоже, такая же заброшенная, — я думал, нас будут встречать как освободителей.

— Может быть, нас и хотели так встретить, — кивнул Урбал, останавливаясь рядом и делая знак своим людям тоже остановиться, — но в Таренте много легионеров и они вешают любого, кто покажется им слишком симпатизирующим Ганнибалу. Говорят, там повсюду стоят виселицы, а отрубленными головами завалены все канавы. Дела наших шпионов и так не очень хороши, а после того, как к ним прибыл Марцелл, станут еще хуже.

— Кто знает, — задумчиво пробормотал Федор, думая о чем-то своем, — кто знает.

Переведя взгляд с разоренной деревни на лицо Урбала, он вдруг спросил.

— Значит, поблизости нет римских войск и можно при желании дойти до стен самого Тарента?

— Мародеры и некоторые отчаянные торговцы так и делают. Мародеры бродят между нашими позициями, в основном по ночам, грабят заброшенные дома. Их ведь здесь много. А торговцы пытаются протасить свой отвар мимо наших постов. Днем римляне иногда открывают ворота и прочесывают ближайшие окрестности. Но далеко не уходят, как и мы. А всех торговцев, пробравшихся мимо наших кордонов, они впускают в город в условленное время.

— И не считают их шпионами Ганнибала? — удивился Чайка.

— Большинство они знают в лицо. В случае чего их недолго найти и повесить.

— Откуда тебе это известно? — продолжал спрашивать друга Федор.

— От того торговца вином, что мы захватили несколько дней назад, — ответил Урбал. — Смелый оказался мужик. И жадный. Ради денег на все готов. Говорит, у него договор с одним центурионом, которому он должен был отстегнуть приличную сумму за то, что тот позволит провезти в город это вино.

— У них, что, не хватает вина? — снова удивился Федор, — ведь снабжение по морю пока идет.

— В городе очень много легионеров, — пожал плечами Урбал, — а они любят выпить. Поскольку открытых столкновений с нашей армией почти нет, то им надо чем-то себя занять. Так что, как уверял меня этот торговец, несмотря на поборы, вино в городе все равно уйдет вдвое дороже.

— Слушай, — Федор внезапно хлопнул друга по плечу, — а ведь это шанс.

— Ты о чем? — не понял Урбал.

— Возвращаемся в лагерь, — приказал Чайка и добавил, обернувшись к командиру седьмой спейры, — потом объясню.

Глава седьмая

Вверх по реке

Ждать гонцов от Аргима, однако, пришлось долго. Целых двое суток. А это время войска скифского адмирала успели прочно обосноваться в Хаморе и прошерстить близлежащие земли на этом берегу, спалив немало деревень. Впрочем, население их покинуло, едва узнав о вторжении с моря.

На следующее утро вернулась связная бирема с побережья и скифы, плававшие вверх по реке. Судя по данным разведки, на побережье все было в порядке. Обиженные греки не появлялись, а квинкеремы скифского флота прочно запечатали часть дельты и начали регулярное патрулирование, уже успев потопить пару либурн, пытавшихся прорваться в сторону греческих колоний. Мелкие суда, все больше рыбацкие, все же просачивались. Особенно по ночам. Вверх по течению все было не так спокойно и разведчики Ларина едва унесли ноги, повстречав флотилию бирем Палоксая в полудне пути. Хорошо, вовремя заметили и успели вернуться. Преследовать их не стали.

На другой берег скифы пока не совались. Там уже второй день маячила конница Палоксая, ожидая дальнейших шагов Ларина, но не предпринимая ответных контратак. Это немного озадачило адмирала. На воде они были сильны, но хороший удар мог бы выбить их из занятого города. «Видно, Аргим быстро продвигается, — решил Леха, которому уже не сиделось на одном месте, — связывает их основные силы. И Палоксай решил подождать в надежде победить конных, а потом, если повезет, и с нами разделаться. Но я ему такого удовольствия не доставлю».

Проведя смотр своим войскам и посчитав потери, которые были не так велики, Леха собирался двигаться дальше вверх по течению. Сил у него пока хватало для одного-двух решительных ударов в сердце врага. Однако не хватало информации о действиях противника, которая развязала бы руки храброму адмиралу. Леха, конечно, был бесшабашным парнем, но уже немалое пребывание на командных постах научило даже его размышлять о маневрах противника. Он не хотел броситься в атаку и тут же натолкнуться на превосходящую по численности конницу Палоксая, победа над которой в первых сражениях дорого обошлась даже скифам Иллур. А уж стычка с пешим воинством в чистом поле вообще может закончиться разгромом.

Этого Леха, мечтавший еще взять приступом лесной дворец Палоксая, где мог скрываться старейшина Иседон, не мог себе позволить. И потому медлил, подчиняясь предчувствию. А тем временем приказал снять с квинкером еще триста морских пехотинцев и перебросить в Хамор, распределив по кораблям, командам которых вновь пришлось потесниться.

И вот наконец к вечеру с северо-запада прискакал гонец от Аргима, в сопровождении пятерых охранников, разыскавший стоянку экспедиционного корпуса. Он сообщил, что Аргим ведет тяжелые бои выше по течению Истра, где собралось почти десять тысяч конных воинов во главе с самим царем Палоксаем. Уже произошло одно кровопролитное сражение, в котором победили скифы Аргима, прижав потрепанные войска царя к реке, и скоро будет другое, решающее.

— Значит, главные силы противника там, — проговорил удовлетворенный адмирал и

перевел взгляд на гонца, который еле спустился с лошади от усталости, — сколько дней ты скакал сюда?

— Два дня от нашего лагеря до реки, — ответил скиф, держа лошадь под уздцы одной рукой, а другой опершись о копые, — и еще три дня вдоль реки.

— Так, — ухмыльнулся Ларин, — значит, весь этот берег оставлен противником?

— Почти, — кивнул гонец, — Солдаты Палоксая пока удерживают берег выше по реке, но скоро мы их оттуда выбьем.

— Великолепно, — похвалил не то гонца, не то себя Леха. — Передай Аргиму, что мы захватили часть побережья и будем двигаться к нему навстречу. Пока все идет отлично. Я собираюсь атаковать город Тернул. Если сможет прислать отряд конницы на подмогу, то пусть присылает туда. Следующий раз ищи нас вверх по реке. А сейчас отдыхай.

— Завтра на рассвете я вернусь к Аргиму, — сообщил гонец, — и все ему передам.

Адмирал кивнул, отходя в сторону и велел Токсару устроить на ночлег весь прискакавший отряд. На ходу Леха уже потирал руки от предвкушения удовольствия. «Основной корпус Палоксая в пяти днях пути, и вот-вот будет разгромлен, — размышлял адмирал, в сопровождении охранников направляясь к своему жилищу, служившему одновременно штабом, — поэтому меня никто не атакует. И наверняка под Тернулом тоже нет больших сил. Значит, можно попытаться его захватить. Или хотя бы пошуметь для видимости, солдат у меня маловато для полноценной осады. А оттуда и до Урканака рукой подать, где Иседон прячется. Хотя это еще не факт, надо бы пленного взять да потолковать. Может, хитрозадый старейшина, где в другом месте окопался. Но ударить надо. Это Палоксаю как нож в спину».

Еще с вечера Ларин отдал приказ сделать все необходимые приготовления, и теплым утром следующего дня грозная флотилия двинулась вверх по течению. В Хаморе адмирал оставил лишь небольшой гарнизон в триста человек с приказом оставаться в городе до тех пор, пока не подойдут конные отряды Аргима. А если раньше появится враг, да еще с превосходящими силами, то город не оборонять, а прорываться к морю на биремах, если до той поры от него не поступит новых распоряжений.

В Хаморе Ларин оставил три биремы, на которых была сделана верхняя палуба, для того, чтобы помещалось больше морпехов. А десять триер и оставшиеся биремы взял с собой. Теперь его экспедиционный корпус, если не принимать во внимание моряков и гребцов, а также недавние потери, насчитывал чуть больше полутора тысяч человек.

Ветер был попутный, видимость отличная, и первый день этого путешествия вверх по излучине в дельте Истра прошел спокойно. Напугавшая его разведчиков флотилия речных судов Палоксая не показывалась. За время плавания Леха, слегка расслабившись, несмотря на то что продвигался в глубь территории противника, рассматривал берега широкой реки, вспоминая, как был здесь впервые. Новых городов за время его недолгого отсутствия не появилось. А облепившие берега деревни и поселки казались вымершими. Судоходство с началом войны тоже прекратилось. Однако в руках армии Иллуря была пока лишь часть дельты, а остальные рукава реки, не уступавшие по ширине этой, могли использоваться воинами Палоксая свободно. Как напоминание о том, что победа еще не полная, на «вражеском» берегу то и дело появлялся отряд конницы, человек пятьдесят, сопровождавший их от самого Хамора.

— Да, так нам незаметно к Тернулу не подобраться, — проговорил адмирал, когда в очередной раз заметил блеск шлемов тяжеловооруженных всадников противника, — там нас наверняка уже поджидают.

— Это так, — кивнул Токсар и уточнил, прищурившись на солнце, — но взять город мы все же попытаемся?

— Эй, на носу, — не выдержал адмирал, — а ну угостите этих ребят, а то они совсем осмелели.

Орудийная прислуга завозилась возле носовой баллисты, разворачивая ее в сторону берега. А солдаты двух других баллист, установленных у мачты, остались лишь

наблюдателями. Вскоре первое каменное ядро просвистело над водой, угодив в самую гущу всадников, не ожидавших, что они находятся в зоне обстрела. Забрав с собой мертвых и раненных, коники Палоксая отступили в глубину леса.

— А что я, по-твоему, зря туда плыву, — усмехнулся довольный Леха, продолжая разговор.

Он стоял, облокотившись на кормовое ограждение неподалеку от моряка, управлявшего рулевым веслом, — завтра уже будем на месте, и с ходу начнем штурмовать.

— Большой город? — не отставал Токсар.

— Меньше Тиры раза в три, но по местным меркам большой, — нехотя ответил адмирал, — стены высокие, гавань широкая. В прошлый я раз там греков видел. Так что если мы по случаю там кого-нибудь из них запечатали, то могут и против нас повоевать.

— Ничего, — отмахнулся бывший главный артиллерист, — мы уже греков бить и на воде научились. Справимся.

— Это верно, — согласился адмирал, которого уже захватил дух предстоящей авантюры.

Заночевали на «своем» берегу, приняв меры предосторожности. Точнее, близко к «своему» берегу, где уже могла запросто появиться конница противника. В этих местах было немало лесных островков, и когда адмирал заметил один из таких архипелагов, состоявший сразу из пяти небольших, поросших лесом, островов, то немедленно приказал занять их. Здесь можно было отразить любое нападение.

И эта ночь прошла спокойно. Утром Ларин приказал выступать. К исходу вторых суток скифский флот обогнул очередную излучину реки и на ее дальнем конце адмирал узрел знакомые очертания города, окруженного каменной стеной. Чуть ближе он обнаружил пять греческих триер, встречавших его на подходе к Тернулу. Город при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж большим. В первый раз Ларин не все успел разглядеть и теперь пришел к выводу, что он не в три, а раз в пять меньше Тиры. В общем, на крупный торговый порт никак не тянул, хотя имел все необходимые признаки.

За греческими триерами выстроилось в ряд семь бирем. А в обширной гавани, где виднелись торговые корабли, происходило движение. Похоже, оттуда собиралось отплыть еще несколько мелких суденышек, чтобы принять участие в обороне города.

При виде Тернула Леха невольно вздохнул. Где-то в этой гавани сгинул его верный сотник Гнур со своими солдатами. Чуть в стороне Ларин заметил дорогу, начинавшуюся у ворот Тернула и исчезающую в лесу. По ней он тогда ехал в Урканак, на встречу с предателем Иседоном. По ней же хотел и сейчас немедленно туда отправиться, чтобы вернуть должок за себя и своих погибших людей. Круг замкнулся. Но ему мешали сделать это корабли, преградившие путь. Для начала следовало их уничтожить. И Леха ощутил в себе быстро закипавшую ярость.

— Вас то мне только и не хватало, — пробормотал он, разглядывая триеры греков, готовившиеся к атаке.

Сделав шаг вперед, Леха вскинул руку и прокричал, так, чтобы его услышали все, кто находился на корабле.

— А ну, бойцы, покажем этим греческим недоноскам, кто здесь должен быть хозяином! Пусть знают, что скифы теперь сильны и на море. Кораблям выстроиться в линию. Баллисты, превратить эти посудины в решето!

Токсар передал приказы с флагманской триеры на остальные, которые немедленно начали перестроения, вытягиваясь в одну линию между берегами, благо ширина реки здесь позволяла. Берега, как заметил Ларин, осмотрев место предстоящего сражения, у города были высокие и обрывистые. «Знали где строить порт, суки, — мысленно напрягся Леха. — Рядом десант не высадить. Только прямо на пристань. Ну ничего. Нам и пристани хватит. А город этот я возьму и сожгу. И стены каменные не помешают».

Между тем греки сами пошли на сближение, рассчитывая на свою выучку в бою против превосходящего по силам противника, и вскоре началась дуэль артиллеристов. В воздухе

засвистели первые ядра. Скифы открыли стрельбу раньше, но греки оказались более меткими. Одно из пущенных ими ядер уложило наповал командира морпехов флагманской триеры, который только что отошел от Ларина с докладом о готовности к бою. Другое ядро с треском снесло часть бортового ограждения вместе с закрепленными на нем щитами.

«Отличное начало, — еще больше разозлился Леха, глядя, как бойцы убирают с палубы изуродованное тело своего командира и еще двоих моряков, оказавшихся рядом — так я половину солдат потеряю, еще током не вступив в бой».

— Токсар! — рывкнул он на стоявшего рядом помощника, — что-то твои солдаты разучились метко стрелять. А ну, немедленно докажи мне, что я ошибаюсь, или я сам казню расчеты баллист, не дожидаясь, пока их убьют греки! Ты забыл, как учил тебя Иллур?!

При этих словах вздрогнул даже храбрый Токсар. Лехе удалось нагнать на него страху воспоминаниями о скором на расправу царе скифов. Хотя сам он и не собирался никого казнить. Спустя всего несколько минут Ларин увидел результат своего внушения.

Токсар лично сбегал на палубу к артиллеристам и, размахивая руками, быстро объяснил, что с ними будет, если они немедленно не поразят корабль противника. Оглянувшись на грозного адмирала, взиравшего на них с высокой кормы, солдаты всех трех установленных на палубе баллист зарядили свои орудия ядрами и, прицелившись, отправили их в полет. Два из трех сразу же угодили в цель.

Ближайшая к «Ойтосиру» греческая триера, на палубе которой было полно морпехов, получила попадание в носовую часть, а мгновением позже ядро угодило в самую гущу солдат. Вопли, раздавшиеся оттуда, донеслись даже до слуха скифского адмирала. И это была для него сейчас самая сладкая музыка. Третье ядро ушло в перелет и упало в воду позади быстро перемещавшегося корабля. Однако следующий залп с борта «Ойтосира» превратил в кровавую кашу еще десяток греческих пехотинцев, проделав также пробойную в высоком борту триеры. Перестрелка на соседних кораблях шла примерно по такому же сценарию.

— Вот это дело, — кивнул Леха, бросив взгляд на появившегося рядом Токсара и сменив гнев на милость, — а то я уже подумал, что былая выучка тобой забыта.

— Я помню уроки Иллур, — хмуро проговорил воин, — они не прошли для меня даром.

— Теперь вижу, — подтвердил Ларин, вглядываясь в общую картину боя, разыгравшегося в вечернее время у самых берегов Тернула.

Адмирал, облаченный в длинный чешуйчатый панцирь, перетянутый на поясе кожаным ремнем, обратил внимание, что греки из всех сил старались приблизиться как можно быстрее к линии кораблей скифов, чтобы выйти из под обстрела. Проигрывая в количестве метательных орудий пристрелявшимся скифам, они надеялись на то, что в «личной встрече» с применением таранного удара окажутся удачливее. Леха был удивлен, что греки остались защищать этот город своих союзников без особой надежды на победу, а не убрались восвояси по одному из свободных рукавов Истра. Впрочем, если боги примут их сторону и пошлют им несколько удачных таранов подряд, то силы могли почти сравняться, ведь скифский флот был едва ли вдвое крупнее.

И вот артиллерийская дуэль закончилась. Эскадры приблизились друг к другу почти вплотную. Капитаны судов уже наметили свои жертвы. Леха еще раз быстро окинул внимательным взглядом «Ойтосир». Корабль с выученным экипажем делал свое дело, словно отлаженный механизм. Повинуясь сигналу гортатора,⁵ гребцы методично погружали весла в воду, и «Ойтосир», разрезая волны тараном, летел по волнам на встречу противнику.

— Лучников на левый борт, — приказал Леха, поняв, с какой стороны их будут атаковать.

Токсар направил триеру навстречу ближнему «греку», на палубе которого стояли,

⁵ Командир гребцов (*греч.*).

построившись и подняв щиты, морпехи. Когда между кораблями оставалось всего метров пятьдесят, раздалась команда и гребцы триеры противника резко втянули весла внутрь, надеясь обломать своим корпусом все весла «Ойтосира». Маневр был выполнен безукоризненно, и скифы должны были мгновенно потерять ход, став легкой добычей. Но не тут-то было. Экипаж этой триеры не просто помнил уроки Иллур, но был вымуштрован лично адмиралом. Гребцы успели убрать весла по левому борту на секунду позже греков. И два корабля на полной скорости пронеслись мимо, лишь соприкоснувшись бортами.

Зато Токсар успел отдать команду, и выстроившиеся по борту лучники окатили корабль противника градом стрел. Греки, правда, ответили тем же. И с обеих сторон на палубу повалились десятки убитых. Адмирала, в которого целилось сразу несколько греков, прикрыли щитами охранники. Один из них упал замертво, получив стрелу в глаз.

Проскочив «Ойтосир», греческая триера попала под удар шедшей следом и чуть в стороне триеры скифов. Ее капитан вовремя совершил поворот, направив свой корабль в борт защитникам Тернула, и его план удался на славу. Со страшным грохотом таран вошел в борт греческой триеры, отчего половина ее пехотинцев посыпалась в воду. Но остальные проявили чудеса ловкости, под градом стрел перебравшись на корабль противника и перейдя в наступление вместо того, чтобы спасти свои жизни. Немногочисленные греки в ярости рубили мечами скифских солдат и моряков. На палубе триеры завязалась ожесточенная драка.

— Не хватало еще, чтобы они захватили нашу триеру, — проговорил Леха, наблюдая за удалявшимися кораблями, сцепившимися, казалось, намертво.

Затем адмирал снова повернулся вперед, вглядываясь в сторону второй линии кораблей противника. Это были биремы. На одну из них «Ойтосир» тут же налетел с ходу, протаранив и почти подмяв под себя. От столкновения с другим кораблем триера даже затормозила, потеряв ход. Пока лучники добивали экипаж невезучей биремы, с другого борта к ним подошла вторая, капитан которой надеялся взять на абордаж корабль скифов и захватить его вместе с адмиралом. В воздух взлетели крюки, впиваясь в борт и цепляясь за снасти. Греческие пехотинцы, ловкие как обезьяны, закинув за спину щиты, быстро вскарабкались по веревкам на палубу более высокого корабля. И четверо из них вскоре оказались буквально в нескольких метрах от скифского адмирала. Изрубив в куски вставших на пути лучников, они напали на охранников Ларина.

Не дожидаясь, пока до него дойдет очередь, Леха сам выхватил меч и поднял с земли круглый щит одного из убитых. Токсар уже схватился чуть в стороне с греком. Не прошло и мгновения, как заколов последнего рослого охранника, перед адмиралом возник посланец Эллады в кожаном панцире, усиленном медными пластинами по всей груди, с коротким мечом, большим и круглым, прикрывавшим полкорпуса щитом. Его шлем, украшенный белым гребнем, почти полностью закрывал лицо и нос. Лишь глаза блестели яростью сквозь прорези.

Без всяких криков воин подскочил к Лехе и рубанул мечом с плеча, надеясь отсечь адмиралу голову. Но Лехе была дорога своя голова, и он принял удар на щит, отведя его в сторону, но тут же нанес ответный в грудь. Грек увернулся — клинок Ларина лишь рассек воздух, — а затем, присел и выбросил руку вперед, стремясь поразить своего противника в пах. Но скифский адмирал и тут не сплосховал, отпрыгнув в сторону и успев опустить щит, который завибрировал от удара.

Перемещаясь по палубе и обмениваясь ударами, достойные друг друга противники еще некоторое время кружились, словно в танце, до тех пор, пока грек не совершил роковую ошибку. Решив, что выяснение отношений слишком затянулось — еще ни один воин не продержался против него так долго, — он резко бросился вперед, вытянув руку с мечом. Но слишком далеко отставил в сторону щит, открывшись на мгновение. Лехе этого хватило. Он присел, позволив клинку грека чуть задеть плечо, но зато сам вонзил ему меч в живот почти по самую рукоять, услышав треск панциря и увидев брызнувшую по лезвию кровь. Выдернув меч, адмирал ударом ноги отбросил от себя тело греческого пехотинца.

И, повернув голову в сторону Токсара и пятерых подбежавших солдат, проговорил, сплюнув:

— Живой я, живой. Добивайте остальных!

Спустя десять минут палуба была очищена от греческих морпехов. Несколько человек даже успели пробраться под верхнюю палубу и заколоть пятерых гребцов. Но корабль и без них мог двигаться дальше.

— Давай быстрее правь к берегу, — приказал Леха, осмотрев в наступающих сумерках акваторию, на которой шло сражение, и узнав последние новости о потерях. — Вон видишь, биремы уже бегут в город. Может быть, успеем ворваться на их плечах и захватить ворота. А здесь и без нас разберутся.

Бой действительно подходил к концу. Над рекой опускался вечер, воздух быстро темнел. Яростная атака греков, которым удалось-таки протаранить пару скифских триер, а одну даже поджечь, на том и закончилась. Все триеры противника были уничтожены либо таранным ударом, либо взяты на абордаж. Биремы с пехотинцами тоже доставили скифам немало хлопот, но все же посланцы Иллуря уже почуяли запах победы. А боги не стали защищать греков.

Несколько кораблей дрейфовало мимо Тернула, сцепившись абордажными крюками. На них еще шла драка. Но оставшиеся целыми биремы защитников, а таких было три штуки, сочли за благо укрыться в гавани, не дожидаясь пока их пустят на дно скифские артиллеристы. Все равно присутствие этих бирем уже ничего не решало. Бой был греками проигран.

Зоркий адмирал увидел в их бегстве верный шанс захватить город малой кровью. Биремы направлялись к самому краю пирса в гавани, примыкавшей к главной крепостной стене и отгороженной от берега с двух сторон стенами пониже. Мимоходом адмирал отметил, что придумано было неплохо. К кораблям, стоявшим в гавани, с берега было не подобраться. Но от крайнего пирса через небольшие ворота вверх шла мощеная камнем дорожка к главным, еще открытым воротам в башне. Защитники города явно не собирались закрывать их пока последний морпех не укроется за стенами. Ведь в случае осады, которая теперь стала неизбежной, это были лишние воины.

— А ну налегай на весла! — крикнул адмирал.

— Догнать биремы! — вторил ему Токсар, мгновенно поняв замысел Ларина.

И «Ойтосир» в сопровождении еще одного корабля устремился в погоню, выйдя из общей схватки. Не успели греки достигнуть берега и устремиться вверх, как из сгущавшихся сумерек вынырнула триера скифов. С ходу врезавшись в пирс и разворотив его, «Ойтосир» остановился. Второй корабль немного отстал.

— За мной, ребята! — первым прыгнул на мокрые доски адмирал, увлекая за собой солдат, — время не ждет. Лучники, вали всех подряд! Мы должны захватить ворота!

Даже услышав шум позади, греки не сразу сообразили, что произошло. Ведь к тому моменту уже было достаточно темно. А когда они разглядели своих преследователей, то было поздно. Ларин с Токсаром и еще человек сорок пехотинцев, пробежав по мосту через ров, ворвались прямо через главные ворота в башню, круша все на своем пути.

Однако, оказавшись в городских стенах, греки быстро пришли в себя, перестроились и перешли в контратаку, едва не вытеснив скифов обратно за ворота. Этот удар Леха выдержал, потеряв почти половину людей. Он знал, что к нему спешат солдаты со второй триеры и скоро они будут здесь. Нужно лишь немного продержаться в этой толчее у ворот, где в узкой горловине сошлись в рукопашной десятки воинов.

Ларин чуть отступил в арку под башней. Но неожиданно у него за спиной раздался скрежет и скифский адмирал увидел, как опустилась решетка, отсекая его от подмоги.

— Вот это номер, — выдохнул Леха, отбивая очередной удар греческого пехотинца и отступая на шаг.

Он бросил напряженный взгляд через головы греков, наблюдая сквозь быстро наступающую темноту за передвижениями солдат противника, что бежали со всех улиц в

сторону ворот, и добавил:
— Кажись, приплыли.

Глава восьмая Казначей Иседона

В его распоряжении оставалось всего человек двадцать. Напротив, перегородив проход и небольшую площадь за ней, выстроились оставшиеся греки и скифы Палоксая. Леха осмотрелся и увидел, что справа, метрах в десяти, как раз там, где шеренга греческих пехотинцев упиралась в стену, имелся узкий проход в башню, который вел назад и наверх, к ее нижнему ярусу. Чуть ранее он заметил, что там тоже находилось человек пять бойцов, которые стреляли по ним. Хорошо еще, что смолу горячую не лили на головы, но какой-то мерцающий свет оттуда уже исходил. И Ларин понял, что это был единственный шанс.

— Мы должны захватить башню, — проскрежетал Леха, обернувшись к Токсару, и первым бросился вперед в надежде, что скорость и темнота помогут им пробиться, — за мной ребята!

Греки не ожидали такой прыти от горстки скифских бойцов, которым уже «вынесли» смертный приговор. Едва разъяренные скифы, размахивая мечами и посылая стрелы в упор, бросились на сомкнутые щиты греков, как в спину им ударили лучники с нижнего яруса башни. И Леха, вонзая свой клинок в плечо стоявшему перед ним пехотинцу, услышал за спиной сдавленные крики своих солдат, получивших стрелы в спину.

Удар был стремительным и ошеломляющим. Греки решили, что горстка скифов решила просто с честью погибнуть в бою и, дрогнув, отступили на несколько шагов. Но когда, отогнав их от входа в нижний ярус башни, скифские морпехи во главе с адмиралом, резко изменив направление, стали пробиваться по лестнице вверх, поняли свою ошибку и с ревом навалились, стремясь растерзать еще оставшихся в живых.

— Лучники, огонь по проходу! Не дайте им закрыть дверь! — орал Леха, прыгая по ступенькам узкой лестницы и протыкая острием меча одного за другим защитников башни, спешивших укрыться внутри.

Большинство уже спряталось за каменными стенами. Им оставалось только закрыть массивную дверь, на стене у которой мерцал зажженный факел. Но один из оборонявших ее вдруг рухнул со стрелой в шее поперек дверного проема, не давая ее закрыть. Его быстро, пинком ноги, вытолкнули наружу, и Ларин увидел, как ускользает надежда. Массивная дверь медленно закрывала проем.

Когда осталась щель не больше десяти сантиметров. Леха подскочил к двери и, просунув в нее меч, не глядя, ударил того, кто был за ней. Раздался сдавленный крик. Ларин чуть отвел клинок назад и снова воткнул его в обмякшее тело. А когда щель чуть расширилась, поднял меч вверх и рубанул со всей силы. На этот раз раздался дикий вопль.

Ударом ноги Ларин отбросил от себя смертельно раненного бойца и ворвался в помещение. Здесь лежали два трупа. Узкая лестница вела наверх. Оттуда уже слышался топот спускавшихся бойцов.

Ларин отскочил от двери, давая возможность проникнуть внутрь Токсару и остальным. После того как скифы забрались в башню, дверь захлопнули, закрыв на массивный засов. Адмирал быстро пересчитал людей.

— Двенадцать, — подытожил Леха, немного отдышавшись, — отлично.

— В общем, так, ребятки, — заявил Ларин, вновь поднимая щит и прислушиваясь к шуму наверху, — Пока мы спаслись. Дело за малым. Нам осталось захватить башню и поднять решетку.

На это у них ушло еще минут двадцать. Скифам повезло. Защитников в этой башне осталось не так уж много. Большинство они перебили внизу, еще не проникнув в нее. Поэтому с шестерыми бойцами, которые набросились на них, едва Ларин и Токсар сотоварищи поднялись на второй ярус, расправиться удалось без особых проблем. Пришлось

повозиться только с двумя скифами из местных, которые ловко орудя топорами лишили адмирала сразу трех бойцов, превратив их тела в кровавую кашу. И доспехи не помогли. Но Леха, изловчившись, сам убил обоих.

— Поднимай решетку! — выдохнул уставший адмирал, выдергивая окровавленный клинок из тела последнего, что распластался на полу в большом помещении, где находился подъемный механизм, — пора брать власть в свои руки.

Казалось, не успела тяжеленная решетка оторваться от камней мостовой, как, оглашая окрестности криками ярости, в Тернул ворвались скифы Иллур. Удар был настолько мощным, что сопротивление у ворот было моментально сломлено и бой переместился сначала на площадь, а потом и в глубину города, растекаясь по улицам.

— Как они любят своего адмирала, — усмехнулся Ларин этим воплям, доносившимся снизу.

Некоторое время он сидел, прислонившись к каменной стене, отдыхая. А потом, засунув меч в ножны, — после захвата все входы в башню были надежно закрыты от проникновения извне, — осторожно вышел на смотровую площадку на верхнем ярусе.

Встав у каменного зубца ограждения и вдохнув теплый ночной воздух, скифский адмирал осмотрелся. На реке было уже почти ничего не видно, лишь в районе порта угадывалось шевеление многочисленных теней. Оттуда раздавались крики командиров, и скифские пехотинцы, покидая свои корабли, сотня за сотней просачивались сквозь узкую дверь и ворота главной башни в город.

— Ну, здесь порядок, — одобрительно заметил адмирал, — на море война закончена. Осталось подавить сопротивление на суше. Народу хватит. За ночь, думаю, сумеем.

Сказав это, он в сопровождении Токсара и еще троих из оставшихся в живых воинов, переместился к другой стене, откуда было лучше видно происходящее в городе. Тернул кипел. На темных улицах слышался звон оружия, крики убитых и раненых. Разглядеть что-либо было трудно, однако вскоре Леха заметил несколько зажженных факелов на главной площади в руках своих солдат. А потом у ближней стены, отделявшей город от порта, где были выстроены кварталы зажиточных горожан, загорелось сразу несколько домов. В свете пожара Леха увидел, что половина города уже находится в руках его пехотинцев, число которых все увеличивалось. Взяв башню, он сослужил общему делу хорошую службу. Однако греки, оказавшиеся в городе, и его жители, защищались яростно. Камни мостовой были усыпаны трупами, и бой в дальних кварталах шел с переменным успехом.

— Это надо прекратить, — приказал Леха, глядя на быстро разгоравшийся пожар, — а то они мне весь город спалят. Тернул мне еще понадобится. Иллур велел все захватить, но не уничтожить. Ведь это теперь наши земли. Потом отстраивать придется.

Токсар кивнул, собираясь послать одного из солдат с таким приказом к сотникам, возглавлявшим сейчас ночной штурм города.

— И еще, — добавил адмирал, — пусть найдут мне кого-нибудь из главных людей этого городка, если еще не сбежали. Побеседовать хочу.

Спустившись вместе с оставшимися солдатами вниз, Ларин остановил командира одного из входивших в город отрядов и лично приказал ему проверить местные тюрьмы. Слабая надежда не давала ему покоя. А затем, забрав у того полсотни копейщиков и десяток лучников для личной охраны, переместился в сторону рынка, где занял один из лучших домов, не захваченных пожаром. Впрочем, повинаясь приказу адмирала, скифы вскоре потушили несколько домов. Однако полностью разгулявшуюся стихию обуздать не удалось, и часть города все же выгорела к утру.

Обосновавшись в двухэтажном каменном доме, Леха, глядя на пожар из окна, позволил себе немного отдохнуть в ожидании донесений и поимки «языка». Даже велел зажечь свечи и перекусил слегка вместе с Токсаром, благо в закромах нашлась провизия. Хозяин явно не рассчитывал расстаться со своим имуществом так неожиданно, и почти все здесь осталось в целости. Если не считать перевернутой и сломанной мебели, то разрушения при захвате этого дома были минимальными.

Не прошло и часа, как солдаты привели к нему связанного по всему телу бородатого мужика с рассеченной губой. Адмирал рассмотрел пленника при мерцающем пламени свечей. Тот был в коротком коричневом одеянии — верхнюю одежду с него явно сорвали — штанах и красных кожаных сапогах с острыми носами. На груди висела золотая цепь, а пальцы были унизаны перстнями. Одет пленник был на скифский манер. Кольчуги и оружия на нем не было, а одежда и обувь, хоть и выглядели изорванными, но были дорогими. Не говоря уже о перстнях. В общем, мужик был не бедный.

— Кто такой? — деловито осведомился Леха, сев на лавку, а пленника оставив стоять в окружении солдат.

— Мы захватили его в одном из домов верхнего города, — доложил командир конвоиров, — жег какие-то свитки и хотел спрятать золото, но не успел. Мы нашли много золота. Вот его часть.

Скифский воин бросил на стол рядом с адмиралом несколько упругих кожаных мешочков, которые при падении издали приятных слуху глухой металлический звон.

— Деньги говоришь, — повторил Леха и, развязав один из кошельков, высыпал его содержимое на поверхность стола. Присмотрелся к выщербленным монетам, явно давно ходившим по рукам. А увидев знакомые округлые буквы, поднял голову на хмурого пленника.

— Греческое золото, — констатировал Ларин и откинулся на спинке кресла. — Ну, рассказывай, как зовут, кому служишь? Хотя это и так ясно. — Леха чуть нагнулся, вперив взгляд в пленника. — Ты мне лучше скажи, где сейчас старейшина Иседон. Слышал про такого?

Пленник вздрогнул.

— Слышал, вижу, — удовлетворенно заметил Леха. — Ну и где он? Не сбежал еще? А то у меня к нему дело есть. Должок надо возвратить.

Пленник молчал отвернувшись. Даже сплюнул кровь, стекавшую из рассеченной губы.

— Я тут с тобой только время теряю, — уныло проговорил Леха, посмотрев за окно, где уже начинало светать, — может, железом тебя каленым приласкать или просто вздернуть? Толку-то все равно никакого. Токсар...

Едва широкоплечий воин с орлиным взглядом в блестящей при свечах «чешуе» сделал шаг в сторону пленника, тот потерял все свое мужество и рухнул на колени перед адмиралом.

— Не губи, — взмолился он. — Веран я, казначей Иседона. Он меня только вчера прислал сюда, чтобы тайно забрать в Урканак все золото, что греки привезли. Я только в город прибыл, а тут вы. Не успел... Забирай золото, только жизнь оставь.

— Заберем, не беспокойся, оно ведь у тебя в доме хранится, — произнес Ларин, переводя вопросительный взгляд на командира захвативших его солдат, и получил утвердительный кивок.

— Вот, значит, что греки тут делают, — удовлетворенно заметил адмирал, — а я-то думаю с чего это им ваш углый городишко защищать. Они же за чужих кровь проливать не привыкли. А у вас тут, оказывается, дела не доделаны.

Леха встал и сделал несколько шагов к пленнику.

— И много привезли? — усмехнулся он, — да и за что, если не секрет. Торговля или что другое?

— Много, — признался Веран, — это греки мзду Иседону привезли за услуги... прошлые.

— За услуги, говоришь, прошлые, — пробормотал Леха, скривив губы в усмешке, — знаю я, что у вас тут за дела с греками. Палоксай-то хоть знает об этом?

Пленник замолчал, опустив глаза.

— Знает, — ответил за него Леха и добавил, — совсем вы тут под греками ссучились, гляжу. Людей своих уже против нас биться заставляете, а ведь тоже скифы.

Веран молчал, но тут Токсар, правильно поняв ситуацию, выхватил акиnak и приставил

его к горлу пленника.

— Греки только посредники, — нехотя признался Веран, — это золото к нам издалека пришло, чтобы мы против вас воевали.

— Издалека? — поднял брови Ларин: — Это кто же столько золота не пожалел, чтобы скифов друг на друга натравить? Чтобы Палоксай против Иллур пошел?

— Не знаю, — прохрипел Веран, когда на его шее выступила красная полоса, — я только казначей. Мне приказано было принять бочонки и перевезти незаметно в Уркана. Иседон сам с греками договаривался. А может, и Палоксай.

Леха сделал знак рукой, и Токсар опустил клинок. Адмирал отошел в дальний конец комнаты, размышляя о чем-то. И вдруг обернулся к Верану, все еще стоявшему на коленях в ожидании своей участи.

— Так ты сказал, что Иседон тебя только вчера прислал. Значит, он тебя с золотом в Урканаке еще ожидает?

— Да ведь армия Иллур уже почти разбила гетов. Скоро и нам конец придет, — проговорил Веран. — Бежать, наверное, собирается с этим золотом к грекам. У него на побережье корабль есть. И меня с собой взять должен... был.

— Бежать, — повторил Леха, усмехнувшись, — и царя своего бросить. Вот сволочь. Хотя оба хороши. Ну да ладно, ты поживи пока, а мы к Иседону наведемся. Много там солдат?

— Вчера было всего три сотни, — почти радостно ответил казначей, услышав, что его не собираются казнить прямо сейчас, — вся конница ушла с Палоксаем. Здесь почти нет солдат.

— Отлично, — кивнул Ларин и, сделав знак охранникам увести пленного, направился к выходу в сопровождении Токсара.

Едва оказавшись на крыльце, адмирал прислушался. К рассвету шум в городе затих. Увидев адмирала, к нему подбежало сразу трое сотников, доложив о том, что сопротивление во всех районах города сломлено. Одним из сотников был Уркун.

— Отлично, — повторил адмирал, которого так и подмывало быстрее покинуть Тернул и отправиться во дворец Палоксая.

— Бери своих людей, — нехотя выслушав доклады, приказал он Уркуну, — и приведи остальных наших бойцов. Раздобудь здесь всех лошадей, что найдешь. Мы немедленно выступаем.

Но не успел Уркун дослушать приказание, как снаружи раздался до боли знакомый шум, в который вплеталось ржание коней. Повернув голову на скрип, Леха увидел, как в конце улицы, упиравшейся в главные ворота, солдаты поспешно закрывают их.

— Что это? — нервно спросил он Токсара, хотя предчувствие подсказывало ему, что к Иседону он уже опоздал.

Не дожидаясь ответа, Леха первым бросился на стены и, поднявшись по каменной лестнице, увидел ответ сам. Вокруг города в предрассветных сумерках, охватывая его широким кольцом, скакали сотни всадников. Одеты и вооружены они были как скифы. Но Леха уже с первого взгляда различал, кто из скифов воюет за Иллур, а кто против. Это были воины Палоксая, которых здесь даже на первый взгляд были тысячи. Унылым взглядом скифский адмирал проследил за тем, как конница противника отрезала его от дороги на Уркана, а затем и от побережья, окружив город.

— Твою мать, — выругался Ларин, стукнув кулаком по каменной кладке стены, словно хотел разрушить ее своим ударом, — теперь эта сволочь точно уйдет.

То, что он теперь сам находился в окружении и осаде, молодого адмирала волновало гораздо меньше, чем невозможность прямо сейчас скакать в Уркана, найти и убить предателя Иседона, подвергшего его таким унижениям. Он тупо, без ненависти, смотрел на всадников Палоксая, доспехи которых мелькали среди деревьев. Пока Леха находился в ступоре, окружение закончилось. Те, кто сунулся было к воротам, тут же были обстреляны, узнав таким образом, что Тернул в руках неприятеля. Послышались крики и ругань, которую

Ларин воспринимал еще как во сне, продолжая думать о своем.

Более того, он увидел, как часть всадников, числом до нескольких сотен, свернула на лесную дорогу, ведущую в Урканак. «Интересно, — как-то отстраненно подумал Ларин, — Палоксай их защищать город послал или присмотреть за Иседоном, чтобы не сбежал?»

В этот момент над его головой просвистела стрела, прилетевшая со стороны леса. Этот звук быстро вывел морпеха из ступора и задумчивости. Что будет дальше, известно только богам, а ему, как старшему по званию, надо было организовать оборону. Чтобы продолжать поиски Иседона, для начала следовало отбиться здесь. «Золото, конечно, у меня осталось, — со слабой надеждой опять подумал Леха, — может и обождет. Тем более теперь».

Стрелы вокруг засвистели с утроенной силой. Несколько сраженных скифов рухнуло вниз, свалившись в заполненный водой ров. Но это было так, для остротки. На приступ пока никто идти не собирался, да и не заметил Леха наметанным глазом нигде пехотинцев. Всех греков они перебили, а среди вновь прибывших наблюдалась только конница.

— Сотников ко мне, — приказал Леха Токсару, окончательно прогнав недобрые мысли. Война есть война.

И сам отправился в главную башню, которая была самой высокой среди всех башен Тернула. Там он, спустя полчаса, выслушав доклады, узнал, что в его распоряжении осталось около восьмисот пехотинцев, за вычетом потерь от вчерашних сражений на воде и ночного боя.

— Ну с такой силой мы тут долго продержимся, — решил адмирал, вставая со скамьи.

— Им не добраться до кораблей, — вставил слово Токсар, — береговая стена не даст. В крайнем случае, мы можем быстро уплыть.

— Конница города штурмовать не умеет, — отмахнулся Леха, — она в поле хороша. А я не для того столько народа положил, чтобы сразу в бега подаваться. Посидим пока, подождем.

Он прошелся мимо своих сотников и поднялся на смотровую площадку. Осторожно выглянул из-за зубцов. Всадники Палоксая маячили в нескольких сотнях метров, не приближаясь. Бойцы Ларина то и дело пускали в них стрелы со стен. Ситуацию пока никто не обострял.

— Чует мое сердце, что это еще не конец, — проговорил Леха, обращаясь к Токсару, — золото у нас. И если командир отряда об этом узнает, тогда, может, и решится на штурм. Только хлопотно это будет. А если нет, то, может быть, и сами уйдут. Кто его знает, откуда они здесь взялись? Может, Аргим уже разбил орды Палоксая и это его остатки бегут из-за Истра.

Леха и сам не подозревал, насколько был прав. Окружив город, конница расположилась вокруг него, но не предпринимала активных действий. Переговоров с захватившими его бойцами никто не вел. Видимо, командиры этого воинства не рассчитывали обнаружить захваченной крепость посреди страны и отправили гонцов в Урканак. Но Леха, поглядывая на все это с безопасной высоты, печенкой чуял, что и там не все в порядке. Иседон ведь мог сбежать и без золота. Когда пятки горят, то уже не до денег. Быть бы живу. Хотя наверняка этого утверждать не мог.

И вот когда первый день этого «стояния на Истре» подходил к концу, с запада были замечены приближавшиеся к городу по берегу новые отряды всадников. И на сей раз — ошибки быть не могло — это была конница Аргима. Окружавшие город войска пришли в движение, часть выступила навстречу противнику. Но большая часть осталась на месте.

Удар скифской конницы был сокрушителен. Наблюдая разыгравшееся сражение у стен города, Ларин был просто в восторге. Сопротивление солдат Палоксая было сломлено буквально с ходу, а, заметив прорыв, оставшиеся у города войска, вместо того чтобы прийти на помощь своим, пустились в бега по дороге на Урканак. Всего за несколько часов от некогда мощной армии не осталось и следа. Очистив окрестности города, преследователи устремились за ними. А когда обнаружили, что город был занят соплеменниками, удивлению их не было предела.

Сразу поле того, как бой был закончен, Леха решился открыть ворота и выйти на встречу воинам «освободителям».

— Я Ал-лэк-сей, кровный брат Иллур, — заявил он, останавливаясь в десяти шагах. — Ну, кто старший?

Спросил это Ларин, строго поглядывая на всадников, подъехавших к воротам в главной башне. Они выглядели усталыми. Кое-кто был даже ранен. И не мудрено, ведь только что в ключья разметали остатки орд Палоксая.

— А меня ты уже не узнаешь? — услышал он в ответ и, приглядевшись, узнал в одном из всадников, лицо и доспехи которого были измазаны кровью врагов, самого Аргима.

— Вот это да, — едва не поперхнулся Леха, — не узнал. Богатым будешь.

Тем же вечером, почти без всякого сопротивления, корпус Аргима занял Урканак. Ларин лично осмотрел царский дворец, но не обнаружил там никаких следов Иседона. От пленных охранников пустого дворца, удалось выпытать, что старейшина еще вчера сбежал на конях с несколькими слугами по лесной дороге. Но куда именно отправился и что с собой увез, никто, конечно, не знал.

— Сбежал, сволочь, — снова расстроился Леха, — ладно, хоть золото я не дал ему увезти.

— Какое золото? — удивился Аргим, прищурившись.

— Я же говорил, — ухмыльнулся адмирал, — богатым будешь.

Осмотрев дворец, они вернулись обратно в Тернул. Там стоянка для армии и флота была удобнее. Аргим не выразил желания оставаться здесь. И вскоре Леха понял почему.

В наступившей темноте костры горели по всему берегу, представляя собой грандиозное зрелище. Ни о какой конспирации не было и речи. Скифы уже почувствовали себя полноправными хозяевами на этих берегах. Потрепанный в недавних боях десяти тысячный корпус, который привел с собой Аргим, получил наконец заслуженный отдых. Бравый адмирал сегодня тоже пировал со скифами у костра, предоставив ненадолго моряков самим себе. Токсар и без того знал, чем их занять.

— Значит, говоришь, рассеяли всю армию Палоксая? — переспросил Леха, отпивая вино из чаши, на пузатых боках которой играли отблески пламени, — и вся Малая Скифия теперь наша?

— Да, — подтвердил Аргим, откусывая жирный кусок только что зажаренного на огне мяса от косточки, — царь убит. А слуги его разбежались. Весь правый берег до самого моря наш. А теперь и левый. Больше против нас здесь воевать некому.

Леха помолчал, сообразив вдруг, что все земли вдоль побережья моря от Крыма до берегов Истра теперь стали владениями Великой Скифии. То есть его кровного брата. Это был огромная территория, во много раз превосходившая сам Крым. И, судя по всему, это было только началом. Где проходят границы желаний Иллур, Леха даже не догадывался.

— Денек отдохнем, — заявил вдруг Аргим, перестав жевать, — а послезавтра выступаем вверх по реке. Иллур ждет. Геты еще не сломлены. Ты с кораблями отправляйся следом.

— Ясно, — кивнул Леха, сжав чашу, в которой еще плескалось вино, — но Иседон ведь ушел от нас, вдруг он организует новую армию из тех, кто разбежался? Ты их вылавливать по лесам разве не будешь?

— Оставлю здесь пару тысяч всадников, — кивнул Аргим, — но скоро они поймут, что война проиграна и сами сдадутся. Вот увидишь, пройдет совсем немного времени, как они придут проситься на службу. И твой Иседон тут не поможет. Эта война для него проиграна.

— И мы возьмем всех, кто придет? — удивился адмирал, все же подумав, что рано еще списывать Иседона со счетов. Впрочем, старейшина военачальником не был. Его удел — интриги плести. Так что, Аргиму виднее.

— Возьмем, — как ни в чем не бывало ответил Аргим, — они ведь тоже скифы. Только оставшиеся без своего царя.

— Ну за новым царем дело не станет, — усмехнулся Леха, вспомнив кровного брата.

Глава девятая

Греческий купец

— Ты с ума сошел, — заявил Урбал, едва выслушав план друга, — да Атарбал, если узнает, сам тебя казнит. Не дожидаясь прибытия Ганнибала.

Разговор происходил в походном шатре Федора, где он обедал вместе с друзьями, вызвав их сюда для серьезного разговора. Говорили, надо сказать, только Федор и Урбал, а Летис уплетал за обе щеки зажаренное мясо, хотя этот разговор его касался напрямую.

— Самовольно оставить хилиархию в то время, когда могут начаться боевые действия, — продолжал возмущаться Урбал.

— Ты не хуже меня знаешь, что они еще долго не начнутся, а мы торчим здесь без настоящего дела уже которую неделю, — урезонил его Чайка, наливая себе вина из кувшина. Вино было все то же, отобранное у торговца из Тарента, — наши отряды ежедневно прочесывают ничейную полосу. Изредка сталкиваются с римскими фуражирами, не встречая, однако, серьезного сопротивления. Так будет продолжаться еще долго. Ганнибал не торопится приводить свои угрозы в действие.

Он откинулся на спинке кресла.

— А, кроме того, я бы спросил разрешения у Атарбала, но ведь он меня не отпустит. Так зачем его зря беспокоить.

Федор отпил вина и в упор посмотрел на друга.

— Все пройдет хорошо. Единственное, что мне нужно, так это, чтобы ты прикрыл меня на пару дней. Снова побыл вместо меня командиром хилиархии. И все. У тебя это отлично получается.

— А что я скажу Атарбалу, если он тебя вызовет? — не успокаивался рассудительный Урбал, которого против воли втягивали в явную авантюру.

— Не вызовет, — успокоил его Чайка, принимаясь за мясные закуски, — я был в штабе. Завтра утром Атарбал уезжает в Арпы — Ганнибал вызывает его на совет. Меня с собой он не берет. Раньше, чем через несколько дней не вернется. Значит, надо использовать этот шанс.

— Ну скажи, Федор, — начал сдавать позиции Урбал, — зачем тебе понадобилось лично пробираться в Тарент. Ты, что, хочешь захватить его в одиночку?

— Во-первых, я хочу узнать, что замышляет Марцелл, — начал загибать пальцы командир хилиархии, — и если боги помогут мне, я это как-нибудь разужнаю.

— Интересно, как? — не удержался от ерничества Урбал, — проберешься в штаб римлян и в одиночку захватишь его.

— Во-вторых, — пропустил мимо ушей остроту друга Федор, — если мне удастся пробраться в город, то я смогу выяснить, сколько там римлян, сколько у них кораблей и еще что-нибудь интересное. Например, настроения народа. Ведь я знаю латынь. И отлично знаю этот город.

— У Ганнибала достаточно шпионов, — охладил его пыл Урбал, — и они уже много месяцев безуспешно подбивают народ Тарента на восстание.

— И, в конце концов, мне просто скучно сидеть тут без дела, — закончил свои доводы Федор Чайка, — дожидаясь, пока мы пойдем в атаку.

— И поэтому ты решил ради развлечения подставить под меч не только свою, но и мою голову, — пробормотал Урбал, по виду которого было ясно, что он уже готов выполнить все, что от него просят, — ведь ты даже не хочешь взять меня с собой на эту вылазку.

— Понимаешь, — слегка наклонился к столу Федор, — Летис вряд ли сойдет за командира хилиархии. Он, конечно, хороший парень, но пока рядовой. А вот ты — идеальная кандидатура, чтобы прикрыть нас здесь.

Узнав о желании Федора пробраться в Тарент, Летис пришел в восторг и сразу согласился на все. Поэтому спор с Урбалом его не очень занимал. Однако, услышав свое

имя, Летис не мог не отреагировать.

— А я и не хочу быть командиром, — отозвался рослый финикиец, закончив доедать мясо, — мое дело — мечом махать, а не головой думать.

— Вот видишь, — кивнул в сторону здоровяка из Утики Федор, — так что кроме тебя прикрывать нас некому, поскольку Летиса я возьму с собой. Один меч хорошо, а два лучше.

— Ты же сказал, что мы не сможем взять с собой оружие, — вдруг встрепенулся Летис, отрываясь от кувшина с вином, словно услышал что-то новое.

— Так и есть, — подтвердил Федор, — чтобы пробраться в Тарент, не вызывая подозрений, нам придется пойти туда без оружия. Даже без кинжалов. Нас ведь наверняка будут обыскивать. Но мы легко раздобудем все на месте.

— А ты уверен, что греческий торговец вас не продаст центуриону? — сменил тон Урбал.

— Уверен, — заявил Чайка, — здесь, у тебя, в заложниках мы оставим его сына. Тот мальчуган, которого вы приняли за его слугу-подростка, на самом деле оказался его сыном. Я уже поговорил с торговцем. Сандракис согласен провести нас в город, если мы отставим его в живых и после своего возвращения отпустим мальчика на нейтральную территорию в деревню, которую он указал. Так Сандракис будет сговорчивее и мне спокойнее — ведь я рассчитываю на его гостеприимство в самом Таренте. А потом он же должен будет вывести нас обратно. Как раз через пару дней у него внезапно образуется новая поездка за вином.

— И все же на твоём месте я бы не доверял ему, — проговорил Урбал.

— А я и не доверяю, — не стал спорить Чайка, — его сын-заложник — наша гарантия. А кроме того, ты верно заметил, что он очень жаден. Я дал ему несколько золотых монет и пообещал вдвое больше после нашего возвращения.

— Дорогое же вино мы пьем, — пробормотал Летис, вставив слово в разговор.

— Он взял карфагенское золото? — удивлению Урбала не было предела, — ведь его же сразу казнят, если найдут монеты.

— Я расплатился римским, — ответил Федор, — Сандракис жаден, но не так глуп. И насколько я понял, он, хоть и грек, не прочь пожить при наших порядках. Торговать он любит больше, чем воевать.

— А как ты собираешься проникнуть город? — задал вопрос вечный заместитель командира хилиархии.

— Под видом слуг этого Сандракиса. Двух из них мы тоже оставим тебе в заложники. Только отберем одежду. К счастью, один из них ростом почти с Летиса. Так что особых проблем не будет. Наденем парики, а бороды у нас есть.

Друзья выпили, утомленные разговором. Поели в молчании мяса.

— Но если с ним не будет мальчишки, центурион, который знает его в лицо, может насторожиться, — нарушил первым тишину Урбал, — вот что, возьмите-ка с собой Териса. Нечего ему при штабе ошиваться без дела. Думаю, сойдет за пацана. Они даже чем-то похожи.

— Неплохая мысль, — похвалил друга за сообразительность Чайка, — Терис из семьи торговцев и разговаривать немного умеет на греческом языке. Может быть, подскажет что-нибудь дельное. И, кроме того, туда, где двое мужчин будут выглядеть подозрительно, можно отправить подростка. Пошли за ним немедленно. Надо ввести его в курс дела — на рассвете нам выступать.

На рассвете лагерь карфагенской армии покинуло три повозки, груженных амфорами с вином, и одна порожняя, в которой на соломе сидел хозяин небольшого каравана — узколицый горбоносый грек лет сорока пяти — а также «двое его новых слуг и сын». Еще трое настоящих слуг управляли гружеными повозками. Новички по одежде ничем не выделялись среди окружения Сандракиса, те же хитоны и сандалии. Разве что волосы у них были чуть подлиннее, скрывали щеки и лоб. Федор не хотел быть узнанным даже своими патрулями.

Часовые заранее получили приказ от Федора Чайки, чья хилиархия несла караул в эту ночь, выпустить этих греков. Никто не сопровождал повозки и не препятствовал их движению по прилегающей территории, где с завидной регулярностью даже ночью встречались конные разъезды нумидийцев.

— Помни, — осторожно хлопнул Федор Сандракиса по плечу, указав на почти исчезнувший за холмом лагерь, — там твоя жизнь. А здесь твоя смерть.

И поднял к его лицу массивный кулак. Оружия у них действительно не было. Даже кинжалов, как ни упрашивал Летис оставить их, надеясь спрятать под одеждой. Федор был непреклонен. Если римляне обнаружат оружие, их могли заколоть еще у ворот города и тогда весь героизм, от которого и так пахло авантюрой, будет напрасным.

— Переведи ему, — толкнул Федор Териса, которому предстояло играть роль сына.

Терис перевел. Грек вздрогнул, но кивнул. А Федор с удовольствием отметил, что этот торговец не только жаден и умен, но и труслив. Поймав такого на крючок, из него можно было веревки вить. И Чайка был уверен, что Сандракис сослужит ему неплохую службу, пусть даже и против воли.

Оставшиеся трое слуг, которые были рабами Сандракиса, поклялись хозяину молчать обо всем. К большому удовольствию Федора один из них был немой, а двум другим Летис доходчиво объяснил, что он с ними сделает, если они пробуют проболтаться римлянам. Жестами объяснил, без всякого перевода. И рабы поверили ему сразу. Летис умел убеждать.

Трясаясь в телеге по заброшенным деревьям и вспоминая все причины, которые он вчера привел Урбалу, чтобы убедить друга, Федор признался себе, что в глубине души хочет пробраться в Тарент, чтобы разыскать Марцелла. Но не для того, чтобы узнать его планы. Это ему было без надобности. А чтобы убить. Федор опасался, что рано или поздно сенатор прознает о Юлии, и захотел нанести упреждающий удар, пока Марцелл не попытался нанести свой. Как он сделает все это, Чайка еще понятия не имел, но решил понадеяться на интуицию.

«Главное, проникнуть в город, — размышлял Федор, поглядывая на окрестные холмы и выплывающую из-за поворота заброшенную деревню, — а там обязательно что-нибудь случится и наведет меня на нужную мысль».

Кроме сенатора, в городе еще находился блестящий Марк Акций Памплоний, так долго унижавший свою законную жену. К нему у Федора тоже имелись свои счета. Но это во вторую очередь.

Полдня они ехали спокойно и молча, никого не встречая, лишь однажды позади них по холмам проскакал нумидийский разъезд. Но, посчитав путников неопасными — не легионеры, в конце концов, — нумидийцы даже не стали приближаться и скрылись. Хотя некоторое время издали все же наблюдали за ними. Федор просто спиной чувствовал их взгляды из-за деревьев, хотя даже наметанным глазом нельзя было разглядеть ни одного из осторожных всадников. Увидев работу нумидийцев, Чайка лишней раз порадовался за свою разведку. Вряд ли римлянам удастся подобраться к лагерю незамеченными.

Ближе к обеду, когда солнце раскалило землю, и от прикосновения к глиняным амфорам можно было обжечь руку, что Летис однажды уже сделал, громко выругавшись по-финикийски, небольшой караван въехал в очередную заброшенную деревню. Даже городок, поскольку здесь было несколько десятков домов и некое подобие рыночной площади. С двух сторон к городку примыкал лес.

Здесь было очень тихо. Никаких звуков, кроме осторожного щебетания птиц и кузнечиков. Странное ощущение охватило Федора от езды по улицам этого покинутого города, словно он попал на другую планету, жители которой погибли от неизвестной болезни, оставив все как было за минуту до смерти. Впрочем, выломанные повсюду двери, поваленные заборы и другие явные разрушения наводили на мысль, что даже в покинутый город наведываются люди. И вскоре они получили тому подтверждение.

Караван из четырех телег уже почти миновал главную улицу, впереди замаячили желтые холмы, как вдруг в сотне метров раздался треск, и рухнула стена какого-то амбара.

Обернувшись на звук, Федор увидел, что рухнула она не от ветра. Ее выломали трое здоровых мужиков, одетых, так же как и они, в длинные серые хитоны. Федор отчего-то решил, что это горожане. И горожане явно желали поживиться содержимым амбара, но, завидев телеги, резко изменили свои планы. Тот, кто был у них за старшего, — низкорослый широкоплечий мужик, сильно сутулившийся или вообще горбатый, — издал боевой клич и, подхватив стоявший у стены топор, побежал наперерез каравану Сандракиса. Его спутники, позабыв про амбар, устремились следом. В ответ на зов главаря из-за дома выбежали еще пятеро человек с ножами и дубинами. А потом показались даже двое конных с заостренными палками, вместо копий.

— Мародеры, — пробормотал Чайка, изучая приближавшихся людей, — только вас мне не хватало.

Ни у одного из них Федор не заметил настоящих мечей, доспехов тоже не имелось, зато дубин и ножей было в достатке. А также пара топоров у главного горбуна и семенившего за ним молодого парня.

Завидев приближавшихся мародеров, Сандракис занервничал, обернулся к Федору.

— Не суетись, — ответил тот, — сам вижу. Придется защищать твой алкоголь от этих ублюдков, иначе, не ровен час, до города не доберемся. А мне туда очень надо.

Не дожидаясь пока Терис переведет, да этого было и не нужно, он обернулся к своим людям.

— Летис, берешь тех, что с топорами. Я конных, а Терис кого придется.

Все карфагеняне мгновенно пришли в боевую готовность, внешне не подавая вида. А Терис, умевший вполне прилично драться, даже в восторг от предстоящей схватки. Последнее время он был вынужден служить при штабе и в битвах с римлянами давно не принимал участия. А тут, не успев отъехать от лагеря, как ему сразу представился случай поразмяться. Тот факт, что у них не было оружия, никого не смущал. Все были обучены добывать его в бою.

Мародеры быстро приближались. Когда до них оставалось метров тридцать, карфагеняне прыгнули на дорогу, рассредоточившись вокруг последней телеги, и даже не пытались бежать. Однако рабы Сандракиса, управлявшие телегами, испугались и все же попытались удрать. Возница второй телеги прыгнул на дорогу, припустив по траве в холмы, а управлявший первой хлестнул лошадей, пытаясь уйти от погони. Тягловые лошади, уставшие за полдня на солнцепеке, напряглись, протаскивая повозку несколько метров чуть быстрее. Но это было безнадежно.

— Дурак, — спокойно заметил Федор, — куда ж ты на груженой телеге сбежать собрался. Да еще от верховых.

Словно услышав его слова, двое конных мародеров разделились и быстро нагнали беглецов. Переговоров они не проводили, даже не кричали, а просто всадили каждому из рабов Сандракиса в спину по заостренному колу. Один за другим раздались душераздирающие вопли.

— Минус два, — спокойно отметил Федор, переводя взгляд на третьего раба, который был ни жив ни мертв от страха, но остался сидеть на месте. Даже телегу остановил.

Но вскоре из наблюдателя Федор Чайка превратился в действующее лицо. Подбежав к первым «бесхозным» телегам, оставшимся без возниц, мародеры оставили у каждой по человеку и быстро двинулись к последней. А охватив ее полукругом, остановились, поигрывая дубинами и ножами. Горбун, окинув взглядом содержимое телег, что-то крикнул, обращаясь к Сандракису, которого его наметанный глаз сразу принял за хозяина. Федор не понял, чего тот требовал, но горбун, вероятно, крикнул что-то похожее на «Кошелек или жизнь». Поскольку, судя по выражению хищного лица, отнимать тяжеленные амфоры с вином, а потом тащить их в город для продажи ему явно не хотелось. Либо у этих ребят не было каналов на римской таможне, либо имелась совсем другая «специализация». Но внезапно выпавший случай поживиться они все равно не хотели упустить.

Греческий торговец промолчал, выжидательно посмотрев на Федора, стоявшего в трех

шагах впереди телеги, так, чтобы с одной стороны его прикрывала лошадь. Горбун быстро потерял терпение и, перехватив топор покрепче, шагнул к телеге. Сандракис взвизгнул от страха и спрыгнул с нее, отбежав в сторону.

— Осади назад, — вырос на пути горбуна Летис.

Горбун, не ожидавший сопротивления от этой малочисленной компании, которая имела глупость отправиться в путешествие по здешним местам без охраны, взмахнул топором — на взгляд Федора вполне профессионально — и едва не всадил его между ребер финикийца. Но Летис был далеко не новобранец. Отточенным движением он перехватил рукоять топора пониже лезвия и нанес в ответ мощный удар ногой в грудь своему малорослому противнику. В результате Летис вооружился топором, а горбун, отлетев на несколько метров, оказался в пыли.

— Ну я же сказал, осади назад, — миролюбиво заметил Летис, поигрывая топором и примериваясь к новому оружию.

Поднявшись на ноги, горбун пришел в ярость и завизжал что-то нечленораздельное, указав рукой на Летиса. Его спутники, вскинув ножи и дубины, сразу втроем бросились на здоровяка, затеяв драку. Но Летис был уже готов. Первым же ударом топора он отрубил руку с кинжалом одному из нападавших, а второго отправил в полет ударом массивной рукояти. Увидев сопротивление, бандиты не растерялись, а удвоили натиск. К Летису подлетел еще один крепкий романтик с большой дороги, в руках которого Федор заметил топор. Еще двое, бросив свои телеги, устремились в конец колонны. Горбун теперь держался за спинами нападавших, изрыгая оттуда проклятия на голову Летиса.

— Пора и нам за дело, — решил Федор, увидев, как двое конных, разделавшись с возницами, выдернули окровавленные колы и поскакали к месту всеобщей свалки, центром которой был сейчас здоровяк из Утики и Терис, примкнувший к нему с отобранной у кого-то дубиной.

Федор прыгнул сначала на телегу, а оттолкнувшись от нее, на лошадь, с которой бросился на скакавшего мимо верхового, свалив его на землю. Не успели они приземлиться на дорогу, подняв клубы пыли, как Федор нанес своему противнику нокаутирующий удар в челюсть. А когда тот отпустил кол, еще и в кадык. Парень на мгновение задохнулся от боли, но не сдался и сам вцепился в горло Федору, пытаясь его задушить. Тогда командир двадцатой хилиархии саданул противнику коленом в пах, а когда хватка ослабла, резким движением сломал шейные позвонки. Не до сантиментов было — приближались двое с кинжалами. А за ними и другой конный с колом. Увидев, что стряслось с подельником, он развернул коня и поскакал обратно, не включаясь в схватку с Летисом и Терисом, уже поранившими нескольких бандитов.

Оставив бесформенную тушу валяться в пыли, Федор вскочил, отбежав ко второй телеге с колом в руках. Когда его атаковали пешие мародеры с ножами, он ловко выбил из рук одного кинжал, обезоружив, а второму нанес кроткий удар тупой стороной кола в лоб. Первый бандит завизжал от боли, схватившись за запястье и мгновенно позабыв про Федора. А второй просто рухнул на дорогу без сознания. Зато конный мародер приближался очень быстро, занеся свое отточенное орудие для удара, которым должен был лишить Чайку жизни. То, как этот парень умеет драться своей отточенной пикой, не сходя с коня, Федор уже видел. А потому предпочел бесконтактный бой. За несколько мгновений до того, как всадник налетел на него, Федор метнулся вниз, подхватил сверкнувший в пыли кинжал валявшегося в пыли бандита и швырнул его навстречу всаднику. А сам, не глядя на результат, нырнул под телегу.

Промелькнуло всего несколько секунд. Но пока он переворачивался под телегой, услышал грохот падения и глухой стук копыт удалявшейся лошади. По камням прокатился оброненный кол. А Федор, осторожно поднявшись, увидел прямо перед собой, на телеге, между двух амфор с вином, мародера с неестественно выгнутыми руками. Из шеи торчала рукоять кинжала, по которой на покатый бок амфоры и дальше вниз, на солому, стекал ручеек.

— Ну вот и отлично, — как ни в чем не бывало заметил Федор, глянув в глаза мертвецу, — с кавалерией разобрались. Пора добить пехоту.

Он выдернул окровавленный нож и, обогнув телегу в несколько прыжков, оказался рядом с тем бойцом, которому недавно отбил руку. Тот все еще скулил, прыгая рядом с возом, но, едва завидев возникшего рядом Федора, попытался сбежать. Однако было поздно. Свидетели Чайке были не нужны. Он резко всадил мародеру в живот кинжал и выдернул обратно. А затем, не обращая внимания на второго, оглушенного, устремился к последней телеге, у которой еще кто-то дрался. За его спиной раздался звук падающего тела. Это мародер, покачиваясь на обмякших ногах, испустил дух, распластавшись в пыли.

Приближаясь к телеге Сандракиса, которого он заметил в сотне метров от дороги за деревьями, Федор понял, что битва выиграна. Поле боя уже было очищено от нападавших. Вокруг телеги валялось несколько трупов. И те, кого отправил к праотцам Летис, орудуя топором, были легко отличимы от убитых Терисом по страшным ранам, которые здоровяк из Утики нанес им своим топором.

Когда Федор оказался всего в десяти шагах, то увидел, как его друг расправился с горбуном, последним из мародеров, оказавших сопротивление «слугам» греческого торговца. Горбун трусом не был и отступить не хотел, как двое его людей, побежавших, едва стало ясно, что удача изменила им. Бросив своего главаря, мародеры уже были у стен домов заброшенного города и вскоре скрылись среди них. Федор проводил их настороженным взглядом, но преследовать не стал.

А Горбун не сбежал. Он отчаянно дрался с Летисом сразу двумя кинжалами и умудрился одним из них едва не порезать финикийца, царапнув его острием по руке. Но разъяренный Летис, отбив его клинок, ударом ноги развернул горбуна на пол-оборота и всадил ему в спину топор. Раздался хруст позвоночника и главарь упал на дорогу замертво, раскинув руки. С нападавшими было покончено.

Привыкший на войне к виду крови Федор, окинув взглядом сначала Летиса, затем стоявшего чуть поодаль Териса, и деловито уточнил:

— Все живы?

— В порядке, — выдохнул здоровяк, опуская топор и осматривая свою руку, — поразмялся немного, да вот царапину этот бандит оставил.

— А ты? — перевел взгляд на своего штабного работника Федор.

— Я не ранен, — бодро ответил Терис и добавил с гордостью, — убил двоих бандитов.

— Молодец, парнишка, — похвалил его Летис, присаживаясь на край телеги, — хорошо дрался.

— Найди какую-нибудь тряпку и перевяжи Летиса, — приказал Федор своему адъютанту.

Осмотрев убитых врагов, он вдруг заметил последнего возницу, который так и просидел на своей телеге всю схватку, обратившись в соляной столб. Это его и спасло. Присмотревшись повнимательнее, Федор заметил, что единственный выживший из рабов Сандракиса был немой. Чайка даже обрадовался этому. Теперь никто не мог выдать их римлянам, кроме самого купца, который все еще прятался за деревьями, выжидая.

— Эй, торговец, — крикнул ему Федор, взмахнув рукой, — давай сюда, опасность миновала!

Грек осторожно вышел из своего укрытия и вернулся на дорогу. Осмотрев место разыгравшегося побоища, он перевел на Федора взгляд, в котором читалась если не вечная преданность, то восхищение. Сандракис лишний раз убедился, что с этими людьми лучше не шутить и не замысливать против них ничего плохого.

— Однако двух возниц они все же убили, — заметил вслух Федор, оглядывая опустевшие телеги, которые стояли чуть впереди, — придется разделиться. Летис, садись на вторую телегу и помни, что с этого момента ты немой. Чтобы не спросили, молчи или мычи. И топор выкини. Он тебе больше не нужен.

Летис с сожалением кивнул, отбросив окровавленный топор в канаву. А едва Терис

закончил перевязывать ему руку какой-то ветошью, найденной в телеге, отправился выполнять приказание.

— Ну а ты, — обернулся к прошедшему новое боевое крещение подростку, — сначала объясни настоящему немому, что он поедет теперь последним, а мы первыми. И сам садись за вожжи в пустую телегу. Только сотри там кровь с амфоры, я немного испачкал товар. Думаю, что хозяин должен передвигаться на головной телеге. Особенно если придется беседовать с римской охраной. Да, Сандракис?

Грек быстро кивнул, услышав свое имя. Похоже, он начал понимать по-финикийски.

Глава десятая

В логове врага

В Таренту они подъехали уже в сумерках. Никаких приключений с ними больше не произошло, разве что повстречали несколько разъездов римской конницы, которые досмотрели их мельком и пропустили. При каждой встрече Сандракис что-то бормотал и осторожно клал в ладонь римским командирам несколько монет из кошелька, что предусмотрительно вернул ему Федор еще в лагере. Пока грек общался с представителями военной власти, Федор старательно поправлял сбрую и гладил уставших животных по холке, изображая большое рвение. В душе он немного переживал за Летиса, у которого с выдержкой были проблемы. Мог и сорваться, врезав какому-нибудь особенно назойливому легионеру в ухо с разворота. Даже не вступая в разговор. Но, к счастью, римляне не обратили никакого внимания на слуг греческого торговца, удовлетворившись полученной мздой.

Чайка перед выездом приказал Сандракису не скупиться. Эти расходы окупятся сторицей, если им удастся пробраться в Тарент и вернуться обратно. Он даже обещал Сандракису неплохой гонорар за помощь, хотя мог вполне ограничиться шантажом, ведь держал в заложниках его сына.

Едва телега поднялась на очередной холм, как Чайка узрел вдалеке, за последней долиной, знакомый силуэт крепостной стены, прерываемой многочисленными башнями. Почти севшее солнце еще посылало последние лучи, которые заставляли поблескивать латы римских легионеров, медленно перемещавшихся по стене. Наметанным глазом Чайка заметил многочисленные баллисты и катапульты, а также собравшуюся возле них прислугу.

Осматривая долину, почти все в которой ему было знакомо, Чайка невольно вспомнил свою службу в морской пехоте Рима. Как бегал вокруг этого города кроссы вместе с другими новобранцами. А потом строил каждый вечер укрепленные лагеря, чтобы затем брать их штурмом.

«Эх, жаль Квинта, хороший был парень, хоть и трепло, — вспомнил погибшего друга Федор, — да и другие ребята тоже ничего были». Несмотря на то что все они теперь находились в стане его врагов, Федор с какой-то теплотой вспоминал первые месяцы службы. Все-таки тогда он не знал о своем будущем ничего, а перенесенные вместе тяготы и лишения сближали, как ни крути.

Но если своих рядовых сослуживцев Федор вспоминал, чуть ли не с теплотой, то начальство повыше уже с откровенной ненавистью. Перед внутренним взором Чайки всплыла довольная физиономия Марка Акция Памплония, имя которого сейчас носил его сын. «Пока носит, — напрягся Федор, — вот вернусь из этой „самоволки“, обязательно другое придумаю». А когда Чайка вспомнил отца Юлии, то желваки заиграли на его скулах. Все теплые воспоминания и армейская романтика мгновенно испарились. Он вспомнил, кто он сейчас, и зачем он здесь. Если к простым людям в римской одежде он еще мог испытывать спокойные чувства, то к самому Риму и его властителям в нем жила только ненависть. Проверенная годами службы Карфагену. Тогда, много лет назад, Федор сделал свой выбор и до сих пор ничуть в нем не разочаровался.

Когда небольшой караван торговца, проехав долину, где раскинулось несколько

деревень, приблизился к одной из башен, сумерки уже сгустились. Город готовился отойти ко сну. Федор остановил повозку у рва, мост через который был поднят. Караульный что-то крикнул с башни, а купец, спешившись, ответил ему. Вскоре раздался скрип цепей, и мост опустился. Навстречу торговцу вышел отряд легионеров в красных туниках, кожаных панцирях, вооруженных щитами и мечами. Впереди всех вышагивал центурион, держа руки на ремне и всем видом демонстрируя, кто здесь главный. На его шлеме колыхался поперечный гребень из красных перьев.

Сандракис ждал, изогнувшись в почтительном поклоне. Федор сделал то же самое. Остальные «рабы» были не так хорошо видны в полумраке. Но вскоре раздался топот подкованных башмаков и рядом с центурионом появилось несколько человек с факелами. «Черт бы вас побрал, — раздосадованно подумал Федор, наклоняясь пониже и незаметно поправляя приклеенный парик, — не хватало еще встретить кого-нибудь из бывших сослуживцев. Хорошо хоть центурион незнакомый».

— Это ты, Сандракис, — ухмыльнулся толстогубый римлянин, похлопав по ближней к нему амфоре, покатым бок которой возвышался над телегой, — что-то ты задержался. Я ждал тебя еще пару дней назад. У моих людей уже в горле пересохло.

Разговор к радости Федора начался по-латыни, а этот язык был ему понятен.

— Я торопился, как мог, Лутаций, — пробормотал торговец, невольно оглянувшись на Федора, — но пришлось пару дней переждать в одном лесу, рядом с которым бродили мародеры, чтобы не потерять товар.

«Начал врать, — машинально отметил Федор, — это хорошо. Значит, боится».

— Да, этого отродья сейчас много бродит по окрестностям, как и солдат Ганнибала, — согласился центурион, прохаживаясь мимо телег и подозрительно присматриваясь к их содержимому, — они тебе не повстречались?

— К счастью, боги хранили меня, — быстро ответил Сандракис.

— Мы давно навели бы порядок в окрестностях, — продолжил мысль римлянин, — если бы не солдаты проклятого пунийца. Они тоже рыщут поблизости, высматривая, чтобы украсть.

Он неожиданно остановился напротив повозки Териса и вперил в подростка маслянистый взгляд.

— Мне казалось, что твой сын был немного упитаннее, когда отправлялся в дорогу, — заметил Лутаций, как бы размышляя вслух.

— Стоит жара, а в пути мы испытывали недостаток воды, — пробормотал Сандракис, — он немного похудел.

— Да ты его, похоже, еще и не кормил, старый скряга, еду экономил, — усмехнулся Лутаций, обернувшись к своим солдатам, и те дружно заржали, словно стадо коней, стараясь показать своему начальнику, что шутку тот выдал первостатейную, — ну ладно, ты привез, что хотел. Настало время поговорить и о деле. Отойдем-ка в сторону, дело ведь у нас личное.

Сказав это, широкоплечий центурион направился в хвост небольшого каравана, пройдя мимо «немного» Летиса и остановившись у последней телеги, в которой сидел настоящий немой. Сандракис засеменил за римским офицером, инстинктивно поглаживая себя по поясу, за которым он прятал набитый римским золотом кошелек. Они общались наедине не больше минуты, в течение которой Федор не раз пересчитал стоявших неподалеку римских легионеров и свои шансы уйти от погони, если начнется драка. Но, судя по довольному выражению лица Лутация, который вскоре вернулся к своим солдатам, переговоры прошли успешно и стороны пришли к соглашению. Сандракис не поспешил.

— Открывай ворота, — крикнул в глубину арки довольный сделкой центурион, — пропусти в город эти телеги с отличным вином, которое завтра же будет в кабаках, где его смогут отпробовать солдаты Рима. Да, Сандракис?

— Конечно, центурион, — кивнул грек, запрыгивая на телегу, которую Федор уже тихим шагом тронул вперед, — уже утром его будут разливать по всем портовым кабакам и кое-что останется для специальных заведений.

«Значит, ты еще и в бордели вино поставляешь, — смекнул Федор, услышав про специальные заведения, где любили развлекаться как офицеры, так и солдаты, — это хорошо, там тоже можно узнать много интересного».

Хлестнув лошадь, он ускорил шаг лошади и вскоре они въехали на мостовую Тарента, где, кроме римских патрулей, были видны и обычные граждане, завершавшие свои дела на этот день. Все они спешили по домам. В Таренте, постоянно ожидавшем нападения армии Карфагена, похоже, действовал комендантский час.

Сандракис что-то сказал Федору по-гречески и махнул рукой вперед. Туда, где застроенные многоэтажными каменными домами улицы раздваивались. Дальше одна из них шла в верхний город, а другая — вниз.

— Говори по-латыни, — приказал Чайка, обернувшись назад.

Все телеги благополучно прошли кордон и втянулись в город. Федор с облегчением выдохнул.

— Правь в сторону порта, вниз, — повторил озадаченный Сандракис по-латыни и не удержался от вопроса, — а откуда ты знаешь язык римлян?

— Не важно, — заметил Федор, — давай, показывай, где твой дом.

Дом Сандракиса оказался как раз недалеко от порта, уже погруженного во тьму. Окна его выходили на улицу, что вела в гавань Тарента. Дом был окружен похожими особняками, не очень большими и жавшимися друг к другу. Все вместе они составляли квартал зажиточных людей: купцов, откупщиков, богатых ремесленников. Но не знати. Знать селилась в верхнем городе и на полуострове, поближе к римской цитадели. Узнав, что дом Сандракиса расположен недалеко от порта, Чайка почему-то подумал, что купец занимался не только сухопутными операциями. Догадка Федора неожиданно подтвердилась. Когда они уже в потемках подъехали к приземистому двухэтажному каменному домику, окруженному высоким забором, и остановились по знаку купца, Федор спросил:

— Ты случайно с морем дела не имеешь?

— Немного, — признался купец, вздрогнув, — недавно купил себе корабль. Вот только из первого рейса должен был вернуться несколько дней назад.

— Чем промышляешь? — продолжал допрашивать Чайка, остановивший телегу, но не спешивший слезать с нее. Сандракис, не осмеливавшийся теперь без приказа сделать и шагу, тоже продолжал сидеть рядом.

— Лес вожу из Лукании, тут недалеко до нее, — пробормотал перепуганный купец, — и смолу поставляю на верфи. Хорошо идет.

— А что же ты сам за вином едешь? — удивился Федор.

— Хорошие деньги можно заработать, — ответил грек, — тоже прибыльное дело. Но люди там только мне доверяют. Другого не послать.

— Значит, твой корабль несколько дней назад должен был вернуться в Тарент с грузом смолы и леса? — переспросил, не поверив своему счастью, Федор. — Что же ты раньше молчал, Сандракис?

Несмотря на полную тьму, окутавшую дома на улице, Федор ощутил, как испугался греческий торговец. Ему, похоже, в голову лезло невесть что. В город они въехали, улица была почти пустынной. Но Сандракис напрасно волновался, он был еще Федору нужен. А тем более после того, как Чайка узнал о корабле, который стоит в местном порту с грузом смолы и древесины.

— Ладно, — процедил сквозь зубы Федор, услышав какой-то шум во дворе особняка купца, — забудь. Сколько людей в доме?

— Семеро, — пробормотал Сандракис, так и не успокоившись, — три приказчика, двое слуг, кухарка и прачка.

— А жена у тебя есть?

— Я вдовец, — ответил грек, испустив вздох.

— Ясно. В общем, так, — приказал Федор, понизив голос. Он услышал, как кто-то завопил, открывая ворота, — представишь нас как новых работников. А старым выдашь

денег и отправишь отдыхать на два дня по случаю удачной сделки. Немедленно.

— Но как же я их отправлю, — пробормотал Сандракис, — ведь они же здесь со мной в доме живут.

— Ничего, ты им дай достаточно, чтобы могли повеселиться и в кабаке заночевать.

— И прачке с кухаркой? — удивился грек, которому стало жаль денег.

— Прачке тоже надо отдыхать, — отрезал Федор, — но только давай без глупостей. Сделай так, чтобы никто из них не заявился обратно с римскими легионерами. Помни, где находится твой сын.

В этот момент ворота со скрипом распахнулись, и Федор узрел в полумраке двух высоких худых парней в длинных хитонах. Не дожидаясь расспросов, он хлестнул лошадь и въехал во двор, подогнав телегу к видневшемуся в дальнем конце амбару. Судя по всему, здесь Сандракис сгружал свой товар. Немой, Терис и Летис завели следом свои телеги, сразу заполнив все свободное пространство двора.

— Избавься от них побыстрее, — прошипел Федор, видя, как к ним направляется один из парней, судя по виду, явно приказчик. Ему очень не хотелось играть роль раба, а убивать их без особой надобности тоже не следовало. Операция только начинала складываться.

Приказчик, а это был один из них, поклонился хозяину и что-то крикнул Чайке, указав на амбар. Но Сандракис схватил его за руку и отвел в сторону, что-то быстро проговорив. Удивлению парня не было предела, особенно когда он рассмотрел на своей ладони несколько мелких монет. Скользя странным взглядом по лицам прибывших «работников», из которых он знал только немного, приказчик исчез в доме, а за ним и второй.

— Ну как дела? — спросил Летис, слезая с телеги и подходя к Федору, — мы здесь заночуем?

— Пожалуй, — ответил Чайка, рассматривая приземистый особняк, — вот только избавимся от местных жильцов.

— Топор я выбросил, как ты велел, — озадаченно произнес здоровяк.

— Ты с ума сошел, — ответил Федор, переводя на него взгляд, — здесь мы никого убивать не будем. Они сейчас сами уберутся. Надо сначала осмотреться и кое-что обдумать в тишине. Нечего поднимать суматоху раньше времени, тут полно римских патрулей.

— Да я так, — ответил Летис, умолкая.

Не прошло и десяти минут, как из дома вышли и приблизились к хозяину все семеро обитателей. Сандракис по очереди одарил их деньгами и выпроводил в ночь. Судя по лицам, нельзя было сказать, что все работники греческого торговца недовольны таким поворотом. Напротив, они казались повеселевшими. А кухарка и прачка вообще светились от такого внезапно свалившегося их на головы счастья. «Вот, — удовлетворенно подумал Федор, невольно усмехнувшись, — устроил пролетариату выходной».

— Летис, Терис, закрывайте ворота, — крикнул он, когда все ушли, — пора и отдохнуть немного.

Бросив груженные телеги с вином прямо во дворе, Сандракис провел их в дом, жилые помещения в котором располагались на втором этаже, а на первом была контора, где он занимался своими делами. Это были пять узких комнат, соединенных между собой. Здесь стояло несколько столов, а на полках грубо сколоченных шкафов лежали рядком свитки с записями. Федор, разглядывавший все это хозяйство при свете свечи, принесенной греком, не стал совать в них свой нос, но отметил, что Сандракис, похоже, содержал дела в полном порядке.

— Ладно, покажи нам, где тут у тебя еда, — приказал Чайка, обследовав вместе с купцом и жилую часть дома, где обитала прислуга, и большие комнаты самого хозяина, — надо перекусить.

Купец сходил в погреб вместе с Терисом и принес оттуда холодного вяленого мяса, лука, хлеба и несколько кувшинов вина. Диверсанты из армии Карфагена с удовольствием съели все это подчистую. Отуживав чем бог послал в обширной комнате, служившей здешним обитателям столовой, финикийцы собрались отдохнуть.

— Устал я что-то с дороги. Надо вздремнуть. Завтра будет тяжелый день, — произнес вслух Федор по-финикийски, так, чтобы его не понял купец, после ужина молча сидевший в углу на скамье, и добавил: — Летис, разыщи-ка мне крепкую веревку и тряпку.

— Зачем? — удивился здоровяк, вытирая жирные пальцы о чей-то хитон, висевшей на гвозде, вбитом в одну из массивных балок, пронизывавших весь дом от подвала до самой крыши. Только в этой комнате таких балок было четыре.

— Надо привязать на ночь нашего друга, чтобы не вздумал убежать, — приказал он.

— Понял, — ответил Летис, вставая, — сейчас сделаем.

Он прошелся по комнатам и вскоре вернулся, разыскав в чулане отличную веревку, явно приготовленную для использования на новом корабле. Кроме нее, там же Летис обнаружил несколько отличных ножей с широким лезвием, предназначенных для разделки туш. И деревянный шест двухметровой длины с загнутым металлическим наконечником, схожий с багром.

— Это на всякий случай, — пояснил свои находки Летис.

— Пригодится, — кивнул Федор, взяв в руки один из широких ножей и проверив ногтем остроту лезвия, — на первое время хватит. А утром сходим на базар, там много полезного продается.

Тем временем Летис, приблизившись к сидевшему на лавке купцу, приказал:

— Вставай, грек. Иди-ка я тебя на ночь к столбу привяжу.

Сандракис подчинился, поняв, что от него хотят, хотя было видно, как его колотит от страха при виде ножей.

— Не бойсь, — успокоил его Федор, откладывая тесак в сторону, — не для того я тебе сегодня жизнь спас, чтобы тут же убивать. Поживешь еще. Но придется переночевать в вертикальном положении. Не могу я себе позволить, чтобы ты сбежал или каких глупостей наделал. Конечно, сын твой у нас, но кто тебя знает. Так спокойнее. Да и выхода у меня нет.

Крепко привязав купца к балке, Летис засунул ему в рот кляп из тряпок.

— Ну все, отдыхаем до рассвета, а там пойдем в город, — приказал Федор, растягиваясь на лавке, — дежурим по очереди. Терис, ты будешь первым следить за купцом. И заодно поглядывай на улицу. Мало ли какие гости заявятся.

Ночь, однако, прошла спокойно. Открыв глаза на рассвете, хорошо отдохнувший Федор был вновь полон сил. Очнувшись и окинув взглядом еще тонувшую в предрассветной мгле комнату, Федор заметил Летиса. Боец, которому выпало дежурить вторым, мирно дремал на окне, в обнимку с багром. Федор поднялся, потянувшись, растолкал его и отправил за едой. Терис, спавший на полу у выхода, проснулся сам.

— Вставай, ординарец, — приказал Федор Чайка, осторожно выглянув на улицу, по которой уже катились к порту повозки торговцев, сновали туда-сюда многочисленные приказчики и просто рабы с поклажей, — нас ждут великие дела.

Скоро вернулся Летис, которому удалось за один раз принести несколько закопченных рыбин и лукошко, полное хлеба и лука. Запасы у греческого торговца имелись изрядные, и хранил он их правильно, в прохладном месте.

— Сандракиса развяжи, — кинул Федор в сторону примотанного к свае купца, который спал стоя, лишившись сил от изнеможения.

Летис выполнил приказ и тут же поймал едва не упавшего на пол Сандракиса, затекшие ноги которого подкосились.

— На вот, подкрепись, — Федор протянул грузно опустившемуся на лавку греку кувшин с вином и кусок рыбы.

Перекусив и жадно выпив вина, Сандракис посмотрел на своих мучителей злобным взглядом, в котором читалась надежда на то, что он уже выполнил все, что от него хотели и теперь его оставят в покое. Но его «служба» Карфагену только начиналась. После вчерашнего разговора у Федора возникли на его счет новые и вполне определенные планы. С утра свежая голова командира двадцатой хилиархии, славившейся своими разведчиками, сразу включилась в работу и дополнила созревший на ходу план новыми подробностями,

едва он выпил глоток вина и поел.

— Как выглядит твой корабль и как зовут капитана? — поинтересовался он, сев рядом с купцом. — Где его найти?

Сандракис обречено молчал.

— Ладно, — решил Федор, — поднимайся. С нами пойдешь.

Глава одиннадцатая

В землях трибаллов

Это утро Ларин встретил в своей палатке, установленной на берегу реки. Устал он что-то за последнее время спать на корабле. С тех пор как адмирал покинул Тернул и отправился вслед за войсками Аргима вверх по течению полноводного Истра, прошло уже немало времени. «Зачистив» Малую Скифию от остатков разбитой армии Палоксая и включив ее земли в состав Великой Скифии, Аргим повернул на запад. Правда, проделав небольшой устрашающий маневр вдоль границ ближайших владений греческих колоний. Это были Истр и Томи. Штурмовать их скифы не собирались. Особенно Томи, окруженные мощной оборонительной стеной. На взгляд Лехи, пожалуй, даже более мощной, чем стены Ольвии или Тиры. Тут можно было не один месяц потерять, если проводить осаду по всем правилам. А к осаде греки, наслышанные о передвижениях скифских орд, были готовы.

Однако Иллур ждал свои войска на западе, где геты никак не желали сдаваться на милость победителю. Поэтому пришлось ограничиться лишь демонстрацией силы. Аргим послал конный отряд сжечь для острастки несколько деревень на окраине греческих владений. А Леха, ненадолго вернувшись на побережье, вместе с отрядом квинкером прошелся морем вдоль берега, подразнив греческих моряков. Однако на открытое сражение ни один из гарнизонов не пошел. То ли побоялись, то ли знали о том, что никто на них сейчас нападать не собирается.

«Наверняка где-то здесь скрывается эта сволочь», — подумал Леха, вспомнив о бежавшем Иседоне, когда рассматривал мощные оборонительные сооружения греческих Том с борта «Тамимасадаса». То, что он должен удалиться из этих мест, так и не отомстив за предательство, огорчало скифского адмирала. И Ларин поклялся, что вернется сюда и найдет старейшину, чего бы это ему не стоило.

А пока пришлось вернуться на захваченное побережье и вновь подняться по реке. Предчувствуя впереди сильное сопротивление местных племен, Леха вызвал из Тиры еще пять триер, немного оголив тылы. Но будущее, как он решил, того стоило.

Проплывая вновь мимо Тернула, где стоял теперь скифский гарнизон, Леха вспомнил отчет сотника, осмотревшего тюрьму сразу после захвата города. Среди пленников ни Гнура, ни кого бы то ни было из оставленных в тот раз людей, не оказалось. «Значит, казнили всех, — со злостью подумал адмирал, скрежетнув зубами, — ну, Иседон, я до тебя когда-нибудь доберусь. Пересекутся наши пути-дорожки, и тогда ты пожалеешь, что на свет родился».

Он даже погрозил невидимому беглецу кулаком, подняв его в воздух.

Дальнейший путь вверх по Истру был пока не очень трудным. Река оказалась полноводной и широкой, а местами даже очень. Едва закончилась болотистая дельта, в которой обитали покоренные «скифские родственники», как Истр распался на два параллельных русла, и Ларину тоже пришлось разделить свою флотилию на две части. Теперь во время недолгих стоянок его гонцы сновали от одного флота к другому через перешеек, часто даже захватывая ночное время, чтобы к утру сообщить адмиралу о положении дел. К счастью, это раздельное плавание закончилось через несколько дней, и оба рукава вновь слились в единое русло. Берега высокие и обрывистые в нижнем течении попадались не часто, все больше пологие, поросшие лесом плавни. На этих притопленных берегах, поросших кустарником, тростником и осокой, водилось просто несметное количество птиц.

— Эх, сейчас бы с ружьишко, да на охоту, — мечтательно бормотал себе под нос адмирал, глядя, как стайка уток, встрепенувшись, взмывала в небо над плавнями. Провожая беглянок взглядом, Леха вспоминал, как частенько в прошлой жизни ходил с отцом на уток и возвращался домой довольный и с добычей. Можно было, конечно, и здесь поохотиться, с луком, да только времени не было на развлечения. Долг воина звал его вперед.

Бывали, правда, на реке и теснины, где приходилось проводить суда очень осторожно. Но, слава богам, непроходимых порогов пока не встречалось. Разведка Аргима доносила, что основные горные цепи далеко впереди, где, по прикидкам не очень дружного с географией адмирала, находились Южные Карпаты и ущелье «Железные ворота», сквозь которое Истр в глубокой древности пробил себе русло. Об этом Ларин как-то прочел в путеводителе по Балканам. Впрочем, это была почти вся информация, которой он владел.

Конница Аргима, разделившись на две части, продвигалась вверх по обоим берегам реки. Где, с одной стороны начались земли северных фракийцев, а с другой — за прибрежными холмами, простирались бесконечные гетские степи. Благодаря присутствию конницы Аргима, рассылавшего во все стороны разведчиков, первое время они продвигались вверх по Истру без особых проблем, с ходу занимая все встречные города и деревни, которых по берегам было пока не так уж много. Геты предпочитали, подобно скифам, жить в степи. Там где происходили регулярные стычки с их конницей, так до сих пор и не уничтоженной Иллуром.

Стоя на палубе «Ойтосира», адмирал с интересом поглядывал в сторону фракийских нагорий, поднимавшихся на горизонте, не понимая, стоит ли ждать оттуда нападения. Земли с этой стороны великой реки скифы пока тоже не беспокоили, ограничившись прибрежной зоной. Вся их военная активность сейчас происходила в глубине гетских земель, а это была обширная территория.

Следуя тайной договоренности с Ганнибалом, скифские войска проделали уже больше половины пути до побережья Адриатики. Строго говоря, даже Леха, не большой знаток географии, знал, что владения новых союзников — македонцев находятся уже недалеко. Где-то за теми горами, что угадывались на горизонте, по левому борту его триеры. Однако македонцы пока никак себя не проявили.

На одной из стоянок за едой Ларин поинтересовался у Аргима насчет македонцев, но тот ответил расплывчато. Мол, македонцы сами ведут войну с одним из приграничных племен и пока еще между ними немало воинственных народов, которые надо «устранить», чтобы войска обеих держав объединились.

— Что же они, эти хваленые македонцы, с одним племенем справиться не могут? — усмехнулся Леха. — Мы-то вон уже сколько земель покорили.

— Не знаю, — ответил Аргим, — может, не могут, а может, и не хотят своих солдат губить.

— Интересно, — возмутился Леха, от обиды позабыв, что этот план был привезен в ставку Иллур его собственным другом, — что же это за союзники такие? Мы тут должны своих солдат тысячами класть, чтобы вперед продвинутся, а они, видите ли, не хотят... О чем там Иллур думает?

— Не наше с тобой дело, Ал-лэк-сей, за Иллур думать, — строго напомнил Аргим. — Нам приказано захватить эти земли, и мы захватим.

— Да уж, — кивнул Ларин в сторону своих кораблей, вытасненных на берег для очередной ночевки, — у меня народу вон уже на треть убавилось. Хорошо еще, что до Тиры не так далеко было, смог подкрепление вызвать. А у тебя от корпуса едва половина осталась. Пора бы уже выйти на соединение с союзниками. Долго еще македонцы собираются нашими руками жар загребать?

— Не переживай, Ал-лэк-сей, — сказал Аргим, поднимаясь, — воинов у нас хватит. Зато все эти земли теперь наши. Когда война закончится, богатым будешь. Иллур тебя наградит.

— Ну да, тоже верно — нехотя согласился Леха, повеселев. — Хотя когда она еще

закончится. К южному морю выйти это еще только полбеда.

— Разведчики сообщили мне, что завтра на рассвете мы войдем в земли трибаллов,⁶ — заявил начальник скифской конницы, — на пути стоит несколько их городов. Это племя раньше было очень грозным, но сейчас ослабело. Думаю, мы с ним легко справимся.

— Они, вообще, за кого? За гетов? — уточнил Леха и предложил ловкий дипломатический ход, — Может, они так сдадутся, после переговоров? Добровольно войдут в состав Великой Скифии. Им хорошо, и мы солдат сохраним.

— Нет, — отмахнулся Аргим, положив ладонь на рукоять висевшего на поясе меча, — я слышал, что многих из них убили македонцы, царь Александр, когда мстил за своего отца, так что сами они не сдадутся. Тем более их союзникам.

— Вот как, значит, сам Александр Македонский здесь побывал. Так может, македонцы с ними и «договорятся», — продолжал отстаивать дипломатическое решение Ларин, которому хотелось, чтобы их союзники хоть что-нибудь сделали до того, как войска откроют совместный «западный фронт».

— Мы будем там завтра, — напомнил Аргим, — ближайшая крепость трибаллов стоит в двух днях пути отсюда, на реке, что впадает в Истр. Дальше еще есть крепости. На рассвете моя конница уйдет, чтобы вторгнуться эти земли и посеять панику среди трибаллов. А ты пока атакуешь с воды ближнюю крепость. Она не велика. У тебя должно хватить людей.

— Ладно, — кивнул Леха, — уговорил. Воевать так воевать. Хотя людей могли бы и сохранить.

С рассветом Ларин повел своих солдат в поход на трибаллов. Место впадения притока в Истр обнаружилось довольно быстро, как и сами трибаллы. Буквально на следующий день Ларин заметил, что с противоположного берега за кораблями наблюдало не меньше сотни вооруженных пехотинцев в кольчугах и кожаных куртках, прячась за деревьями. Впрочем, они не слишком старались быть незамеченными. Едва завидев приближавшийся флот, трибаллы, а это были они, как решил адмирал, перехватив покрепче свое оружие, бегом скрылись в чаще. Конных солдат Ларин пока не увидел. Зато эти бегали, как марафонцы.

Берега притока были холмисты, а выше по течению появились даже скалы. Осмотрев окрестности, Леха заметил, что Истр здесь петляет гораздо чаще, зажатый подступившими с двух сторон возвышенностями. Похоже, бескрайние равнины остались чуть позади. А прямо по курсу, на небольшом отдалении, вновь появились горы.

— Основные силы пока оставим здесь, — заявил адмирал, когда понял, что придется сворачивать с проторенной дорожки и двигаться вслед за трибаллами, которые должны были неминуемо привести скифов к своей крепости, — со мной пойдут только биремы. Ты, Токсар, останешься здесь. «Ойтосир» и триеры пусть сторожат русло. Мало ли что.

И добавил, посмотрев на удивленного помощника.

— Да, я сам поведу людей в бой. А ты прикрывай тылы.

Некоторое время биремы, наполненные пехотинцами скифов, свернув с основного направления, поднимались по течению притока беспрепятственно. Так прошло полдня. Однако поросшие тростником берега, которые становились по мере продвижения все более

⁶ Фракийские народы делились на многочисленные племена, часто враждовавшие между собой. Одно из этих племен, трибаллы, обитало на северо-западе, в среднем и верхнем течении Дуная (Истра). По сообщению Геродота, в начале V в. до н. э. они занимали небольшую территорию в низовьях реки Бронг (современная р. Морава), впадающей в Дунай. Затем, усилившись, раздвинули свои границы в северной Фракии, вплоть до Македонии.

Пик могущества трибаллов приходится на первую половину IV в. до н. э. В это время трибаллам удается объединить вокруг себя ряд более мелких племен. В 339 г. до н. э. они наносят поражение отцу Александра Македонского Филиппу II, напав на его возвращавшееся из скифского похода войско. Трибаллы отобрали всю добычу, а самого Филиппа ранили в правое бедро, сделав на всю жизнь калекой. Позже, в 335 г. до н. э., Александр Македонский совершает поход против северных фракийцев и разбивает трибаллов в сражении. Со второй половины IV в. до н. э. начинается упадок трибалльского племенного союза.

высокими, не давали покоя адмиралу. За ними было абсолютно не видно солдат противника, и создавалось ощущение, что их нет. Однако Леха печенкой чуял, что за скифами наблюдали из-за каждого дерева.

— Щиты поднять, — приказал он капитану биремы, — того и гляди обстреляют нас из зарослей. И лучников держи наготове.

Капитан, затянутый в кольчугу узколиций скиф, молча кивнул. На всех судах имелась палуба, под которой были спрятаны гребцы и часть солдат. Не успел капитан отдать приказание, и выстроившиеся по борту бойцы подняли щиты повыше, как с берега из-за тростника и плотно росших деревьев, засвистели стрелы. Когда они забарабанили по борту, палубе и щитам, Леха даже похвалил себя за находчивость. Сколько жизней спас.

Быстро окинув берег, адмирал решил, что для десантирования с последующей контратакой он не подходит, слишком высок. Можно половину людей зря положить. Но тут из-за поворота реки показалась крепость, стоявшая на прибрежном холме. А у самой воды имелся вполне приличный пирс, на котором сейчас копошились бойцы противника, пытаясь отвязать несколько лодок. Но, увидев приближавшиеся биремы, они бросили все, и бегом отступили в крепость.

— Давай к пирсу! — приказал Леха, с радостью заметив отступление трибаллов и открытые ворота, — высаживаемся прямо там. Возьмем их тепленькими.

Однако повторить с главными воротами тот же маневр, что он уже проделал в Тернуле, не удалось. Отступление трибаллов оказалось вовсе не трусостью, а хитростью. Едва первые три биремы причалили к пологому берегу и пирсу, а скифы с криками стали спрыгивать в воду, как у ворот крепости началось шевеление, совсем не похожее на построение для боя.

Ларин, схватившись за мачту, присмотрелся. Пирс и ворота разделяло метров триста. Крепость на холме была небольшой, обычный четырехугольник с башнями по краям. Да и стены невысокие, метра четыре, к тому же полуразвалившиеся от времени. Ларин, видевший в своей жизни более мощные сооружения, с первого взгляда отвел этой крепости полдня жизни.

«Ну один штурм выдержит, может, два, — подумал Леха, окинув взглядом оборонительные рубежи трибаллов, наверняка видевшие еще Александра Македонского, а может, и его отца Филиппа, — а если притащить катапульты с триер, то еще быстрее. Но мы и так обойдемся».

Он уже приготовился спрыгнуть на захваченный пирс, чтобы возглавить атаку, как у самых ворот загорелись какие-то огни. Скифы, построившись в линию, уже окатили трибаллов стрелами, проредив порядки защитников, и медленно продвигались вперед. Так быстро, что Ларин, задержавшись на корабле, тормозил собственную атаку. Однако не успел он оказаться на пирсе, а затем, подняв щит и меч, впереди своих воинов, как сверху что-то загрохотало.

Подняв голову, скифский адмирал, первым бежавший вверх по склону, остолбенел от увиденного. На порядки скифов, охватившие склон полукольцом, подпрыгивая на кочках, катились горящие телеги. Штук шесть или семь. Они мгновенно разбили отряд атакующих на отдельные части, проделав в его рядах широкие борозды. А затем, раздавив тех солдат, кто не успел увернуться, с грохотом врезались в приткнувшиеся к берегу биремы. Ларин, даже остановившись от изумления, обернулся назад и увидел, как одна из телег с ходу ударила в борт его флагманской биремы, перевернулась от столкновения и, подпрыгнув вверх, обрушилась на палубу, рассыпавшись на горящие обломки. Вторая телега «торпедировала» ту же бирему в районе кормы. Корабль мгновенно был охвачен пламенем, как и еще два, стоявшие рядом.

Кроме того, лодки, на которых, как показалось адмиралу, трибаллы собирались сбежать, оказались наполненными чем-то горючим. Стоило огню добраться до них как, лодки вспыхнули, а вскоре запылал и весь пирс. Часть скифов, еще находившаяся на кораблях, бросилась их тушить. Но урон уже был нанесен конкретный. Подходившие следом биремы высаживали десант гораздо левее, на покатый берег.

Не успела первая телега ударить в борт судна, как окрестности огласились воплями радости трибаллов. словно позабыв о стоявшем перед ними противнике, трибаллы прыгали от радости, вскинув вверх мечи и копья.

— Ну я вам сейчас покажу, «торпедоносцы», — разъярился адмирал, отвернувшись от горящих кораблей, — а ну за мной, в атаку!

И под пение стрел, что посылали его лучники во врага над головой, Ларин первым врубился в ряды трибаллов, не спешивших укрыться за стенами крепости. Отбив щитом брошенное копье и уклонившись от направленного в грудь второго, Ларин вонзил меч в живот длинноволосому трибалльскому воину, пробив кожаный панцирь. Тот рухнул на колени, выронив щит и меч. А Ларин уже рубил почти квадратный щит другого соперника, отбиваясь от ударов наседавших сбоку трибаллов.

Когда у него самого выбили щит, он еле успел отвести мечом в сторону едва не пронзившее бок копье. Отбросив меч, Ларин вырвал это копье из жилистых рук трибалла, защищенных коваными наручами, и в ярости пробил его кожаную рубаху мощным ударом.

Насадив своего поединщика на собственное копье, которое вышло из спины, Ларин думал, что убил его. Но широкоплечий трибалл в агонии схватил морпеха за шею и стал душить. Его железные пальцы сомкнулись на горле скифского адмирала, которого он решил забрать с собой в царство мертвых. В планы Лехи Ларина это не входило. Отпустив копье, он выхватил из-за пояса кинжал и несколько раз воткнул его прямо в сердце не желавшего умирать трибалльского бойца. Лишь после третьего удара пальцы воина ослабли, и Ларин смог оттолкнуть его обмякшее тело от себя. Подхватив оброненные меч и щит с травы, он вновь вломился в гущу бойцов противника, прижатого к самым стенам.

В этой мясорубке местные жители проявили себя как настоящие воины. Просто звери. Они ни в чем не уступали скифам, а прятаться за стены, похоже, вообще не собирались. Более того, стоило скифам сломить сопротивление первых рядов, как из чрева крепости выбежало еще не меньше двухсот воинов в кольчугах. Врубившись в порядки скифов, они контратаковали их и быстро оттеснили центр нападения вниз по склону, снова почти прижав к полыхавшим кораблям.

— Держать строй! — заорал Ларин, уже праздновавший победу пять минут назад, а теперь оказавшийся на грани поражения. Трибаллы все продолжали прибывать из крепости, словно у них там был подземный ход, связывавший ее с укрытыми от врага казармами.

Скифы, привыкшие побеждать, никак не ожидали встретить от горстки бойцов такого сопротивления. А Леха поймал себя на мысли, что если трибаллы так сражаются сейчас, когда они «ослабли», по словам Аргима, то как же они бились против солдат Александра Македонского сотней лет раньше. «Ему, видать, не сладко пришлось, — подумал Ларин, принимая на щит удар трибалльского копья, — да и папаше его тоже».

Эта мысль немного утешила предводителя скифского воинства, и новой атакой он смог выровнять положение, отбросив разъяренных трибаллов вверх по склону. Но все решил удар подошедшего подкрепления с фланга. Когда скифы еще с четырех бирем высадились и с ходу перешли в наступление, «железные» трибаллы наконец дрогнули. Лучникам удалось положить множество солдат противника, которые при отступлении не держали строй и не закрывались «наглухо» щитами, как это делали греки, чтобы сохранить солдат, а просто бежали поодиночке. Часть из них удалось отсечь от ворот и перебить, а остальных трибаллов воины Ларина загнали в крепость, где те сопротивлялись за каждый дом до самого вечера. Наконец, в наступивших сумерках адмирал получил донесение, что последний трибалльский воин убит, а крепость полностью перешла под контроль скифов.

Адмирал выслушал доклад стоя на берегу и глядя на догорающие остовы трех бирем, все ярче светившиеся в опускавшейся на берег темноте. Вокруг него пехотинцы бродили по склону, отыскивая раненых среди сотен поверженных скифов. Бой с трибаллами у первой же крепости стоил ему почти двухсот человек и трех сгоревших бирем.

— Еще одна такая победа, — сплюнул Ларин, подсчитывая потери, — и с македонцами встречаться будет некому. Хорошо еще к ним никаких подкреплений не успело подойти.

Наверняка Аргим постарался.

Наутро прискакал гонец от Аргима, отыскивший их по следам пожарища. Выяснилось, что его конница прошла победным маршем, захватив земли по берегам нескольких притоков Истра, принадлежавшие племенам трибаллов. Небольшие конные отряды, что осмелились встать на пути войск Иллур, были уничтожены в стычках. Однако выжившие трибаллы заперлись по крепостям и отсиживались в надежде выдержать осаду. Не желая оставлять за спиной не покоренного противника, Аргим требовал немедленного штурма этих крепостей. Он сам был удивлен столь яростным сопротивлением, мешавшим быстрому продвижению скифов вперед и сильно задержавшим в пути победоносные войска Иллур. Царь через гонцов требовал от Аргима как можно быстрее прибыть с армией к нему в ставку, что располагалась в десяти днях пути вдоль противоположного берега Истра вверх по течению, у самой столицы гетов.

Пришлось Лехе, зализав раны, грузиться на корабли и брать одну за другой эти крепостицы, к счастью, не очень большие. Долше всего пришлось провозиться с главным городом трибаллов. Столица этого воинственного племени под названием Сирмий — как узнал Ларин от пленного, названная так в честь грозного царя Сирмия, того самого, что сделал калеккой папашу Александра Македонского, — защищалась упорно.

Это была хорошо отстроенная, хоть и старая крепость на правом берегу одного из притоков Истра. Ларин потратил только на ее штурм почти несколько дней. Перетащил баллисты и катапульты с кораблей на берег и регулярно обстреливал стены. Несколько раз сам водил войска на приступ, но все было безрезультатно. До тех пор пока он не засыпал ров и не развалил тараном ворота, Сирмий не сдался. Он не сдался и после этого. Бой шел за каждую улицу. А за несколько мощных контратак, в одной из которых погиб трибалльский царь, были сожжены две триеры и несколько скифских бирем.

Как ни надеялся Леха, вступая в эти земли, но быстрого и бескровного покорения трибаллов, не получилось. Обороняясь, трибаллы уничтожили несколько тысяч воинов и сожгли почти треть скифских судов.

— Да этот Филипп Пятый, или как там его, — кипятился Леха, подсчитывая потери, — меня за трибаллов должен просто озолотить, а по всей Македонии памятников наставить!

Впрочем, впереди лежали гористые земли дарданов, которых, по словам Аргима, македонцы уважали и побаивались гораздо больше, чем трибаллов. И Ларин, снимаясь с последней стоянки, уже предчувствовал новую затяжную войну с дарданами.

Глава двенадцатая

Второй фронт

Впрочем, еще неделю после взятия Сирмия адмирал провел в заботах о восстановлении боеспособности флота и никуда не трогался с места, несмотря на постоянные уговоры Аргима о необходимости атаковать дарданов.

— Ты перед царем за свою конницу отвечаешь, — как-то не сдержался Ларин, когда после очередной трапезы на холме, где стоял его шатер, Аргим опять поторопил адмирала, — вот и отвечай. А мое дело сейчас флот. Не ты ли мне говорил, что трибаллов мы быстро одолеем? А в результате у меня кораблей почти не осталось. Идти дальше надо, река еще не закончилась, а не с чем. Так что, наступай, если не терпится, а я пока кораблям ремонта не дам, с места не стронусь.

— Иллур торопит, — напомнил скифский военачальник.

— Да пусть, — обнаглел Ларин, — со своим кровным братом я как-нибудь сам разберусь. А ты наступай, если ждать неможешь.

Осмотрев чуть позже повреждения кораблей, Аргим нехотя согласился. Но ждать все равно не стал.

— Я пойду в сторону предгорий, вдоль берега, затем сверну. Дарданы живут далеко от реки. Так что, быть может, и сам управлюсь. Их земля начинается вон за тем хребтом, —

указал Аргим на поросшие лесом возвышенности, лежавшие всего нескольких днях пути по левую руку от Истра.

— Так это близко, — удивился Ларин, — а в гости они к нам не наведаются?

— Нет, — уверенно сообщил Аргим, — вчера гонец был от Иллур, сообщает, что македонцы атаковали города и крепости дарданов с юга. Так что у них сейчас забот хватает и без нас.

— Ну наконец-то, — повеселел адмирал, — нарисовались, союзнички.

— Ты продвигайся вперед вдоль берега. Шли гонцов, — продолжал наставлять Аргим, — Если что, иди по моим следам. Меня быстро найдешь.

— Да уж, не сомневаюсь, — кивнул Леха, вспоминая следы пожарищ, по которым он разыскивал Аргима в землях трибаллов, — твои следы далеко видать.

На том и расстались. Аргим отрядил часть солдат для охраны захваченного Сирмия и еще пары крепостей помельче, чтобы обозначить присутствие в бывших землях трибаллов. Леха пехотинцев не дал. После затянувшихся сражений у него уже ощущалась нехватка не только морпехов, но и самих моряков и даже гребцов. Поэтому, подлатав корабли, бравый адмирал снова вывел их на просторы Истра.

Несколько дней все шло хорошо. Изрядно потрепанная флотилия скифов продвигалась вверх по течению реки, немного сдвинувшей берега под натиском нарождавшихся с обеих сторон гор. Новостей от Аргима не было. И когда на третий день Ларин заметил впереди небольшую сожженную крепость, то решил остановиться здесь и подождать гонца, который не замедлил появиться буквально на следующее утро.

Разыскал он стоянку скифского флота быстро. Это было самое удобное для нее место. Невдалеке от возвышавшейся над рекой крепости имелась удобная стоянка для судов — протяженный пологий берег. Здесь также начинались сразу две дороги, уходившие в сторону глубинных земель дарданов. А кроме того, как вскоре выяснили разведчики, за следующим изгибом Истра имелись многочисленные острова, а между ними мели, так что при желании можно было переправиться даже вброд.

— Аргим напал на дарданов и ведет жестокие бои, — поделился Ларин информацией с верным Токсаром, который вышагивал с ним рядом во время осмотра обугленных стен крепости, — его продвижение немного замедлилось, но наше участие пока не требуется. Вот и отлично. Подождем его здесь.

Адмирал остановился, присматриваясь к остаткам стен.

— И как он умудрился захватить эту крепость? — проговорил Леха, разговаривая больше с собой, чем с Токсаром: — стоит на каменном холме. Берег высокий. Вход и выход только один, по дороге, что ведет вдоль берега. Все просматривается. Обороняться можно долго.

— Наверное, внезапно налетел, — предположил Токсар, рассматривая обугленные, но не выломанные ворота, — не успели подготовиться.

— Ты думаешь, они не слышали о том, что мы целый месяц вели рядом войну, — ухмыльнулся Ларин. — Это вряд ли. Впрочем, какая разница. Переночуем здесь пару дней, а потом, думаю, дальше поплывем.

Но тем же вечером его планы резко изменились. С другого берега Истра, где часто маячила конница Иллур, на лодке переправился гонец, который привез адмиралу приказ немедленно прибыть в ставку к царю всех скифов.

— Лошади и охрана ждут на той стороне, — указал гонец на отряд сопровождения из сотни всадников, что отдыхал в ожидании Ларина, еще не зная о существовании брода.

«Что за спешка такая, — удивлялся адмирал, собираясь в дорогу, — а может, Аргим сообщил, что я не слишком тороплюсь, а Иллур осерчал? Он в гневе ни своих, ни чужих не разбирает».

Леха невольно вспомнил своего предшественника на посту адмирала скифских ВМС. Тот не успел и глазом моргнуть, как был подвешен на рее одного из собственных кораблей за то, что проспал атаку греков. Иллур был скор на расправу. Но его кровный брат до сих пор

избегал таких наказаний. «Ладно, — отмахнулся Леха от черных мыслей и добавил по русской привычке, — авось, пронесет».

Посмотрев на приставшие неподалеку к берегу корабли, решил, что воинство следует чем-то занять, чтобы не расслаблялось.

— Токсар, — подозвал Ларин своего помощника, — пока я в отъезде, займись восстановлением крепости. Стены поднови, ворота новые поставь. Не ровен час дарданы объявятся на берегу, будет, где пересидеть.

И добавил уже менее уверенно.

— А я скоро.

Путь до ставки Иллур, что находилась в глубокой степи, оказался неблизким. В сопровождении сотни присланных царем всадников — своих он не стал снимать с кораблей — Леха прискакал к месту расположения ставки только через неделю, проведя ее в седле. Отряд въехал на территорию огромного, раскинувшегося не несколько километров лагеря, на седьмой день уже под вечер. С непривычки, адмирал ужасно устал и решил немного отлежаться в шатре. Благо сам Иллур тоже был в отъезде. Как сообщил Лехе один из знакомых сотников, царь осматривал только что взятую столицу гетов, что находилась в дне пути отсюда.

— Значит, победа? — уточнил Ларин, узнав, что столица гетов пала.

— Почти, — кивнул сотник, — сарматы отогнали несколько тысяч оставшихся после сражения гетов к самым горам, где и добьют, если те не уйдут в верховья Истра.

— Сарматы? — переспросил Леха, напрягшись, — значит, амазонки обошли горы и уже соединились с войсками царя?

— Да, — подтвердил сотник, — вместе с корпусом Арчоя воительницы Оритии уже две недели как прибыли в ставку. Правда, путь у них вышел не легкий, полегла половина армии.

— А кому сейчас легко? — вслух пожаловался адмирал, вспомнив о своих потерях.

Но про себя подумал о другом: «Интересно, жива ли Исилая?»

При этом Ларин неожиданно поймал себя на мысли, что огорчился бы, если услышал бы утвердительный ответ. Закончив расспросы, он отпустил сотника и сам отправился отдыхать с дороги. Хотя как следует прийти в себя ему так и не удалось. Едва он задремал, как его разбудили.

— Царь прибыл и требует к себе, — сообщил воин, появляясь в юрте из темноты, словно призрак.

— Сейчас буду, — ответил Ларин.

Он надел с помощью бойца доспехи и выполз из юрты. Остановился, осматриваясь спросонья. Леха ожидал увидеть кругом только мрак, но узрел огни костров бесконечного лагеря, полыхавшие повсюду. Жизнь здесь бурлила даже ночью. То и дело мимо юрты адмирала проносились отряды всадников. Во всем чувствовалось бодрая суeta, что возникает в лагере, когда главный враг разбит. А в том, что полчища гетов были в этом течении Истра самым сильным и многочисленным противником, сомневаться не приходилось.

Вскочив на коня, Леха проследовал за посланником Иллур и был у шатра царя спустя пару минут. Его кровный брат жил в самом центре циклопического стойбища, вмещавшего, бог знает сколько тысяч воинов. У его шатра тоже царила суeta. Еще подъезжая, адмирал заметил три отряда гонцов, ускакавшие от шатра в разные стороны. И еще троих посыльных, ожидавших своей очереди. Но адмирала охранники пропустили сразу, не заставив томиться в ожидании.

— Ну здравствуй, Ал-лэк-сей! — при появлении бравого адмирала Иллур выпроводил из шатра своих советников, шагнул к нему и приобнял, — давно тебя не видел, брат.

Леха ответил на приветствие. А когда увидел, что Иллур находится в прекрасном расположении духа, у него отлегло от сердца. «Казнить пока не будут, — решил он, заметно повеселев, — значит, что-то другое у него на уме».

— Слышал, слышал, как ты взял Сирмий, молодец! — похвалил кровный брат, присаживаясь на скамью, у столика с вином и фруктами, ставшего постоянной

принадлежностью юрты Иллур, через которую гости шли непрерывным потоком, — давай выпьем вина за твой успех.

— Да что я, — отмахнулся Ларин, но взял наполненную чашу и отпил едва ли не половину, — Ерунда. Вот ты, говорят, уже всех гетов к ногтю прижал?

Лесть попала в цель. Иллур самодовольно усмехнулся.

— Ну еще не всех, — кивнул он, погладив бороду рукой, — но хребет этому племени я сломал. А главный город сжег дотла, чтобы и памяти о нем не осталось. Долго геты не хотели приходить в покорность. Но теперь на этой земле будут жить только скифы, и те, кто им служит, а все остальные станут рабами.

От этих воспоминаний Иллур вдруг стал серьезным, замолчав ненадолго. Лехе передалось его настроение.

— Палоксая мы разбили, как ты знаешь, — заметил адмирал неожиданно для себя, — а вот Иседон сбежал.

Ларин провел рукой по кожаным полосам, свисавшим из-под чешуйчатого нагрудника.

— Никогда себе этого не прощу, ведь он был рядом, — сокрушался морпех, — я его почти взял. Одного дня не хватило. Скрывается теперь где-нибудь у греков. Кстати...

Ларин внезапно вспомнил о допросе пленного казначея.

— Когда Тернул брали, попался мне в руки один интересный человек. Казначей Иседона.

— Да, его золото Аргим мне уже прислал, знатная добыча, — подтвердил Иллур, откусывая от спелого яблока, — получишь свою долю после похода. А самого Иседона мы найдем и предадим смерти. Никуда не денется.

— Золото это хорошо, — не стал спорить Ларин, — и за Иседона спасибо. Но вот что я тебе хотел сказать. Его казначей мне рассказал, что греки это золото привезли в Тернул, чтобы воины Палоксая воевали с нами.

Леха помолчал, облизав губы.

— Кто знает, — добавил он, — если б не то золото, может, и воевать бы не пришлось.

— Воевать все равно пришлось бы, — «успокоил» его царь скифов, казалось, совсем не обескураженный новостями о заговоре, — что сказал тот пленник? Кто прислал золото?

— Даже под страхом смерти он не признался, — развел руками Леха, — говорит, что прислали издалека и греки только посредники. Так что, кто воду мутит не понятно. Вот если бы Иседона найти, тогда мы все бы и узнали.

— Ладно, — взмахнул рукой Иллур, разрешая своему адмиралу прекратить этот напряженный разговор, — рано или поздно, я узнаю, кто натравливал на меня родню по крови. Сейчас это уже не важно, мы все равно захватили побережье Истра. Палоксай мертв, и эти земли мои, как и земли гетов. Так что сегодня позабудем о заботах и станем пировать. Я приказал устроить праздник по случаю нашей победы.

Лицо Ларина просветлело: выпить адмирал любил.

— Пировать будем три дня подряд, — развил свою идею Иллур, — а потом ты вернешься на берега Истра и построишь там мощный лагерь, от которого до моей ставки и границы с македонцами будет равное количество дней пути.

Леха, уже предвкушавший веселье, вновь напрягся. Кровный брат, как бы невзначай, уже диктовал ему план новой военной кампании.

— Свою ставку в земле гетов я пока оставляю здесь, недалеко от их старой столицы. Место они выбрали верное. А как построишь лагерь, в котором можно пересидеть осаду,крепишься на этих берегах, то двинемся навстречу македонцам. Вчера был у меня их посол. Торопит.

— Вот еще, — фыркнул Ларин, услышав про посла, и ненароком влез в международную дипломатию, — подождут. Я столько солдат положил, чтобы пробиться по Истру до пограничных с ними земель, что они давно могли бы сами к реке выйти.

— Что воинов потерял много, знаю, — успокоил его скифский царь, — не зря те воины пали. Я дам тебе новых, с которыми ты выполнишь все, что я тебе наказал. Лагерь этот

станет нашей крепостью в том месте, так как выше по реке, туда, где живут скордиски,⁷ мы пока не пойдем. Ни к чему. Надо сперва эти земли занять да наладить здесь жизнь по скифским обычаям.

— А как же побережье? — удивился Ларин, внезапно поняв, что Иллур не собирается двигаться дальше по реке, — мы же, вроде, об этом с Ганнибалом договорились?

Иллур нахмурил брови, а глаза его метнули молнии в кровного брата. Царь скифов прощал ему много вольностей, но даже он не любил, когда ему напоминали о данных обещаниях. Поняв это, Леха вновь забеспокоился о своей судьбе.

— Я помню свои клятвы, Ал-лэк-сей, — вернул на место «расслабившегося» адмирала Иллур, но, увидев, что Ларин «осознал свои ошибки», снисходительно пояснил, — к побережью мы выйдем через земли Филиппа, разгромив дарданов. Отсюда наш путь лежит не вверх по Истру, а на юг, через горы.

— Значит, я останусь в лагере с флотом? — не утерпел Леха, решивший теперь, что для него война закончена.

— Нет, — ответил кровный брат, усмехнувшись. — Как только ты закончишь строить лагерь, то оставишь флот на помощника, а сам со мной отправишься в Македонию. Кое-кто просил именно тебя отправить послом к Ганнибалу, прежде чем я ударю по иллирийцам.

Услышав это, Леха вновь просиял.

— Так у меня уже и место есть на примете, — выпалил он. — Честно говоря, я уже даже начал его строить. И брод рядом имеется подходящий, можно армию быстро переправить.

На этот раз удивился сам Иллур, услышав о такой прозорливости своего кровного брата. Но больше разговор к войне не возвращался. Выпив в шатре царя еще кувшин вина, Леха покинул его, отправившись к себе в надежде провести спокойно хотя бы одну ночь, чтобы набраться сил перед затяжным праздником. Но не тут-то было.

Не успел он отъехать от юрты кровного брата, как повстречал отряд амазонок, спешивших к тому с докладом. И, как назло, предводительницей этого отряда была не кто-нибудь, а именно Исиля.

— Постой, скиф! — бодро окликнула его хозяйка Еректа, осаживая коня. — Куда ты так спешишь?

Леха придержал своего скакуна, невольно испытал двойственное чувство: досаду оттого, что не смог улизнуть незамеченным, и радость оттого, что амазонка осталась живой, после стольких сражений.

— Я не видел тебя, Исиля, — стал оправдываться скифский адмирал, развернув коня в сторону десятка амазонок с факелами в руках, сопровождавших свою хозяйку, — но мне надо ехать. Иллур отдал приказ, который я должен немедленно выполнить.

Исилю было нелегко обмануть.

— Приказ царя — закон, — кивнула она, тряхнув гривой своих длинных волос. — Но мы победили, а завтра у нас пир. Неужели Иллур не позволит тебе разделить с нами плоды победы, ведь ты, как я слышала, тоже отличился в сражениях?

«Она еще и следит за мной», — подумал Ларин, но сил возмущаться у него не было. Бравый адмирал просто валился с лошади от усталости.

⁷ В начале III в. до н. э., в период очередной волны переселения народов, на Балканы вторгаются полчища кельтов. Племя кельтов-скордисков обосновалось по берегам реки Моравы. Другие расселились у впадения в Дунай реки Саввы, недалеко от города Сингидуна (современный Белград). Племена, продолжившие свое движение на юг, были остановлены только греками. А племя галатов даже переправилось в Малую Азию и основало там собственное государство Галатию.

Что касается племени кельтов-скордисков, то в течение II—I вв. до н. э. они во многом смешались с побежденными народами. Однако в своем развитии кельты опережали фракийцев и иллирийцев. Они развивали металлургию, чеканили собственную монету и строили города. Географ Страбон упоминает Георту и Капедун. Все это привело к более тесным контактам племени скордисков с близкой Македонией. Скордиски часто служили наемниками в македонской армии.

Скользнув взглядом по лицу улыбавшейся в отвесах факелов воительницы, Леха смирился с судьбой, поняв, что бороться бесполезно. А кроме того, он вспомнил о странном разговоре с Зараной, которая уже давно приняла Исилею как свою хозяйку. Вот только амазонка еще об этом не знала.

— Я остановился на западной окраине лагеря, — устало проговорил адмирал, — ты легко найдешь мою юрту, где я буду ждать тебя до рассвета.

Ничего не сказав, Исилея хлестнула коня и ускакала по направлению к юрте Иллур. Но Леха успел заметить радостное выражение на ее лице. Амазонка напомнила ему сейчас своим видом хитрую кошку, которая умеет добиваться своего любым способом.

Леха едва успел доехать до места назначения и сойти с коня, как Исилея ворвалась в его юрту следом, словно ураган, отбросив нерасторопного стражника, который попытался перекрыть ей доступ к телу адмирала.

Потом они сорвали друг с друга доспехи и предалися страсти, от которой у адмирала быстро прошла вся накопленная усталость. Но следом навалилась новая, смешанная со сладкой истомой.

Когда он на утро проснулся, то обнаружил себя в полном одиночестве. И некоторое время соображал, не привиделась ли ему вчера ночью хозяйка Еректа. Однако измученное любовными утехами тело подтвердило, что не привиделась. И Леха снова провалился в сон, полный приятных сновидений. А когда после полудня выбрался-таки на свет божий, выспавшимся и отдохнувшим, то пир победителей гудел уже по всему лагерю. Сделав всего несколько шагов, скифский адмирал был захвачен этим водоворотом всеобщего веселья и быстро утонул в пьяном угаре.

Глава тринадцатая

Неожиданный ход

Новое утро в Таренте застало друзей по дороге в порт. Со стороны можно было увидеть, как греческий купец торопливо пробирается по улице, обходя повозки и многочисленных прохожих, то и дело оглядываясь назад. Туда, где за ним, буквально в двух шагах, следовали слуги. Самый здоровый из них тащил на плече мешок, который не доставлял ему особых хлопот, поскольку в нем было обычное тряпье.

— Возьми этот мешок, — приказал чуть ранее Федор своему другу из Утики, — набей чем-нибудь легким. Дотащишь до порта. А то, какие мы слуги без поклажи? Можем вызвать подозрения легионеров.

Летис набил мешок тряпьем и вскинул на плечо. На себя друзья надели еще по одному длинному хитону, что нашлись в чулане Сандракиса. Так было немного жарко, зато за поясом в складках одеяния можно было спрятать широкий нож. Летис с большим удовольствием прихватил бы багор, но Чайка запретил.

Федор, шагавший позади купца, понимал, отчего тот так нервничает. Он был свободен, руки и ноги не связаны и мог бы попытаться убежать, если бы захотел. Но, перед выходом, засовывая нож за пояс, Федор предупредил.

— Смотри, я иду сзади, если что — не промахнусь.

Сандракис кивнул. Сына своего он не любил, а эти карфагеняне уже надоели ему так, что он действительно готов был, позабыв про него, броситься в бега при первом же удобном случае. Однако не решался. Он видел, что командир финикийцев отлично понимает его страхи. И оттого ненавидел его еще больше.

Двигаясь по направлению к близкому порту сквозь пеструю толпу, Чайка присматривался к окружающему опытным взглядом военного, отмечая, сколько патрулей на улицах, сколько баллист на стенах, можно ли на них взобраться. А когда они вышли на площадь, что оканчивалась набережной, то собственными глазами узрел бесконечный лес мачт и едва удержал вздох.

Акватория Тарента была, как и в те времена, когда он служил новобранцем, разделена

на две части. В первой, стояло несколько зерновозов и других «грузовиков», из трюмов которых рабы непрерывно выгружали какие-то тюки. Сюда они и стремились.

А слева, чуть в стороне, в отгороженной от моря высоким земляным молом гавани, выстроились десятки квинкерем со спущенными парусами, — судя по всему, те самые боевые корабли, что привел с собой Марцелл, явившись в этот город. Кроме них у причалов ждали своего часа пятнадцать хищных триер и еще десяток бирем. Вся эта военная мощь, призванная охранять Тарент с моря, с берега сама была защищена многочисленными постами римлян. А, кроме того, вход на военный причал происходил через до боли знакомые ворота, за которым виднелись бараки морских пехотинцев, где Федор провел не один месяц службы. Бараки, примыкавшие торцом к скалам, были отделены от остального порта каменной стеной и крепкими воротами, у которых постоянно маячил десяток охранников в доспехах, со щитами и мечами. Серьезное препятствие, не говоря уже что там, за стеной, где виднелась мощеная камнями набережная, в бараках было расквартировано несколько манипул морских пехотинцев. Но штурмовать эти укрепления втроем Федор и не собирался. Тут нужен был хороший план. Такой, чтобы сработал с первого раза, поскольку второго не будет.

Прикидывая свои шансы, он начинал понимать, что убить здесь Марцелла своей рукой, как бы ему не хотелось, вряд ли удастся. Римский военачальник наверняка не разгуливает по городу без охраны. И, даже если им случится пересечься где-то на узких улицах Тарента, то римлянин будет окружен толпой легионеров, и подобраться к нему будет невозможно. Конечно, есть методы, но все будет зависеть от стечения обстоятельств. А вот крепко насолить сенатору, спалив хотя бы часть прибывшего флота, он имел шанс, который неожиданно возник с появлением новостей о корабле Сандракиса.

Федор задумал использовать его как брандер, — поджечь и направить на пришвартованные друг к другу квинкеремы. В случае удачи урон мог быть колоссальным. Однако, было одно но. Даже если ему удастся подобраться к кораблям и осуществить свой план, — из этого рейда вряд ли кто-нибудь вернется живым. В море не уйти, не на чем, да и догонят. А весь берег усыпан римскими постами. Даже если добраться до него вплавь, то сразу угодишь в руки к легионерам. И тогда уж точно свидишься с Марцеллом, но не совсем так, как хотелось. Вот старик порадует. Федор, однако, не спешил доставить ему такого удовольствия.

«Думай, Федя, думай, — напрягал он себя, разглядывая второй мол, что отделял купеческую гавань от военной, — нужен такой план, чтобы выбраться отсюда. У меня ведь только жизнь начинается, жена с ребенком ждет обратно. Надо выжить».

Но единственный путь, которым можно было провести корабль в военную часть гавани, был виден всем, — отчалить от пристани, довести корабль до конца разделительного мола, обогнуть его и направить через всю гавань на выстроенные рядом квинкеремы. За время осуществления этого маневра его раз десять могли перехватить биремы охранения, не говоря уже о том, что на всех квинкермах стоят баллисты, способные за пару залпов превратить любой торговый корабль в решето.

«Ночью, — вдруг пришло озарение, — это надо делать ночью. Только тогда будет хоть какой-то шанс уйти».

Конечно, гавань охранялась круглосуточно, однако, это был уже другой вопрос. Если сумеет выйти в море, то баллисты будут ночью не страшны, а заметят их только тогда, когда они уже будут близко. Огонь можно зажечь в последний момент. «Эх, — вспомнил Федор свою прошлую жизнь в двадцатом веке, — был бы у меня торпедный катер, пара залпов — и нет никакого флота». Но прошлая жизнь, призраком висевшая за плечами, ничем не могла ему помочь. И все же Чайка верил в свою счастливую судьбу.

В огромном порту, куда они наконец пришли, толкалось множество людей. Шум стоял невообразимый. Продавцы в пестрых одеждах торговались с покупателями прямо на пирсе. Сандракиса, а иногда Федора и его друзей все время кто-то хватал за руки, пытаясь всучить свой товар. Грузчики из рабов разгружали пришвартованные корабли, перетаскивая на берег

тюки и амфоры. Рассекая толпу на части, то и дело лениво прохаживались римские легионеры в рыжих кожаных панцирях, следившие за порядком и собиравшие мзду. В общем, жизнь кипела, как будто никакой войны вокруг и не было.

Когда до пирса, у которого было пришвартовано сразу два похожих корабля, оставалось всего пятнадцать метров, Сандракис в очередной раз остановил какой-то купец. Пока он разговаривал с ним по-гречески, с боку приблизился римский опцион с четырьмя легионерами. Федор вздрогнул, осторожно положив руки на пояс. Терис и Летис замерли за его спиной. Скользнув быстрым взглядом по лицам опциона и легионеров, знакомых Чайка не увидел, и немного расслабился.

— Эй, Сандракис, — плотоядно ухмыляясь, опцион обратился к купцу по-латыни, нисколько не беспокоясь о том, что тот уже ведет разговор, — твой корабль уже двое суток как прибыл, а смола до сих пор не разгружена. Почему? Наш квестор уже начал беспокоиться. А он не любит, когда его беспокоят. Особенно, когда речь идет о расчетах за материалы, необходимые для строительства новых кораблей. Рим ведет войну и не может ждать.

— Прошу простить меня, — грек согнулся в поклоне, — я только вчера прибыл из поездки. Я накажу капитана за нерасторопность и сегодня же все решу.

— Смотри у меня, — заявил опцион, подбоченясь, — если ты к завтрашнему дню не перегрузишь товар на наши склады, то я лично заставлю тебя таскать бочки со смолой.

— Я успею, — еще ниже согнулся Сандракис.

— Так-то, — назидательно проговорил опцион и удалился сквозь толпу, выискивая себе новую жертву.

Сандракис проводил его долгим взглядом и, быстро закончив разговор с другим купцом, поднялся на пирс. «Слуги» последовали за ним. Оттуда грек, пройдя по сходням, быстро взобрался на борт одного из грузовых кораблей, корпус которого вытянулся вдоль пирса метров на двадцать. Это судно имело одну мощную мачту и небольшое строение на корме. В центре палубы виднелся открытый трюм, из которого поднимались смоляные запахи. Заглянув туда, Федор увидел несколько широких бочек и сложенные вдоль корпуса стволы не то сосен, не то кедра. Навстречу им бросился низкорослый парень, никак не походивший на капитана, скорее на юнгу.

— Где Каполидис? — спросил купец на своем языке, но смысл вопроса был понятен.

Парень пробормотал что-то скороговоркой в ответ, указав в ту сторону, откуда они пришли.

— Капитана сейчас нет, — с раздражением перевел купец, — но обещал скоро вернуться. Наверное, сидит в каком-нибудь портовом кабаке, дожидаясь меня. Здесь только двое матросов.

— Отлично, — кивнул в ответ Федор, разыскав глазами второго чумазого парня, постарше, который вылез из трюма, — пусть там и сидит. Если заявиться, дай ему пару монет и отправь обратно. Этих, кстати, тоже отправь на прогулку до завтра. И главное — не вздумай разгружать корабль.

— Но римляне... — попробовал протестовать Сандракис.

— Римляне подождут, — отмахнулся Чайка, — твой корабль мне нужен больше.

— Что ты собираешься с ним сделать? — задрожал грек, которого охватило нехорошее предчувствие.

— Использовать наилучшим образом, — туманно ответил Федор и указал для пущей убедительности, — я оставлю с тобой вот этого здоровяка. Когда вернется капитан, ты сделаешь все, как я говорю, и вместе с ним вернешься домой, где дождетесь меня.

— А кто останется на корабле? — задал резонный вопрос Сандракис.

Федор немного подумал.

— Верно, — согласился он, — значит, будете ждать меня здесь.

Затем он спустился в трюм и осмотрел груз. Бочек было шестнадцать штук, выставленных в два ряда посередине корпуса. Справа и слева лежал строевой лес. Судя по

всему, это был кедр. Чайка не очень разбирался в древесине, но сосну мог отличить от других деревьев. В трюме лежала не она. А кедр, как он помнил, ценился гораздо дороже. Сами финикийцы строили свои корабли в основном из ливанского кедра. Правда, Сандракис утверждал, что торгует с луканами. Растет ли у них кедр, Чайка не знал. Впрочем, для задуманного дела это не имело никакого значения.

«Жаль сжигать такой дорогой материал, — усмехнулся Федор, вылезая наружу по специальной лестнице, — но чего не сделаешь для победы». Увиденное его вполне удовлетворило, если удастся все это поджечь и раскошегарить к моменту столкновения с бортом римского корабля, то пожар должен был выйти первостатейный. Дело оставалось за малым. Надо было продумать детали, а сроки нарисовались сами собой. Если кораблем заинтересовались римляне, то действовать придется сегодня ночью. Раскачиваться некогда. Марцелл и Памплоний отходили на второй план. «Но если даже одна эта идея сработает, — размышлял Федор, направляясь на корму, где у рулевого весла стояли Сандракис, Летис и Терис, — то Ганнибал мне все простит, даже если узнает».

— Останешься с греком на корабле, — объяснил Чайка задачу своему другу, отводя его в сторону, — постережешь его, пока он отошлет отсюда всю команду. Мы с Терисом пройдемся по городу, надо кое-что прикупить. К вечеру вернемся сюда.

— Если что, — Федор умолк на мгновение, обводя взглядом запруженную народом площадь, которую то и дело пересекали римские патрули, — аккуратно разберись с купцом и пробирайся к его дому. Встречаемся там. Да поможет нам Баал-Хаммон.

— Понял, — кивнул Летис, которому приходилось оставаться в одиночестве, — и вы там поосторожнее.

Покинув корабль, два простолюдина с видом отправленных по делам слуг бодро зашагали вверх по улице.

— Куда мы сейчас? — поинтересовался Терис.

— На рынок, — решил Федор, — надо подготовиться к вечерней прогулке.

Терис не стал задавать лишних вопросов. Вот за это Федор и ценил своего адъютанта — паренек был сообразительный.

Когда площадь у набережной закончилась, и начались жилые строения, Федор остановился, пытаясь сориентироваться. Немного покопавшись в памяти, он вспомнил, где находится рынок, и увлек Териса за собой. Нужно было чуть подняться по улице, на которой они стояли, потом два раза свернуть, и рынок должен был оказаться перед ними. Здесь можно было купить все, от еды до оружия, которое легионер Федор Тертуллий Чайка в прошлом именно там и покупал.

Шагая по улицам Тарента под видом работника, Федор невольно проникся воспоминаниями и стал разглядывать дома и храмы, выстроенные здесь во множестве. Постепенно он распрямил плечи и зашагал боле уверенно, словно находился на территории финикийского города. «Впрочем, — подумал он не без оснований, — скоро он сам таким станет».

Город был богат, это сразу бросалось в глаза. И война, казалось, ничуть не мешала этому. Дома в центре были в основном каменные и многоэтажные. На глаза Федору часто попадались особняки в греческом стиле с колоннами у входа и портиками. Обилие фонтанов и статуй изумляло. Некоторые дома окружали сады для отдыха. Дом Сандракиса, надо сказать, выглядел гораздо проще, хотя он и был греком. Как-то откровенно по-купечески, без изысков, как у разбогатевшего мужика.

Вдоль многих улиц во множестве были высажены кипарисы, превращавшие их в тенистые аллеи. По дороге к рынку, смешавшись с людским потоком, они миновали несколько храмов. А у последнего застали какую-то процессию, там явно шел обряд жертвоприношения. «Наверное, молятся, чтобы римские боги избавили их от Ганнибала, — подумал Федор, проходя мимо горожан, одетых согласно обычаю, — ничего, не помогут вам римские боги. Скор Ганнибал будет здесь».

Вскоре они оказались у входа на знакомую широкую площадь, где располагался

огромный рынок. Шум здесь стоял еще больший, чем в порту. Сразу у входа Федор увидел многочисленные лавки с одеждой и обувью, но желания переодеться у него не было. «Впрочем, — остановился он все же у одной из лавок, — чтобы удобнее носить с собой оружие, не помешал бы какой-нибудь плащ, да и мешок нужен».

— Зайдем, — сказал он Терису, спускаясь по ступенькам в полуподвальное помещение.

Минут через двадцать они вышли наружу, облаченные в простые серые плащи, перехваченные бечевкой у шеи и ниспадавшие до колен. Несмотря на жаркую погоду, Федор решил их приобрести. Под таким плащом можно было скрыть меч средней длины, а если понадобится, даже короткий лук. В одной из следующих лавок Чайка купил все необходимое для изготовления факелов и разжигания огня, расписав продавцу, что его хозяин хочет лучше осветить свой дом и сад. Впрочем, объяснения были излишни, продавца ничуть не интересовало, зачем двум слугам понадобилось все это. Толстый низкорослый римлянин с круглым и красным от жары лицом принял их за глупцов, очень удачно заглянувших к нему, ведь в соседней лавке торговали готовыми факелами. Он даже присовокупил к купленному отличный мешок, не забыв стребовать с Федора несколько лишних монет.

Расплатившись римскими деньгами, которых у Чайки с собой был целый кошелёк, они вновь оказались в бурлящей толпе. К счастью, бдительный центурион Лутаций не отобрал деньги у Федора на въезде. Ему и в голову не могло прийти, что слуга Сандракиса таскает под туникой такое богатство.

Изъяснялся Чайка со всеми по-латыни. Он знал и несколько фраз по-гречески, но так было проще. Меньше подозрений.

Прищурившись на солнце, Федор раздумывал, где бы ему теперь купить оружие, так, чтобы не столкнуться с легионерами, болтавшимися здесь во множестве. Нужна была, как минимум, пара мечей. Вдруг он заметил у лавки напротив странного человека. Вернее, человек был самый обычный, одет как зажиточный горожанин, но Чайку смутила не одежда римлянина. Понаблюдав немного за тем, как тот двигается, переходя от лавки к лавке, и беседует с торговцами, Чайка вдруг уловил знакомое движение плеч и рук, явно виденное им уже ранее. И не один раз. Человек показался странно знакомым Федору, а между тем его длинные до плеч волосы, скрывавшие лицо, и то, что он стоял почти спиной к Чайке, не позволяли опознать его.

Несколько минут Федор не трогался с места, продолжая наблюдать. А когда неизвестный на короткое мгновение обернулся, обратив к нему скуластое бородатое лицо, и на миг встретился с ним взглядом, а затем скрылся в толпе, словно удар молнии, Федора пронзила догадка — Ганнибал! Этот хищный блеск глаз было ни с чем не спутать.

«Неужели он тоже пробрался сюда? — озадачился командир двадцатой хилиархии вопросом, на который не имел ответа, когда незнакомец уже скрылся в неизвестном направлении, — но зачем ему это?»

И тут услужливая память подсказала кое-что. До Федора как-то доходили слухи, что вождь финикийцев тоже любил иногда переодеваться и сам проникал в осажденные его армией города, но до конца Чайка поверить в это не мог. Ему казалось, что такой театр людям уровня Ганнибала просто ни к чему. «Ну а я тогда зачем здесь оказался? — поймал себя на предательской мысли. — Сидел бы себе в лагере, вино пил да недели считал. То-то же! Значит, возможно все».

— Чего мы ждем? — поинтересовался наконец Терис, долгое время ожидавший команды с мешком в руках.

— Да так, показалось, — отогнал видение Федор, устремляясь сквозь толпу к другому краю рыночной площади, — идем.

Вскоре Чайка разыскал оружейную лавку на дальнем краю рынка, расположенную в самом невыгодном месте. Глядя на покосившуюся вывеску и почти полное отсутствие народа вокруг, Федор решил, что дела у хозяина шли не очень и он вряд ли откажется заработать пару лишних монет. Легионеров поблизости не было, только мастеровые и рабы.

— Зайдем, — решил Федор.

Внутри лавка выглядела немногим лучше, чем снаружи. Сначала они оказались в полутемном тамбуре, из которого проникли в узкое помещение, перегороженное широким столом, за которым скучал низкорослый толстый грек в серой тунике. Здесь было душно. И хозяин, а это был, судя по всему, он, сильно страдал от жары. То и дело хватая ртом спертый воздух, он проводил по лысине рукой, вытирая пот.

Других посетителей в лаке не оказалось. Федор скользнул взглядом по стенам, на которых были развешаны ножи, мечи и топоры, с первого взгляда определив, что попал туда, куда нужно. Все оружие было посредственного качества. Но для одного раза его вполне могло оказаться достаточно. В дальнем углу Чайка разглядел несколько луков, которыми вооружались солдаты из вспомогательных легионов союзников римской армии.

— Чего желаете? — уточнил хозяин, испустив вздох и с презрением поглядывая на простолюдинов, у которых просто не могло быть денег на дорогое оружие.

— Наш хозяин, купец, — начал издалека Федор, напустив на себя униженный вид, — собирается в поездку за товаром по ничейной земле и хотел бы приобрести оружие, чтобы обезопасить себя от ненужных встреч.

— В поездку? — переспросил грек, — немногие торговцы рискуют сейчас выезжать за стены посуху. Кроме мародеров, там можно натолкнуться на солдат Ганнибала, а от них так просто не спасешься. Вы чьи люди?

Федор заколебался, но выхода не было. Приходилось снова подставлять купца.

— Мы слуги Сандракиса, — ответил он, отвесив небольшой поклон.

— Что-то я тебя не помню, — ухмыльнулся хозяин, разглядывая Федора, который, несмотря на жару, не снимал капюшон плаща, — в прошлый раз он присылал другого человека.

Чайка уже хотел объяснить, что он из новых слуг, но этого делать не пришлось. Когда перед владельцем оружейной лавки замаячила перспектива получить неплохие деньги, он умерил свою подозрительность.

— Впрочем, это его дело, — закончил тот неожиданно свои расспросы, — что вы хотите купить?

— Хозяин послал нас за парой небольших, но хороших мечей, — ответил Федор, оглядываясь на дверь, в которую вошли еще двое покупателей, к счастью, из горожан, — и приказал купить лук со стрелами.

— Подожди здесь, — довольный хозяин лавки отошел в дальний угол и принес оттуда лук с колчаном, из которого торчала дюжина стрел.

— Отличный лук, — добавил он, — сейчас принесу клинки.

Пока хозяин ходил за мечами, Чайка взял лук, натянул тетиву, проверяя на изгиб и прочность. Лук был слабоват. Против скифского, виденного им в последнем плавании, не шел ни в какое сравнение. Но выбирать не приходилось. Стрелу из него можно было выпустить, и на относительно небольшом расстоянии он все же был хорошим оружием.

После одобрительного кивка Чайки, Терис быстро запихал короткий лук и колчан в мешок. Зато мечи, которые вслед за этим принес хозяин лавки, показались Федору едва ли не кривыми. Похоже, пользуясь случаем, хитроумный грек решил сбыть самый залежалый товар.

Чайка поднял один клинок, осмотрел его с двух сторон, повертел в руке и пробормотал, как бы извиняясь, указывая на один из висевших на стене клинков.

— А не покажет ли достопочтимый хозяин вон тот меч.

Проследив за его рукой, грек нахмурился.

— Ты разбираешься в оружии? — спросил он, вновь подозрительно поглядывая на стоявшего перед ним простолудина, — этот меч достоин легионера. И если ты хочешь приобрести его для своего хозяина, то он будет стоить вдвое дороже. Боюсь, у вас не хватит ассов и на эти мечи.

— И все же, — мягко, но настойчиво попросил Федор, — хозяин сказал, что не хочет экономить на своей безопасности. Мы возьмем два таких меча. И еще пару коротких

кинжалов.

— Ну тогда, — просиял хозяин, отходя от прилавка и в уме подсчитывая барыши, буквально свалившиеся на него с неба, чего он никак не ожидал, — пусть будет так. Передайте Сандракису, что у меня он сможет всегда купить самое лучшее оружие.

— Обязательно передам, — отвечал Федор, высыпая на прилавок деньги, и пока хозяин жадно сгребал их, отдал кинжалы в ножнах Терису, который засунул их в мешок, — нам пора.

Едва они отошли от прилавка, как к нему придвинулся другой житель Тарента, заявив:

— Эй, хозяин, я хочу купить крепкий топор.

Вновь оказавшись в полутемном тамбуре, Федор скинул плащ и быстро надел один меч через плечо, а другой велел надеть Терису. Спрятав под плащом оружие, они оглядели друг друга. Меч у каждого был короткий, но широкий, плотно прилегал к бедру. А если его придерживать рукой, почти не заметен. И все же Федор рисковал, разгуливая в таком виде с оружием.

— Клинки для Териса? — догадался адъютант, ощупав потяжелевший мешок.

— Да, — кивнул Федор, запахивая глубже плащ на груди и поднимаясь по ступенькам вверх, — не топор же было покупать. Нам надо еще где-то провести день до вечера.

Глава четырнадцатая Пущенная стрела

Потолкавшись еще на рынке, они купили с собой немного еды, чтобы было чем перекусить вечером. А пока Федор предложил пообедать в харчевне. Неподалеку от рынка они нашли заведение для бедных. Здесь висел кислый запах разносолов и теплый только что выпеченного хлеба. А также пахло копченым мясом и свежей рыбой — Тарент ведь был морским городом.

Харчевня занимала часть дома, где под одной крышей было устроено питейное заведение и баня. Впрочем, как и во многих других местах. Дом стоял на небольшом возвышении, с которого открывался вид на площадь и перекресток больших центральных улиц. Одна вела в порт, а другая — в верхний город. Устраиваясь поудобнее, Федор дважды увидел, как по ним проезжали римские конные патрули.

Забившись в угол, откуда был виден перекресток, командир двадцатой хилиархии обвел взглядом помещение. Благодаря низкому потолку и множеству балок, соединенных перегородками в человеческий рост, оно казалось разделенным на отдельные кабинеты. Хотя на самом деле практически не имело стен. Встав, можно было насквозь пройти весь кабак, забитый сейчас матросами и подмастерьями, и оказаться на другой улице, где было не протолкнуться от телег и огромных корзин.

Скинув поклажу у низкого стола, Терис присел на лавке, тоже осматриваясь. С двух сторон их стол от любопытных взглядов закрывали массивные балки и перегородка, так что можно было сидеть относительно спокойно, не бросаясь в глаза даже с клинками под одеждой. Шумевшие со всех сторон пролетарии⁸ не обращали на них никакого внимания.

— Вина и рыбы на двоих, — приказал Федор, чуть ослабляя ремешок плаща на шее, когда перед ним возник хозяин, упитанный здоровяк от которого за версту пахло луком, — а также сыра, хлеба и всего, что полагается добрым гостям.

— Хорошо, — ответил хозяин, — но вино нынче дорого. Проклятые карфагеняне окружили нас со всех сторон, и редко кто теперь пьет его вдоволь.

— Я знаю, — отмахнулся Федор, придерживая ножны, — все равно неси. Монета у нас водится.

⁸ Римское общество согласно древнему закону Сервия Туллия делилось на пять классов в зависимости от имущественного ценза. Пролетарии были пятым, самым малоимущим.

— Будет сделано, — радостно подмигнул Чайке кабатчик и, покачнувшись, отправился на кухню, откуда тотчас донесся его бас, раздававший указания слугам. Федору показалось, что хозяин уже немного пьян с утра.

— Что будем делать дальше? — деловито уточнил Терис, когда им принесли вина и сыра с оливками.

— Вечером мы проберемся на корабль Сандракиса и выйдем в гавань, чтобы поджечь римский флот, — размышлял вслух Федор, — а пока надо бы разузнать, где у римлян штаб, хочется посмотреть, как устроился Марцелл.

Помолчав немного и выпив первую чашу кислого вина, — хозяин подсунул-таки самый дешевый товар, зараза, — Чайка добавил, продолжая размышлять.

— Хотя какой от этого толк. Все равно к нему будет не подобраться, времени не хватит да и сил. А сам он ко мне в гости не приедет. Так что перекусим, а потом пойдем к дому купца, там подождем до вечера. Все, что нужно, у нас уже есть. Главное — сегодня ночью устроить римлянам хороший праздник огня, а потом выбраться из города.

— А кто будет управлять кораблем? — задал наводящий вопрос Терис.

— Всех матросов и капитана мы прогнали. Но я сам умею немного управлять парусами, — вспомнил Федор свои подвиги на море в этой и прошлой жизни, — а что, у тебя есть опыт?

Выяснилось, что Терис, хотя и прожил всю жизнь в горах, тоже умеет ходить под парусами.

— Я несколько раз бывал в море с отцом. Давно, когда мы еще торговали в Генуе, — пояснил он в ответ на удивленный возглас Федора, и не подозревавшего о том, что его адъютант обладает таким талантом, — так что, могу пригодиться.

— Ну тогда, брат, — снизошел до панибратства командир двадцатой хилиархии, — корабль поведем мы вдвоем. А Летис будет ждать нас в доме купца с ним самим и готовыми повозками. Если повезет запалить римлян и убежать от них, той же ночью постараемся выбраться из города. Тем же образом, как и прибыли, «сработаем» под слуг Сандракиса, который вдруг внезапно решил отправиться за новой партией вина. Оно же здесь действительно в хорошей цене.

Сказав это, Чайка отпил новый глоток отвратительного кислого пойла, подсунутого им под видом хорошего вина, и сморщился. Местный хозяин понятия не имел, что человек, сидевший в лохмотьях с другом в самом темном углу харчевни, пил такие вина, что ему и не снились. Но шума Федор поднимать не стал. Ни к чему он сейчас. До вечера надо вести себя тихо. А вечером шума, если поможет Баал-Хаммон, будет больше, чем нужно.

— В общем, пока римляне будут оцеплять гавань и ловить нас, мы проскользнем к дому купца и немедленно попытаемся выехать из Тарента. Может быть, нам повезет. А если нет...

Федор вдруг замолчал. Но Терис и так все понял. Не первый год этот генуэзский паренек воевал с ним вместе. Заметив краем глаза какой-то неестественно яркий блеск, Чайка, обернувшись в сторону, вдруг увидел, что из верхнего города к перекрестку по зажатой домами улице спускается большой отряд римской конницы. Человек сто, разделенных на три турмы.⁹ Обеденное солнце играло на шлемах всадников, кольчугах и копьях с заостренным подтоком. Круглые щиты — «Парма эквестрис», как тотчас подсказала Федору цепкая память, — висели сбоку от седла, придерживаемые рукой. Эта «расслабленная» от жары конница медленно двигалась вниз и скоро оказалась на перекрестке, натолкнувшись на заграду из толпы. Здесь движение приостановилось, потому что два римских военачальника, передвигавшиеся впереди отряда, вдруг заспорили, какой дорогой дальше ехать, прямо или все же свернуть направо в обход расположенного

⁹ Конница в римском легионе составляла 300 человек и делилась на 10 турм (подразделений) по 30 человек в каждой.

неподалеку рынка.

Старший по званию — невысокий коренастый военачальник что-то резко говорил, а второй ему осторожно возражал, но вскоре перестал это делать, замолчав. Старший офицер махнул рукой, и римляне начали медленно поворачивать направо, разгоняя конями толпу.

Разговор происходил не больше чем в пятидесяти метрах от столика, за которым расположились на отдых финикийцы, но из-за шума вокруг Чайка ничего не расслышал, зато имел отличную возможность рассмотреть римских военачальников. И когда он это сделал, то волосы зашевелились у него на голове. Старшим командиром был не кто иной, как сам Марцелл.

— Вот это удача, — пробормотал Федор и, резко обернувшись к Терису, смотревшему в ту же сторону, прошипел, — а ну-ка, дай мне лук!

— Как, — пролепетал Терис, оглядываясь на буянивших за перегородкой посетителей харчевни, — вот так, прямо отсюда?

— Быстро! — едва не закричал Федор, видя, как изменчивая удача медленно уводит римского военачальника в сторону от перекрестка, — другого шанса не будет!

Ничего не понимавший паренек, машинально вытащил из мешка и бросил на стол короткий лук и колчан со стрелами. Федор сразу схватил его, приладил стрелу и встал, опрокинув скамейку. Затаив дыхание, Чайка прицелился, развернувшись в сторону удалявшегося отряда и не обращая внимания на окружающих. Теперь его и Марцелла разделяло метров семьдесят, и все же он был еще в «убойной» зоне и не закрыт никакими препятствиями. Вскоре, однако, проконсул должен был скрыться за колоннами храма Юпитера-Фретерия, возвышавшемся на другом конце небольшой, запруженной народом площади.

Марцелл был в латах и шлеме с красным плюмажем, ехал еще почти лицом к нему, вполоборота, а потому Чайка целился в шею.

— Одна попытка, — пробормотал Федор, — один меткий выстрел и Юлия свободна.

И спустил тетиву. В этот момент сенатор вдруг наклонился к лошади, чтобы поправить ей заплетенную гриву и стрела, проскочив буквально в сантиметре от его шлема, с чавканьем вонзилась в шею второму римскому военачальнику, ехавшему рядом. Офицер вскинул руки, завалился назад и нелепо рухнул под копыта лошади.

Увидев убитого, Марцелл тут же вздыбил и развернул коня, защищаясь от новых выстрелов. Но Чайка даже не пытался пустить еще одну стрелу. Конные легионеры уже полностью перекрыли «зону поражения», закрыв своими щитами и телами проконсула.

— И этот шанс не мой, — спокойно процедил Федор сквозь зубы.

Развернувшись, он заметил изумленного хозяина с подносом дымившейся рыбы. Кабатчик застыл, в ужасе взирая на оружие в его руках.

— Извини, — сказал Федор, отбрасывая лук на пол, — пообедать мы сегодня не сможем. «Проклятым карфагенянам», которые уже давно здесь, надо уносить ноги. Так что в другой раз, друг. Но мы скоро вернемся, помни об этом.

Закончив свою тираду, раздосадованный Федор снова перевел взгляд на площадь. Римляне, развернув коней, с криками и руганью набросились на толпу, принявшись разгонять народ. Всадники стремились быстрее пробиться в сторону харчевни, откуда прилетела стрела, и окружить ее.

— Терис, хватай мешок, и бежим, — коротко приказал Чайка и, не обращая больше внимания на потерявшего дар речи хозяина, быстрым шагом направился сквозь скопление гулявших матросов в надежде, что за то время, пока здесь все осознают, они уже будут на другой стороне.

Так и произошло. Почти. Протолкавшись сквозь множество людей, Федор и Терис оказались у другого края заведения, как вдруг позади раздался вопль кабатчика:

— Держи их, это карфагенские лазутчики!

Перед командиром двадцатой хилиархии мгновенно вырос пьяный матрос с чашей какого-то пойла в руке и попытался преградить дорогу.

— А ну стой! — рявкнул он, пытаясь схватить Чайку за плечо.

Но Федор с ходу, не вступая в переговоры, врезал ему в челюсть. Чаша вылетела из руки матроса и со звоном разбилась об пол. А сам он отлетел назад, со страшным грохотом опрокинув стол. В кабаке вдруг наступила тишина, и Федор услышал отчетливый стук копыт лошадей римских катафрактариев, уже разогнавших толпу на площади и стремившихся охватить харчевню с двух сторон. Еще мгновение, и они будут в западне.

— Стоять всем на месте! — крикнул Федор, выхватывая меч из ножен: — Я убью любого, кто сделает хотя бы шаг.

Терис последовал его примеру, правой рукой достав клинок из-под плаща. Левой же он продолжал крепко сжимать мешок.

Блеснувший в полумраке клинок заставил матросов протрезветь. Никто из них не рискнул сразу броситься на карфагенян, застыв в оцепенении. «Это продлится недолго, — нашептывал Чайке удивительно спокойный в минуту опасности разум, словно он сам смотрел на все со стороны, из безопасного убежища, — их больше, а нас только двое. Скоро они это поймут и набросятся со всех сторон. Надо бежать туда, в переулок».

Не говоря ни слова, Федор сделал знак Терису и попятился к видневшейся в двух шагах узкой боковой улочке. Не успели они прошмыгнуть мимо корзин и телег на другую сторону и углубиться в переулок, как послышались крики, — это толпа бросилась за ними, стряхнув оцепенение. Однако был здесь и свой плюс. За секунду до этого Федор услышал стук копыт римских всадников. Обогнув харчевню, они почти завершили ее окружение, как вдруг толпа нарушила их планы. Чайка даже услышал несколько крепких римских ругательств, когда всадники встретили на своем пути разъяренных пролетариев и стали пинками прокладывать себе дорогу.

— Давай туда, — крикнул Федор, толкая спутника на другую боковую улочку, уводящую вправо.

По пути им попалось несколько горожан, в основном женщин, в ужасе шарахнувшихся от двух мужиков с мечами. Смекнув, что так они привлекают слишком много внимания, Чайка на ходу поймал бывшие по ляжке ножны и засунул в них меч, запахнувшись с плащ. Терис сделал то же самое, и в конце улицы они уже выглядели как обычные жители Тарента. Толпа кричала где-то в сотне метров за спиной, там же вновь послышался стук копыт.

— Надо где-то спрятаться, — бросил Федор своему адъютанту, едва они забежали за угол дома, — от конных нам не уйти. Да и от пешеходов достанется, если догонят.

Чайка нервно осмотрелся. Впереди слева плотно возвышались дома, а справа в двадцати шагах виднелся двухэтажный особняк, окруженный со стороны улицы каменным забором в человеческий рост. За ним росли деревья. В калитку только что вошел слуга с корзиной зелени. За домом просматривался другой пониже, а дальше небольшой парк или аллея. В общем, место для прорыва имелось.

— Давай туда, во двор, — приказал Федор.

И они вдвоем, метнувшись через улицу, на которой было немало народа, к счастью, еще не знавшего о том, что произошло и занятого своими делами, вбежали во двор неизвестного строения. Тотчас мимо дома пронеслось человек десять катафрактариев.

— Что вам надо? — услышал за собой Чайка удивленный голос.

Видимо, когда он развернулся, выражение его лица было не самым добрым и внушающим доверие, — да еще плащ распахнулся, обнажая меч, — поскольку слуга с корзиной в руках тотчас поднял крик.

— Помогите! — заорал он, бросая корзину, — грабят!

— Заткнись, идиот, мы сейчас уйдем, — прошипел Чайка, но было поздно.

Трое чуть поотставших римских всадников показались из-за угла. Проезжая мимо дома, они слышали вопль и тотчас свернули во двор. К счастью, открытая калитка была не столь широка, чтобы свободно могли проехать сразу несколько всадников, и катафрактариям пришлось проникать внутрь по одному. Это дало загнанным в угол карфагенянам несколько секунд на подготовку.

Чайка огляделся. Он успел рассмотреть маленький двор, где росло пять кипарисов, телегу у дальней стены и пару лавок у входа в дом, за которым скрылся перепуганный насмерть слуга. Между стеной дома и каменным высоким забором имелся пустой проем — там начинался соседний участок.

Бросив мешок на землю, Терис спрятался за телегой и завозился там, что-то доставая. Сам Федор, выхватив меч, прильнул к стене рядом с калиткой, приготовившись к отражению атаки. Едва первый катафрактарий ворвался во двор, как он подскочил к нему сзади и нанес мощный удар в бок снизу вверх. Лезвие раскроило несколько звеньев кольчуги и проникло в плоть. Смертельно раненый римлянин вскрикнул. Выронив из рук щит и копье, повалился на жидкую траву, что едва пробивалась сквозь каменистую почву двора.

Второго катафрактария взял на себя Терис. Едва римлянин появился во дворе, как бравый адъютант швырнул в него кинжал. Но всадник вовремя вскинул щит, отбив острое лезвие. Однако едва он его вновь опустил, решив, что угроза миновала, как Терис выхватил из-под полы второй кинжал и на этот раз был точен. Римский всадник рухнул у самой телеги, захлебнувшись кровью из рассеченного горла.

Третий всадник ворвался во двор в тот самый момент, как был убит второй. Уловив движение слева, римлянин отбил щитом бросок копья Федора — тот подхватил оружие убитого — и ударил сверху вниз своим. Чайка резко присел, и это спасло ему жизнь. Широкое лезвие вышибло искры из камня над его головой. Не теряя времени, Федор перехватил древко двумя руками и дернул изо всех сил. Римлянин вылетел из седла, оказавшись на земле. Но схватиться за меч он не успел. Едва вскочив на ноги и протянув ладонь в сторону рукояти, он получил мощный удар мечом в грудь, пробивший кольчугу. И упал замертво. Широкое красное пятно расплылось на его груди, обагрив кольчугу.

— Надо уходить отсюда, пока не явились новые, — проговорил Федор, вытерев окровавленный клинок о рукав туники убитого катафрактария и вкладывая меч в ножны. — Быстро уходить. Они наверняка оцепили весь район харчевни, но мы уже чуть в стороне. Возможно, это нас спасет.

— Я готов, — ответил Терис, выдернув кинжал из горла пораженного им римлянина.

«Хорошие нервы у этого парня, — отметил Федор, приглядываясь к носившимся по двору лошадям и хватая одну за уздцы, — готовый диверсант. Ему при штабе наверняка было скучно».

— Садись позади меня, — скомандовал Чайка, сам забравшись на коня, — время дорого.

Терис подхватил мешок и устроился позади командира двадцатой хилиархии. Чайка тотчас наддал сандалиями по бокам коню и тот рванулся с места под грузом двух седоков.

Федор решил не выезжать на улицу, а пробраться дворами. И ему это удалось. Они с ходу перемахнули низкий заборчик, оказавшись на соседнем участке. Здесь было пустынно, лишь старая прачка развешивала выстиранные хитоны на веревках, шарахнувшись в сторону от лошади. Небольшой дом они обогнули стороной и ворвались в аллею, где уже попадались люди. Немного попугав горожан, Федор пронесся на коне до конца аллеи, на которой ни конных, ни пеших легионеров не было, и, свернув за угол на другую улицу, поскакал дальше. Минут пять он подгонял лошадь, пролетая сквозь людские скопления и не обращая внимания на крики. А потом, когда оказался где-то в нескольких кварталах к северу от места событий, где жизнь текла по-прежнему мирно, осадил коня в пустынном месте улицы и спрыгнул на камни мостовой. Терис, так и не выпустивший мешка из рук, тоже оказался внизу.

— Ну пошла отсюда, — хлопнул Федор по крупу лошади, а сам нырнул в переулок, куда выходили задние дворы лавок. Здесь было полно грязи и мусора, но Чайку это устраивало. Здесь на двух запыхавшихся «слуг» никто не обратил внимания.

Сначала Федор собирался пройти к дому греческого торговца и там отсидеться до темноты, но во время бешеной скачки принял другое решение. Если за ними будет погоня, то место, где они попытаются избавиться от коня, будет вскоре оцеплено, а окрестные дома прочесаны. Дом Сандракиса находился не так далеко от порта, и Чайка, после неудавшегося

покушения на сенатора, не хотел раньше времени приводить римлян к акватории. Несмотря на промах и возникший после него переполох, Федор не собирался отказываться от ночного нападения. А потому во время скачки, он молился, чтобы римляне отстали. Так и случилось. Сейчас вокруг все было тихо, им удалось запутать следы, и погоня осталась в стороне.

— Кое-что изменилось, — объяснил он на ходу Терису, не задавшему пока ни одного вопроса, — сначала пройдем еще квартал на север и лишь потом свернем к порту. В дом купца мы не пойдем. Проведем оставшееся до вечера время на корабле.

Терис молча кивнул, закидывая мешок за спину.

Так они шли примерно минут сорок, окольными путями пробираясь к порту. За это время им пару раз повстречались римские патрули, заставив понервничать. Но эти легионеры были пешими и, похоже, никакой информации о нападении на Марцелла еще не получали. А потому оставили без внимания двух путников с мешком, бредущих в сторону порта. Здесь таких людей с поклажей было много, а по мере приближения к гавани, становилось все больше. И вскоре Федор с Терисом благополучно затерялись в этом потоке груженных повозок и людей с мешками и амфорами.

Когда они вошли на территорию торгового порта, миновав очередной кордон солдат, ленивым взглядом осматривающих всех прохожих, солнце уже клонилось к горизонту. Жара начала спадать, а торг был еще в самом разгаре. Весь этот купеческий гвалт и не думал заканчиваться. Карфагенянам пришлось вновь пробираться сквозь пеструю толпу, преграждавшую им дорогу к уже видневшемуся кораблю. Несколько раз, увидев рыжие панцири, Чайка едва не хватался за меч, укрытый под накидкой, но, слава богам, все обошлось. Они не привлекли внимания бдительных стражей порядка и благополучно взобрались по сходням на палубу торгового корабля. Здесь они с радостью увидели Летиса, примостившегося в тени кормовой надстройки, который загорал с безмятежным видом.

— А где Сандракис? — первым делом уточнил Федор, останавливаясь рядом с другом.

— Там, внизу, — лениво поднял руку здоровяк, — отдыхает.

— А капитан и матросы? — не отставал Федор.

— Отправили в кабак, как ты и велел, — проговорил Летис, которого клонило в сон.

— И никто не возмущался? — на всякий случай поинтересовался Чайка.

— Ты что, — удивился Летис, — ты бы видел их довольные рожи. А у вас как дела?

— У нас, — переспросил Федор, потянув с ответом, — да в целом тоже все в порядке.

Так, встретили Марцелла и устроили небольшой переполох неподалеку от рынка.

— Вы вдвоем атаковали сенатора с охраной? — Летис даже привстал, ожидая подробностей.

— Атаковали, это сильно сказано, — поскромничал Федор, поглядывая сквозь полуприкрытые веки на солнце, — но, одну стрелу я выпустил. Правда, промазал. Пришлось уходить от погони, и теперь нас ищут, надеюсь, только в центре города.

— Так что, здесь все отменяется? — разочарованно протянул Летис, оглядывая палубу корабля.

— Ни в коем случае, — отрезал Федор, — ты сейчас забираешь Сандракиса и возвращаешься с ним в дом. Там привяжешь его, на всякий случай, и ждите нас. Как стемнеет, мы постараемся поджечь корабли римлян и добраться до берега, а оттуда до дома. И сразу покинуть город под видом торговых людей.

Федор нахмурился, помолчал немного, добавив:

— Это если повезет. А если нет, и до рассвета мы не вернемся — выбирайся из Тарента один.

— Может, я с вами пойду? — осторожно попросил Летис. — Пропущу ведь все самое интересное.

— Нет, — отрезал Чайка, — там ты нужнее. Никто кроме тебя не справится с этой задачей. Забирай купца и отправляйся, а мы останемся здесь ждать сумерек. И, если боги нам помогут, то сегодня ночью устроим римлянам настоящий праздник огня.

Когда широкая спина Летиса, перед которой силуэт греческого торговца казался

особенно хлипким, исчезла среди разношерстного люда, все еще занимавшего площадь, Чайка обернулся в сторону солнца, ловя последние лучи. Постояв так пару минут, он стряхнул с себя расслабленное состояние, охватившее его на берегу моря, и сказал Терису.

— Ну пойдем готовить представление.

Глава пятнадцатая

Сквозь дарданов

Вернувшись на берега Истра с пятью сотнями конных солдат, из которых Иллур разрешил ему сделать моряков и морпехов, пополнив команды кораблей, скифский адмирал остался доволен увиденным. Токсар времени зря не терял. Он согнал почти всех бойцов на берег и, судя по результатам, заставил их трудиться днем и ночью. Прodelанный объем работ впечатлял — имевшиеся ворота были отстроены заново, а стены заботливо подправлены стащенными со всей округи камнями. Крепость уже почти возродилась. Впрочем, было еще что доделать.

— Надо башни тоже привести в порядок, — решил Ларин, после осмотра произведенных Токсаром работ, — и поставить на них несколько метательных машин с кораблей.

— Зачем? — удивился верный помощник. — Разве мы здесь надолго останемся?

— Надолго, — подтвердил Леха, осматривая живописные окрестности, вид на которые открывался с вершины прибрежного холма, — Иллур приказал сделать из этой крепости такую, чтобы ни за что было не взять. Здесь у нас будет новый перевалочный лагерь, откуда в Македонию двинемся.

Он оторвал взгляд от реки и перевел его на бородастого скифа.

— В общем, будем укреплять дальше, — решил он, — кроме башен, на которые надо еще камней привезти, думаю, надо построить крепкую пристань. Возьмешь плотников, что корабли мне чинили, и туда отправишь. Мастера у нас, хвала богам, имеются.

— Я еще задумал частокол вокруг холма вкопать на половине полета стрелы, — поделился соображениями Токсар, — а напротив главных ворот даже двойной соорудить. Не так быстро враг подойти сможет.

— Тоже дело, — похвалил Ларин помощника, — соображаешь, Токсар. Слушай, может тебе в инженеры пойти? А что, отправим тебя к грекам, подучишься.

Но, увидев нахмуренное лицо скифа, Леха хлопнул его по плечу, добавив.

— Ладно, не дуйся, пошутил я. Делай пока, что задумали.

Так прошла еще неделя. Погода неожиданно испортилась, зарядили дожди. Военные строители поневоле, барахтаясь в грязи, устанавливали частокол из свежеструганных бревен вокруг каменистого холма. Вкапывая в твердую землю колья, они постоянно поглядывали на небо и молились богам, чтобы те прекратили это буйство воды. Прекратить работы до наступления хорошей погоды Леха наотрез отказывался — Иллур уже получил сообщение, что крепость почти готова и выдвинулся с армией в сторону Истра. Пристань, которую адмирал лично инспектировал трижды в день, раздавая тумачи и награды плотникам, вышла на славу. К ее нескольким пирсам могло причалить не меньше пятнадцати триер. Чуть поодаль Леха приказал построить еще одну, поменьше, для торговых судов. На случай развития торговли с окрестными народами, если Иллур решит все же не идти дальше вверх по Истру, просто захватив их. В общем и целом укрепления получились знатными. Конечно, о том, чтобы разместить в крепости всех воинов Иллур не шло и речи, но к концу недели Леха был готов принять здесь небольшую армию.

За это время дарданы никак не побеспокоили вгрызавшихся в берег скифов. Аргим постарался обезопасить новый порт на берегу Истра от набегов местных воинственных жителей. По сообщениям, которые скифский военачальник присылал адмиралу с гонцами, он продвинулся в глубь территорий дарданов не слишком далеко — по Лехиным подсчетам километров на двадцать, — но, встретив перед собой множество крепостей и укрепленных

поселений в нарождавшихся горах, снизил темп продвижения. Конница захватила близлежащие долины, но для штурма крепостей ей не хватало поддержки пехоты Ларина, а он продолжал сидеть на берегу, занятый строительством. Впрочем, самого адмирала это устраивало. Он решил дожидаться Иллур и уже с ним двигаться в горы, снова сменив флагманскую триеру на коня.

Дарданы, по сообщениям Аргима, оказывали жестокое сопротивление. Это был многочисленный и воинственный народ, у которого имелась мощная армия из конных и пеших воинов, уже потрепавших авангард скифов в нескольких открытых сражениях. Но и скифы не вчера родились. Аргим продолжал теснить их все дальше в горы, где, по данным разведки, в хорошо укрепленных долинах находились их главные города. С севера наступали македонцы. И дарданы вели яростную войну на выживание, обороняясь и контратакуя на двух фронтах. Слушая донесения, Ларин отчетливо понимал, что еще успеет повоевать с дарданами. Быстро они не сдадутся. А потому спокойно достраивал крепость и ожидал подхода основных сил.

На исходе восьмого дня дожди закончились и почти сразу ему доложили, что на противоположном берегу появилась конница. Выйдя на только что отстроенную башню, откуда открывался отличный вид на реку, Леха вдохнул напоенный ароматом свежести воздух, приставил ладонь ко лбу и в лучах вечернего солнца, разглядел приближавшиеся полки.

— Ну, вот и братец пожаловал, — пробормотал Леха и добавил, обернувшись к Токсару, что ходил за ним по пятам, словно тень, — начинается новая жизнь.

Он не ошибся. Едва переправившись на другой берег, тридцатитысячная конная армия царя скифов расположилась лагерем вокруг крепости. И в наступивших сумерках на берегу было уже не протолкнуться от юрт и лошадей, изредка оглашавших окрестности своим ржанием. Зажглись костры. В воздухе запахло ароматом горячей пищи.

— Хорошую крепость построил, Ал-лэк-сей, — похвалил Иллур, осмотрев наутро восстановленные сооружения, — но не пристало скифу отсиживаться за стенами. Ты хороший моряк, но дальше нам нужно двигаться посуху. Не забыл еще, как на коне сидеть?

— Да как же я забуду, — усмехнулся Леха, задумчиво почесав бороду, — до твоей ставки только так и можно было добраться. На корабле туда не доплыть.

— Это верно, — в свою очередь улыбнулся Иллур, оглядывая бесконечные долины, начинавшиеся на другом берегу и тянувшиеся до самого горизонта, — много земель мы захватили. И без конной армии их не удержать. Но и к морю греческому мы еще вернемся. А пока я хочу захватить горы дарданов, за которыми лежит Македония. А там и до другого побережья недалеко.

Леха не стал спорить. Горы так горы. Опорную базу для флота в среднем течении Истра они устроили на славу. Вчера он получил известия с побережья Малой Скифии, от командира эскадры квинкерем, что появлялись греки, но были отброшены. Серьезных потерь нет. Иллур уже отправил туда пятитысячный корпус для укрепления порядка в новых землях, а сам адмирал организовал регулярное патрулирование по реке своих бирем и триер, чтобы случайно не затронутые войной местные жители не подумали считать себя свободными. Так что побережье и вся река вплоть до этих мест теперь контролировалась флотом скифов. А берега и глубинные земли — их конницей. Можно было и в горы подаваться. Навстречу к македонцам, громившим дарданов где-то в южных ущельях Балкан, или Гема, как здесь называли эти горы.

На следующее утро почти вся армия, — Иллур оставил здесь только тысячу воинов, — снялась с места и направилась вверх по долине. Ларин был удивлен, что его кровный брат привел с собой далеко не всех имевшихся в его распоряжении воинов. Впрочем, пообщавшись с Иллуром, выяснил, что обескровленный корпус Арчоя, обогнувшего Карпаты, а также воинство Тарнары, куда вновь входили и амазонки Исилей, Иллур оставил в землях гетов, защищать его новые границы на западе. Там, где еще обитало немало воинственных племен, не испытавших пока на себе тяжелую поступь скифских коней и

ударов его «бронированной» армады. Среди них было немало кельтов, о силе и несговорчивости которых Ларин был наслышан от своего карфагенского друга. Много войск Иллур оставил и в северных землях гетов, примыкавших к горам и новым владениям скифов, — Тире и Ольвии. Не говоря уже о самих этих городах. Разросшаяся кочевая империя требовала теперь гораздо больше войск для защиты своих границ. Но Иллур, похоже, не собирался останавливаться на достигнутом. Ведь лучшая защита — это нападение. А если вспоминать о тайном соглашении с Ганнибалом, предстояло захватить еще множество земель и, если не по Истру, то по самому побережью Адриатики, дойти аж до Северной Италии. А там схлестнуться с легионами Рима. Поэтому Ларин был не удивлен, когда Иллур поведал ему о наборе рекрутов в конные и даже пешие полки.

— Вся конница Палоксая, что сбежала с поля боя, теперь служит мне, — рассказывал ему кровный брат, покачиваясь в седле, — набралось почти четыре тысячи человек.

— Они даже не переметнулись к грекам? — изумился адмирал, внимая словам Иллур.

— Нет, — ухмыльнулся царь, — они вспомнили, что родились скифами. Сами вернулись ко мне, и я не казнил их.

Он скользнул взглядом по окрестным скалистым холмам, становившимся все круче, и продолжил свою мысль.

— В наказание я отправил их в набег на земли греков. И они отлично справились, сотни деревень, принадлежавших Томам и Одессу, сожжены. Берега Истра хорошо защищены. А греки в панике ожидают нападения на свои города.

— То-то я думаю, отчего они вдруг решились напасть на наше побережье, — задумчиво проговорил Ларин, понятия не имевший о набеге на греков, — а это была месть.

Честно говоря, он был немного обижен, ведь кровный брат его даже не проинформировал о своих действиях. «Впрочем, он царь. Ему виднее. А мне тогда не до греков было, — быстро успокоился адмирал, — и тут забот хватало».

— Все племена, что живут по берегам Истра, — развивал перед кровным братом свои планы Иллур, — все, кто жил под Палоксаем, в крайних землях греков, их данники и дальше, до самых этих земель, тоже пойдут служить в мою армию. Мне нужно больше солдат.

— Трибаллы не пойдут, — осмелился возразить адмирал, вспомнив отчаянное сопротивление небольшого народа, который они с Аргимом почти истребили.

— Пойдут, — отмахнулся Иллур и добавил таким тоном, словно говорил о судьбе животных, не стоивших внимания. — А если ты прав, то о них больше никто никогда не услышит.

— Тогда нам придется истребить и всех дарданов, — предупредил Ларин, посмотрев вперед, на зелено-желтые скалы, возвышавшиеся в половине дневного перехода.

— Филипп только поблагодарит меня за это, — усмехнулся Иллур, в глазах которого горел огонь, — а, может быть, даже пришлет золота. Ведь дарданы давно беспокоят его северные земли набегам. И он сам не раз ходил на дарданов, выжигая целые города, но они до сих пор не сломлены.

— Мы могли бы обойти их по реке, — предложил адмирал, — и выйти к Македонии чуть дальше.

— Там живут скордиски, а они служат македонцам, — отмахнулся от такого предложения Иллур, — Они отказались пропустить мою армию. А если я принудил бы их силой, то Филипп мог бы меня неверно понять.

«Ишь ты, как заговорил, дипломат просто, — удивился Ларин. — Так вот почему мы не двинулись дальше вверх по реке. Там обитают данники наших союзников. Ну да ладно, меньше народу положим. А крепость-то не зря отстроили, не ровен час, еще может пригодиться».

Свободное продвижение по землям дарданов закончилось только через пару дней. Все это время Ларин, ехавший рядом с вождем скифов, замечал по сторонам сожженные деревни и разрушенные укрепления. Десятки трупов отмечали путь скифского авангарда, пролежавший по тем же долинам много дней назад. А когда они въехали в обширную долину,

где на берегу горной реки стоял разрушенный город дарданов, то счет трупам пошел на сотни и тысячи. Никто их не убирал и не хоронил, а потому над окрестностями сожженного города кружили сотни стервятников.

— Похоже, здесь была жестокая битва, — заметил Леха, осматривая усыпанные трупами дарданов и скифов тела.

Мертвые лошади говорят о том, что скифам здесь противостояла и конница дарданов. Судя по искусно сделанным доспехам всадников, а также разукрашенным щитам, мечам и обломкам копий, видневшимися повсеместно, дарданы неплохо умели изготавливать оружие и защиту от него. Но это мастерство не спасло их от натиска скифских орд.

Часть метательных орудий Иллур приказал снять с кораблей и взять с собой, а своего кровного брата назначил командиром обоза. Так что теперь Леха вновь был старшим артиллеристом, чему в особенности обрадовался Токсар. В его распоряжении находилось теперь пять баллист и три катапульты, разобранные и погруженные на телеги. Такого арсенала могло вполне хватить для штурма небольшой крепости. И эта крепость не замедлила объявиться.

На следующее утро, когда их повстречал разъезд, посланный Аргимом, скифы мощным потоком влились в очередное ущелье, сразу заметив у перевала крепость дарданов, под которой лагерем стояло воинство Аргима. И стояло, судя по всему, довольно давно. Крепость была невелика, но выстроенная почти у самого перевала, надежно преграждала путь в следующую долину, запечатав единственную дорогу. Продвинуться дальше можно было, лишь взяв ее или совершив обходной маневр.

— Мои разведчики обшарили все соседние долины, — ответил на это предложение адмирала Аргим, — но в каждой из них перевалы закрыты крепостями. Обойти все перевалы можно, лишь совершив проход по землям скордисков или вернувшись обратно по реке. Но это долго, да и нет уверенности, что с другой стороны нас не встретят подобные укрепления.

— Мы не будем делать ни того, ни другого, — решил Иллур, осмотрев подступы к крепости издалека. — Ал-лэк-сей, сколько тебе понадобится времени, чтобы разбить ворота своими машинами?

Ларин присмотрелся. Крепость была небольшой, всего пара башен, не считая той, в которую упиралась дорога. Мост через ров, по которому шумел горный ручей, поднят. Стены не очень высокие, но хорошо сложены. Не расшатать. А за счет своего расположения на самой высокой точке, это укрепление вполне могло держаться сколь угодно долго, получая припасы из соседней долины. Даже отсюда было видно, как дарданы в кольчугах сновали к перевалу и обратно, абсолютно не беспокоясь насчет скифов. Стрелы доставали до стен только с близкого расстояния. Об окружении и речи быть не могло. Разве что забросить туда, поднявшись по отвесным стенам, отряд подготовленных бойцов-альпинистов или дивизию «Эдельвейс», но об этих солдатах из прошлой жизни Ларин приказал себе забыть. Был бы порох, можно было бы устроить небольшой взрывчик. Но пороха тоже не было. Хотя Ларину и приходили в голову иногда мысли использовать то, чему его учили когда-то в школе морпехов. Но даже для черного пороха, кроме известных с древности серы и древесного угля, нужна была селитра. А к ней первые «бомбисты» шли не одно столетие. В этом времени ее просто еще не существовало. Во всяком случае, если что и было, то Ларин понятия не имел, где это взять.

Разглядывая крепость дарданов, Леха вспомнил о зажигательных снарядах, которые Калпакидис научил изготавливать скифов вместе с метательными машинами. Адмирал прихватил с собой несколько горшков с этой смесью, состава которой не знал. Ну не был он химиком от природы. Заряды напоминали уже известный ему «греческий огонь», пахли отвратительно и могли только поджечь что-нибудь, но никак не взорвать. Приходилось, однако, довольствоваться тем, что есть.

«Эх, — сокрушался Леха, поглядывая на обнаглевших дарданов, совершенно бесстрашно расхаживавших вдоль стен со своими разукрашенными щитами, — знал бы заранее, взял с собой самого Калпакидиса. Тот что-нибудь обязательно придумал бы.

Особенно, если пынуть каленым железом. У греков от этого фантазия быстро просыпается».

— Трудновато, — проговорил наконец адмирал, закончив свои наблюдения.

— Вот если бы орудия поставить чуть повыше, так чтобы доставали тех, кто стоит на стенах и за ними, — мечтательно заметил начальник осадного обоза, — тогда можно было бы разбить или захватить ворота. Хотя они и выглядят очень крепкими. А просто так снизу таран подкатить, очень много людей положим.

— Хорошо, — неожиданно согласился Иллур, приняв решение, — к ночи построить курган из камней и начать осаду. Не позднее чем завтра мы должны взять эту крепость. Я оставляю вам несколько тысяч всадников, а сам встану лагерем в соседней долине. Тут нет места для всей армии. Утром я вернусь, и двинемся дальше.

Сказав это, скифский царь развернул коня и направился в обратную сторону, ничего больше не собираясь обсуждать. У Ларина от такой перспективы даже челюсть отвисла. Он перевел взгляд на Аргима, но тот был спокоен. Конечно, не ему же надо на стены лезть.

— Ну надо так надо, — развел руками морпех.

Впрочем, и Аргим без работы не остался. Его люди собирали по всей долине камни и свозили их к самой крепости, сваливая на другой стороне рва под настороженными взглядами дарданов. Защитники крепости пытались обстреливать их из луков, чтобы задержать строительство кургана. Но конные скифские лучники, специально выдвинутые вперед к стенам, не давали дарданам особенно разгуляться.

Для ускорения процесса, Леха даже выделил несколько телег из обоза для перевозки особо крупных камней. А все конные скифы привозили к месту строительства насыпи такие камни, какие только могли поднять на коня. К своему удивлению перед самыми сумерками напротив крепости возвышался курган высотой почти в две трети стены, которая на глаз доходила до шести метров.

На плоской вершине вытянутого вдоль стен кургана Ларин смог разместить четыре орудия. Две баллисты и две катапульты. Больше не уместилось, но и этого было достаточно для того, чтобы убедить дарданов в серьезности намерений. Еще не было сделано ни одного выстрела, а дарданы мгновенно оценили опасность и даже предприняли контратаку.

Не успели скифы втащить последнюю баллисту на курган, как перекидной мост со скрипом опустился на этот берег и по нему хлынули сотни пехотинцев в кольчугах, со щитами и копьями. Нападение было направлено на холм, с которого дарданы хотели сбросить угрожавшие им машины. Но Аргим не спал, и его конница мгновенно опрокинула дарданов в реку.

Атака, тем не менее, была столь стремительной, что несколько десятков бойцов из крепости все же прорвались к машинам в тот момент, когда там как раз находился Ларин с Токсаром. Охранявшие курган пешие лучники встретили наступающих градом стрел, но дарданы, не обращая внимания на потери, прорвались сквозь их строй и, умертвив многих, устремились к вершине.

Наблюдая эту атаку, Ларин решил, что нападение совершают камикадзе, ценою своих жизней решившие отвести опасность от крепости. На вершине холма, кроме него и Токсара находилось всего человек пятнадцать скифов-пехотинцев, которые должны были вскоре начать стрельбу из машин.

— Мечи к бою! — крикнул Леха, увидев, что все попытки остановить дарданов на подступах не увенчались успехом и наверх карабкаются, охватив курган полукольцом, человек двадцать в плоских шлемах, со щитами и копьями. Разъяренные лица защитников крепости Леха уже не видел, быстро наступали сумерки. Но тусклое мерцание доспехов и наконечников копий, передвигавшееся по кургану вверх, говорило, что опасность уже близко.

Он едва успел выстроить на краю кургана своих артиллеристов, поручив Токсару правый фланг, как снизу показались первые дарданы, и завязалась схватка. Ларин, у которого не было с собой щита, едва увернулся от резкого выпада копьеносца, поразившего в бок стоявшего рядом бойца. Скиф, ждавший удара с другой стороны, глухо вскрикнул и

повалился на камни. А Ларин, понимая, что его жизнь зависит от быстроты реакции, рубанул с размаху по руке дардана и отсек ему предплечье вместе с зажатым в ладони копьём. Дикий рык раненого был подтверждением, что морпех не промахнулся. Но на всякий случай Леха ударил противника мечом в шею, окончательно решив вопрос. Затем, увидев рядом следующего бойца, он подхватил копьё и метнул в него. Бросок оказался точным. Копьё поразило дардана в грудь, выйдя из спины.

— Хреновые у вас кольчуги, ребята, — заметил на это Ларин, быстро подхватывая с земли щит и принимая на него удар очередного копьё.

— Хреновые, — повторил он, вонзив свой меч в грудь дардану, когда острое клинка адмирала, пробив металлические кольца, вошло в плоть, — поучились бы у кельтов.

Дарданы успели перебить половину его артиллеристов и повредить одну катапульту, к тому моменту как снизу подоспели скифы. Впрочем, Леха почти справился своими силами.

— Жаль артиллеристов, — сокрушался он чуть позже, когда, заменив солдат новичками, готовился к первому обстрелу крепости, — обученные были солдаты.

— Ничего, — успокоил его раненный в левую руку Токсар, находившийся тут же, — хватит и тех, что есть.

Он оказался прав. Обстрел начали уже в темноте и, чтобы видеть лучше, куда посылать ядра, решили для начала подсветить цель, забросив в крепость несколько зажигательных снарядов. Эффект превзошел все ожидания. Нет, в пороховой погреб, конечно, не угодили. Его еще в природе не существовало. Но зато попали в склад, где хранились бочки со смолой, отчего в осажденной крепости быстро начался пожар.

— Вот так вот, — радовался Леха успехам своих канониров, наблюдая за метавшимися в огне дарданами, — а ну давай вон в ту башню целься, смотри, сколько их там собралось.

Через час, когда пожар охватил крайнюю башню и прилегавшие к ней дома и амбары, дарданы не выдержали. Мост вновь опустился, и они пошли на новый приступ. На этот раз атака была подготовлена лучше. Дарданов высыпало из крепости человек триста пеших, за которыми последовала конница, еще не меньше сотни. И вскоре у подножия холма завязалось настоящее сражение.

Но и Леха на этот раз подготовился лучше, предвидев подобное развитие событий. Курган с баллистами охраняло почти шестьсот конных лучников и копейщиков, пробиться с ходу через которых не представлялось возможным. А потому артиллеристы продолжали «утюжить» постройки за крепостными стенами, даже когда бой приблизился к самому кургану.

Наблюдая за этой контратакой, Ларин неожиданно увидел иной, более быстрый способ захвата крепости. Он был прост, как все гениальное. Дарданы слишком увлеклись атакой и, видимо, желая выслать новые отряды на помощь сражавшимся, не закрыли ворота. Но прорваться к ним можно было, только сломив сопротивление сотен контратаковавших дарданов. Аргим, похоже, тоже заметил открытые ворота, сквозь которые из крепости постоянно просачивались пехотинцы, и рвался к ним. Но на это требовалось время. А пока Ларин приказал перенести стрельбу на главные ворота.

— Поможем нашей коннице, — решил он, — а ну давай целься в ворота. Надо развалить их в хлам или хотя бы повредить так, чтобы закрыться не смогли.

На сей раз выцеливать взялся сам Токсар, жаждавший отомстить дарданам за ранение. И первое же ядро пробило в воротах огромную дыру. Второе ушло в перелет, а третье угодило в крайнюю балку, выбив ее из креплений. Ворота немного перекосило.

— Давай, Токсар! — заорал Леха увидев, что его план может сработать. — Еще пара таких попаданий и мы прорвемся внутрь. Они никогда их не закроют. Нечего будет закрывать!

И Токсар не подвел. Следующие ядра раздробили еще несколько бревен, окончательно перекосив ворота. Подъемный мост тоже удалось повредить. И к тому моменту, как по нему проскакала конница скифов, опрокинув в ров противника, закрыть ворота было уже невозможно. Дарданы яростно сопротивлялись, попытавшись забаррикадировать проем. Но

скифов было уже не остановить. Новым ударом всадники Аргима вышибли дарданов из ворот и погнали по залитым огнями пожарища улицам небольшого селения, спрятавшегося за стенами горной крепости.

К рассвету желание Иллур исполнилось.

Глава шестнадцатая

Послы македонцев

Захватив ключевой перевал, скифы, не дожидаясь, пока об этом узнают жители соседних селений, немедленно предприняли атаку в глубь территории дарданов. Еще не рассвело, а конница Аргима, проскользнув в долину за перевалом, атаковала и с ходу захватила несколько деревень, не ожидавших нападения. Ларин, обосновавшись со своим обозом и пехотинцами в захваченной крепости, дожидаясь Иллур, приказав привести в порядок только что разрушенные ворота. И на всякий случай перебросить все метательные орудия на дальнюю стену, которая теперь становилась внешней линией обороны.

Иллур появился почти одновременно с гонцом от Аргима, который сообщал о том, что ему удалось захватить почти всю долину и приблизиться к еще одной крепости, которая построена над самой пропастью, примыкает к горному озеру и кажется неприступной.

— Этак мы тут надолго застрянем, — поделился Леха информацией и своими соображениями с царем, — если у дарданов в каждой долине по такой крепости выстроено.

— Не бойся, Ал-лэк-сей, — успокоил его Иллур, — внешнее кольцо благодаря тебе мы прорвали и теперь мы в самом сердце их земель. Сколько бы дарданы ни сопротивлялись, мы все равно победим. Да и македонцы, я слышал, близко.

— Да? — удивился Ларин. — И сколько дней до них еще пробиваться?

Царь, решив не отдыхать с дороги, вновь вскочил в седло.

— Поедем, посмотрим, что за крепость отыскал нам Аргим, — приказал он, не удостоив адмирала ответом.

Оставив гарнизон в захваченном селении, кровные братья покинули его вслед за несколькими тысячами всадников. Путь оказался недолгим к вечеру они прибыли в горную местность, где сходились три долины. По двум из них текли реки, образуя в котловине небольшое, но глубокое озеро. Из него вытекала еще одна река. Бурная и стремительная. Ниже по течению виднелись мощные пороги. Крепость находилась на одной из скал, нависавших над берегом озера, и перекрывала путь в самую узкую долину, уходящую на восток. Берега озера тоже были узкими, а кое-где и отвесными. Но отважные всадники Аргима, вся армия которого сосредоточилась сейчас в западной долине, тем не менее, ухитрились обойти его и достичь порогов, оставив крепость в неприкосновенности. Путь в две другие долины был хотя и опасен, но проходим.

— Дорога разведана. Молодец, Аргим, — похвалил военачальника Иллур, когда они приблизились к горному озеру, яркая синева которого поразила Леху.

— Что будем с крепостью делать? — поинтересовался Ларин, разглядывая воздвигнутое дарданами на неприступной высоте оборонительное сооружение. В сторону крепости вела лишь узкая, высеченная в камне тропа. Конным туда было не пробраться, только пешком. Вся тропа находилась под обстрелом защитников, маячивших на стенах. Предприняв атаку, здесь можно было оставить множество солдат без всякой уверенности в победе. К счастью, и сами дарданы не могли безнаказанно убивать оттуда тех, кто находился у озера. Стрелы доставали лишь до тропы под стенами. Да и контратаки защитников представлялись начальнику осадного обоза практически невозможными.

Озеро имело два уровня. На перепаде высот даже образовался небольшой водопад с теснинами. Вода обтекала валуны через протоки и с яростью обрушивалась вниз. Шум от впадавших в озеро рек и водопада стоял такой, что Ларин едва слышал сидевшего рядом на коне скифского царя.

— Аргим умный воин, — заметил Иллур, тоже осмотрев подходы к горной

крепости, — он не стал штурмовать. И мы не будем.

Закончив наблюдения, скифский царь пожал плечами.

— Оставим здесь людей, которые обложат крепость, и двинемся дальше на встречу македонцам. Зачем терять воинов. А эти, — он махнул в сторону защитников крепости, — сами сдохнут от голода или сдадутся. Поехали, Ал-лэк-сей.

Иллур махнул рукой, и воины двинулись дальше. Леха, смекнув, что на такой дороге, что виднелась впереди легко потерять все орудия, приказал солдатам нести их части на себе, а телеги пустить порожняком. Мало ли что. К сожалению, его подозрения вскоре оправдались.

Огибать озеро пришлось по узкой тропе вслед за разведчиками Аргима. Передвигался Леха с особой осторожностью, поглядывая с откоса то в бурлящую синюю воду, то на покрытые небольшими снежниками вершины. Часто адмирала тянуло слезть с лошади и взять ее под уздцы. Очень уж узкой была тропинка. Но присутствие Иллура, который даже не смотрел под копыта коню, доверяя ему самому выбирать дорогу, не позволяло расслабиться.

Неожиданно Ларин услышал далеко позади крики и громкий всплеск. А обернувшись, заметил, как в озеро рухнула телега из обоза. Возница, шедший рядом, уцелел. Течение тут же подхватило ее и раскрошило о камни, пропустив сквозь теснину лишь обломки. Лошадь, освободившись от груза, долго пыталась выбраться на берег, но и ее течение притянуло к водопаду и сбросило вниз. Зрелище падающей с водопада лошади, настолько впечатлило командира обоза, что он долго стоял на месте, не решаясь двинуться дальше и провожая взглядом уцелевшее животное, которое, вынырнув, спокойно продолжило свое плавание к дальнему берегу и благополучно на него выбралось. Сделав над собой усилие, Ларин все же тронулся дальше по извилистой тропе.

Наконец, они преодолели самый опасный участок дороги по краю озера, оказавшись в долине. Здесь их поджидали передовые отряды Аргима. Оглянувшись назад, Леха увидел сотни всадников, по цепочке преодолевавших опасный путь, и защитников крепости, в напряжении следивших со стен за ними. Стрелы до другого берега озера не доставали. А метательных машин у дарданов не было. Свою задачу — не пустить скифов в находившуюся с востока долину — они пока выполнили. Но и сами стали теперь заложниками.

Оставив позади крепость, войска скифов растеклись по раскинувшейся перед ними долине, устроив в ней лагерь. Сумерки наступили быстро. А еще незадолго до них вернулся разведчик Аргима, сообщив, что впереди долина раздваивается, и дорога сразу через два перевала идет уже вниз. Крупных сил дарданов там не замечено.

— Похоже, самое высокое место мы прошли, — заметил на это адмирал, — и без особых потерь. Честно говоря, я ожидал от дарданов сильного сопротивления. Трибаллы воевали и то лучше.

На утро Ларин быстро раскаялся в своих словах. На двух пустых перевалах, обнаруженных вчера вечером, с рассвета их поджидали тысячи дарданов, наглухо запечатав выход из долины.

— А вот и наши друзья, — пробормотал Леха, едва приблизившись на коне к перевалу. Осадный обоз двигался позади. Все орудия перетасили по узкой тропе вдоль горного озера без потерь, если не считать утонувшей телеги.

Однако в этом сражении его артиллеристам поучаствовать не пришлось. Местность была уже достаточно пологая для широкого применения конницы, и царь скифов, не раздумывая, послал в атаку свои полки. Облаченные в чешуйчатую броню всадники, проскакав по долине, поднялись на перевал и двумя потоками обрушились сразу на оба перевала. Благо сил у Иллура хватало.

Но дарданы выстояли, отразив первый удар. Немного потеснив противника, конница увязла на перевалах. Оказалось, что дарданы перегородили их телегами в несколько рядов, чтобы задержать наступление или, может быть, чтобы отрезать себе пути назад. Всадники скифов с копьями наперевес смяли первые ряды, но были атакованы со всех сторон и,

потеряв некоторое количество солдат, отошли.

Увидев это, Иллур пришел в ярость.

— Немедленно сбросить их с перевалов! — заорал он на своего посыльного и добавил, едва сдержав себя: — Если эта атака не закончится победой, то всех сотников казнить!

«Узнаю брата», — подумал, невольно вздрогнув при звуке этого голоса, Леха.

Посыльный ускакал.

Не успели скифы перестроиться и предпринять новую атаку, как на перевалах произошло заметное шевеление, и вниз покатались горящие телеги. Сбивая всадников и рассекая ряды атакующих, телеги докатились до самой долины, где рассыпались от ударов о камни.

— Эти приемы я уже видел, знакомая техника, — поделился впечатлениями Ларин, — такая же атака трибаллов стоила мне нескольких кораблей. Интересно, кто у кого научился?

Но Иллур не разделял оптимизма своего кровного брата. В ярости, сжимая кулаки, царь скифов наблюдал за новой атакой своей конницы. Однако то ли его «внушение» дошло вовремя, то ли конные лучники сделали свое дело, окатив защитников сотнями стрел, но следующая атака закончилась победой. Скифские копьеносцы, словно таран, разбивающий ворота, проломили оборону дарданов на обоих перевалах, обратив их в бегство.

— Уничтожить всех! — взвизгнул Иллур, увидев этот прорыв. — Догнать и убить! Чтобы ни одного дардана не осталось в живых!

Когда Иллур и Леха Ларин поднялись на один из отвоеванных перевалов, то лошадям просто негде было поставить копыто, — он весь был усыпан трупами дарданов и скифов.

— Дорого обошлись мне эти земли, — процедил сквозь зубы Иллур, наблюдая за своими всадниками, преследующими внизу немногочисленных беглецов.

— Но и дарданы здесь почти все полегли, — заметил на это Леха.

Посмотрев на один из перевалов, открывавшихся отсюда, он вдруг заметил блеск шлемов и щитов.

— А это еще что за подкрепление? — вскинул адмирал руку, привлекая внимание царя.

Иллур тоже посмотрел в указанную сторону.

Спускаясь с перевала, солдаты шли ровными рядами, положив на плечи очень длинные копья. За первым отрядом человек в пятьсот показался следующий — мечники. Обгоняя их, вдоль строя проскакала легкая конница. Доспехи и вооружение этой армии не были такими вычурными, как у дарданов, но выглядели даже издали более ладно скроенными. А в движениях солдат чувствовалась выучка и умение повиноваться приказам. На головах виднелись одинаковые шлемы с гребнями из перьев. Леха уже не раз видел подобно одетых воинов и не раз вступал с ними в схватку. Это могли быть только греки.

— Македонцы, — довольно осклабился Иллур, словно услышав его мысли, — значит, скоро мы увидим и самого Филиппа.

* * *

Встреча с македонцами произошла в тот же день, около полудня. После того как отряды скифов окончательно расправились с войском дарданов, сброшенным с перевала, и захватили обе лежащие за ними долины, Иллур приказал встать в одной из них лагерем.

Едва армии заметили друг друга, как от македонцев прибыли послы — пятнадцать тяжеловооруженных всадников, требуя немедленно допустить их к самому Иллуру. Все македонские воины были одеты в раззолоченные кирасы и явно происходили не из бедных слоев. Разглядывая этих помпезных катафрактариев, Леха много бы дал, чтобы узнать, о чем они будут говорить с его кровным братом, направляясь в царский шатер. И был очень обрадован, когда за ним явился посыльный.

— Царь ждет тебя, Ал-лэк-сей, — сообщил ему бородатый воин, — следуй за мной.

«А я-то уж думал без меня пообщаются, — пронеслось в мозгу Ларина, спешившего за посыльным к установленному на холме шатру, — не забыл, братец».

Скользнув взглядом по богато украшенным лошадям посольства Филиппа, что находились у шатра вместе со своими всадниками, адмирал проскользнул внутрь. Не успел он войти, откинув полог, как Иллур извлек из-под нагрудника медальон — золотую птицу с обломанным крылом — и предъявил ее трем стоявшим перед ним македонцам. Самый рослый из них поклонился, снял шлем и потянулся за «ответной частью», которая служила условным знаком заговорщиков. Но покосился на вошедшего, и рука его замерла на полпути.

«Неплохо бы толмача сюда», — подумал Ларин, разглядывая греков и стены шатра. К его удивлению желание тотчас исполнилось. В шатре появился невысокий человек в скифской одежде, но лицом напоминавший выходцев с востока. Ларин неоднократно видел его, это и был штатный переводчик скифского царя. Очередной штатный переводчик, находившийся на этом посту с начала военной кампании против гетов. Поскольку по роду службы переводчики слышали слишком много такого, чего им знать совсем не следовало, то время от времени пропадали, а их место занимали другие. Но отказаться занять освободившееся место, получив приказ царя, никто, ясное дело, не смел. Поскольку сам Иллур тоже был не очень силен в греческом, хотя и знал его лучше, чем Ларин, выучивший несколько фраз, чтобы иногда самолично общаться с пленными.

— Это мой кровный брат Ал-лэк-сей, — представил адмирала посланникам Филиппа царь скифов, — он знает обо всем. И это он будет тем посланником, которого вам надо будет переправить через море к Ганнибалу с добрыми вестями.

— А этот человек будет переводить мне вашу речь, — указав на толмача, кратко пояснил Иллур грекам и, заметив недовольное лицо македонца, снизошел до объяснения, — я не так хорошо успел изучить ваш язык. Ничто из сказанного здесь не выйдет за пределы моего шатра. Филипп может быть спокоен.

Главный из прибывших греков скользнул подозрительным взглядом по лицу толмача, затем по лицу адмирала, явно считая их лишними участниками встречи, но, сжав зубы, смирился. Выбора у него не было. К сожалению, не все люди на свете владели македонским, чтобы общаться с посланцами Филиппа. И скифский царь здесь диктовал свои условия.

— Меня зовут Девкалион, — с легким поклоном ответил надменно державшийся грек, который, похоже, был здесь за главного, — я посол Филиппа Пятого. А это мои помощники Плексипп и Демофонт. Кроме царя, только мы трое будем вести с вами все переговоры. И только мы будем знать обо всем. Для всех остальных наши дела — полная тайна.

— Я буду нем как рыба, — проговорил Леха, приложив руку к сердцу и становясь чуть поодаль.

Когда все формальности были закончены и македонские послы, продемонстрировав наконец обломок золотой птицы Иллору, сели напротив него на лавки и выпили предложенного вина, царь осведомился:

— Когда прибудет сам Филипп?

— Три дня назад Эпир напал на Македонию, и наш царь отправился на эту войну, — нехотя сообщил Девкалион, — он находится в нескольких днях пути отсюда. А меня с войском он послал навстречу к вам, чтобы сломить дарданов.

— И что, — беззастенчиво поинтересовался Иллур, откровенно усмехнувшись, — дарданы сломлены?

Как ни старался, царь скифов не мог скрыть некоторого презрения к грекам и послы, которые в свою очередь относились к скифам как к варварам, это почувствовали. Лица Девкалиона, Плексиппа и Демофонта залились краской. Казалось, они готовы схватиться за мечи. В воздухе возникла напряженность. Но Девкалион был ловким политиком и не первый раз выполнял столь щекотливые задания собственного царя. Сейчас судьба повелевала им сражаться вместе, как союзникам. А потому грек справился со своими чувствами.

— Еще нет, — вымолвил Девкалион, — но большинство земель этого племени и много крепостей захвачено мной и разрушено. Еще несколько дней и мы окончательно уничтожим сопротивление дарданов.

— Это будет несложно, — вдруг вставил слово Ларин, вспомнив недавние битвы, —

мы вам тут помогли немного, разбив по пути несколько армий. Не слишком-то вы торопились на встречу с нами.

Толмач возрился на Иллур с немым вопросом во взгляде. Но царь неожиданно разрешил ему перевести это восклицание. Выслушав перевод, Девкалион нахмурился — эти скифы вели себя слишком смело, скорее как хозяева, чем равные союзники, — но вновь совладал с собой. Армия Иллур была велика, хоть и потрепана в многочисленных сражениях.

— Началась новая война с Эпиром, — повторил грек, — и мы были вынуждены воевать сразу на два фронта.

Леха даже усмехнулся, услышав такой ответ, но вслух больше ничего не сказал. Хватит с него. И так чуть не сорвал переговоры.

— Даже на три, — нехотя признался главный посол, — вчера пришла весть, что иллирийские пираты напали на наше побережье и сожгли часть кораблей, стоявших в гавани. Филипп приказал атаковать их прибрежные селения и даже вторгнуться в глубь горных отрогов, где они скрываются от своих врагов.

Девкалион отпил вина из золоченой чаши и, поставив ее на стол, продолжал излагать.

— Филипп осадил Орик в Эпире. И скоро возьмет его. Этот город — союзник римлян. Я же должен окончательно разбить дарданов, — посол обернулся в сторону своих помощников, молчавших до сих пор, — а Плексипп и Демофонт захватить города в южной Иллирии, продвинувшись до горных селений ардиев, самого воинственного племени из иллирийцев. Колонисты-греки из Аполлония и Эпидамна, что расположены на побережье, пока держат нейтралитет. Но Филипп приказал нам в случае чего не останавливаться перед разгромом этих городов.

— А как ведут себя римляне? — спросил Иллур, внимательно выслушав все, что поведал ему посол македонского правителя. — Что слышно о консулах?

— Ардии не зря напали на наши корабли, — пояснил Девкалион, — за ними стоят римляне. Ганнибал терзает их легионы, но Рим быстро восстанавливает силы. Мы несколько раз перехватывали корабли с советниками римлян, которых консулы посылают к иллирийцам. И знаем, что римляне перебрасывают свои легионы на восточное побережье для того, чтобы потом переправить их сюда. У них большой флот и они контролируют море. Мы не должны позволить им появиться здесь.

— Посланник Ганнибала уверял меня, что у вас тоже большой флот, — заметил Иллур, вновь невольно скривив губы в усмешке, — и вы сможете направить его против Рима. Ведь почти весь мой флот остался в Крыму.

Постепенно спесь слетела с Девкалиона, и Ларин увидел перед собой усталого вояку.

— Да, у нас есть флот, — ответил он, медленно процеживая слова сквозь зубы, — и мы достойно встретим римлян. Но их флот сейчас сильнее. А мы втянуты в войну с иллирийцами, Эпиром и теперь дарданами. Мы, конечно, разобьем всех наших врагов. Но если... царь скифов нападет на Иллирию, то войскам Филиппа будет сделать это гораздо легче.

— Так я и знал, — пробормотал Леха себе под нос, — все приходится делать самим.

А когда толмач, уловивший исходившие от него звуки обернулся, — адмирал сам замахал руками, мол, «не надо переводить».

— Ну что же, — рассудил Иллур, не обратив внимания на возгласы кровного брата, — я не сомневался, что римляне начнут будоражить местные племена, едва я подойду к побережью. Но мы все равно нападём на Иллирию, как того хочет Филипп и как того хочу я сам.

Царь скифов встал и прошелся по юрте. Македонцы остались сидеть, молча наблюдая за его действиями и ловя каждое слово, которое царь выговаривал отчетливо и не торопясь, тщательно обдумывая.

— Передайте Филиппу, что я немедленно двинусь по вашим землям к побережью Иллирии, а вам предстоит самим разделаться с оставшимися дарданами.

Иллур остановился, обернувшись к главному греку.

— Горящую землю иллирийцам я обещаю, Плексипп и Демофонт могут оставаться с тобой, если пожелаешь. А вот вам надо будет не допустить высадки римских легионов, если они появятся здесь раньше, чем я захвачу побережье. Надеюсь, Филипп справится со своими врагами в Эпире к этому времени, а твои македонцы силой оружия подтвердят славу своих предков здесь.

Девкалион вскинул голову — его почти обвиняли в трусости. Но быстро опустил ее. Как ни крути, а без конных орд скифских кочевников гордым македонцам, властителям почти всей Северной Греции, было сейчас не обойтись. Особенно в случае римского десанта на побережье.

— Я передам своему царю твои слова, — Девкалион поднялся, поправив ножны меча и надевая шлем с гребнем из перьев на голову, — завтра же я отправлюсь к нему.

— Великолепно, — ответил на это Иллур, скрестив руки на груди, — и не забудьте взять с собой моего кровного брата. Он должен отбыть посланником к Ганнибалу, едва мы достигнем побережья.

— Плексипп останется с тобой и проводит посланника к морю, где даст ему корабль. Желаю скорой победы над иллирийцами! — сказав это, Девкалион поклонился и вышел. Демофонт последовал за ним.

Остался лишь Плексипп.

— Мой отряд готов выступить немедленно, — произнес военачальник, смерив пристальным взглядом Ларина.

— Нет, — ответил на это Иллур, — мы выступим только завтра на рассвете. Мне еще нужно отдать много приказов своим людям. Предстоит новое наступление.

Спустя три дня Леха Ларин втянул носом соленый запах Адриатики. Пенистые волны бились о камни в небольшой гавани, где были пришвартованы триеры македонцев. Три из них Плексипп выделил для экспедиции в Италию, и это при недостатке кораблей для ведения боевых действий, который ощущался во флоте. Из чего Леха сделал вывод, что добраться он должен в любом случае. Две триеры составляли охранение посланника. Отплытие было намечено на предстоящую ночь. Путь был недалекий, как ему рассказали, но в море кишели римские корабли. Так было больше шансов проскочить незамеченными.

— Ну, прощай брат, — обнял Леха Иллур.

Они стояли у шатра, который царь скифов велел поставить рядом с горой. У подножия желтых скал обосновались передовые части достигших Адриатики скифов.

— Выполню все в точности, как приказал, — подтвердил адмирал.

— Как встретишься с Ганнибалом, сразу возвращайся назад, — добавил Иллур, — найдешь меня здесь...

Он замолчал на мгновение и, обводя взглядом прибрежные скалы и сделав неопределенный жест рукой, закончил наставления:

— На побережье.

Глава семнадцатая

Праздник огня

Едва стемнело, захватив свой мешок с палубы, Терис первым исчез в трюме, уставленным бочками со смолой. Окинув подозрительным взглядом пристань, где шаталось еще немало народа, Федор спустился за ним. «Главное, — подумал Чайка, переставляя ноги по ступенькам лестницы, — чтобы римляне не надумали поинтересоваться Сандракисом раньше завтрашнего утра».

Достав из мешка все необходимое, они расщепили несколько найденных досок и, обмотав паклей, изготовили факелы. В полумраке карфагеняне возились довольно долго, но спустя час все было готово. У бочек со смолой выбиты крышки и «фитили», как их называл командир двадцатой хилиархии, прикручены к каждой. Оставалось только подпалить.

Несколько раз Федор прерывался и высовывал голову из трюма над поверхностью палубы, чтобы обозреть окрестности. Но все было тихо. Намеченные им на роль жертв квинкеремы мирно дремали у пирса на другом берегу акватории, уже едва различимые в темноте. Римские морпехи, вернувшись с занятий, разошлись по своим баракам. Еще до захода солнца в гавани появился отряд всадников, но, пообщавшись с пешими legionерами, ускорил обратно в город. У Федора, наблюдавшего за ними с корабля, вырвался вздох облегчения. Он уже решил, что сейчас начнется прочесывание всей гавани на предмет поиска нападавших. Однако римляне, по всей видимости, решили, что неудавшиеся убийцы Марцелла прячутся где-то в городе и не стали оцеплять всю акваторию. Даже количество патрулей осталось тем же.

«Храбрый парень этот Марцелл, — усмехнулся Федор, снова спускаясь в трюм, — а впрочем, чего ему бояться. Он же пока в своем городе. Да и народу нельзя показывать, что ты боишься каких-то двух пробравшихся в город финикийцев. Слухи поползут. Так что смелость сенатора нам только на руку. Должны успеть».

— Ну как у тебя? — спросил он у адъютанта, закончившего привязывать последний факел к бочке.

— Порядок, — отрапортовал Терис, — разгорится быстро. Можем отправляться.

— Подождем еще, — рассудил Чайка.

Надышавшись смоляными парами, они выползли на палубу проветриться, примостившись на корме. Вся акватория уже погрузилась во тьму, лишь на дальнем конце у складов горело несколько факелов. Торговцы наконец покинули площадь. На других кораблях кое-где мелькали едва различимые тени матросов, но большинство судов просто стояло на привязи, а команды уже давно гудели в кабаках. Соседние с посудиною Сандракиса корабли тоже казались безлюдными.

Вдоль складов прошелся римский патруль из шестерых legionеров, но, не обнаружив ничего подозрительного, скрылся в небольшом бараке, где у них было оборудовано караульное помещение. На небе появились первые звезды, с каждой минутой делаясь все ярче. Однако, словно в ответ на опасения Чайки, вскоре поднялся ветерок и по небу поползли тучи, то и дело скрывая звезды во мраке.

— Пора, — решил Федор, повинаясь внутреннему чутью.

Он встал, пробираясь к сходням.

— Я отвязу канаты, — приказал он вполголоса, чтобы случайный прохожий не услышал их, — а ты поднимай парус. Сумеешь?

— Сумею, — ответил Терис, и Федор больше догадался, чем увидел в темноте его уверенный кивок.

Спрыгнув на пирс, Чайка едва различил во мраке два массивных бревна, у носа и кормы корабля, вокруг которых были обмотаны швартовочные канаты. Нашел на ощупь первый узел и с большим трудом его развязал. Корабль Сандракиса, почуяв свободу, начал потихоньку отходить кормой от пирса. Федор взялся за второй и вдруг услышал за собой громкий голос.

— Ты чего это, Каполидис, на ночь глядя отплыть собрался? — обернувшись, Федор разглядел в двух шагах здорового мужика, смахивающего видом на капитана одного из соседних кораблей. — Пойдем лучше выпьем. Нас только что отпустили с барышами.

Федор, молча, заканчивал развязывать крепкий узел, но тот не спешил поддаваться. Случайно Чайка задел ногой связку каких-то обструганных кольев, сложенную прямо на причале. Один из них, длиной метра полтора, откатился в сторону.

— Да ты не Каполидис, — присмотревшись, изрек мужик, приближаясь почти вплотную, — эй ты, что, хочешь угнать корабль моего друга? А ну стой, не то я сейчас вызову legionеров.

Он схватил Федора за плечо своей жилистой рукой. Объяснять было бесполезно, да и некогда.

— Не надо, — кротко ответил Федор, почуяв, что узел наконец поддался, — сами

разберемся.

Чайка был безоружен, а на поясе у неизвестного капитана он разглядел тускло блеснувшую рукоять ножа. Федор подхватил кол и быстро распрямился. Резким ударом ноги в пах заставил громилу согнуться, а потом нанес мощный удар по голове. Следом, для верности, еще раз. Капитан рухнул на пирс без сознания.

— Извини, брат, — попрощался с ним Федор, отвязывая канат и запрыгивая на борт отчалившего корабля, — не вовремя ты тут оказался. А я должен сделать то, что задумал в любом случае.

Бросив прощальный взгляд на пирс, Чайка больше никого не заметил. Внезапно появившегося капитана он приглубил основательно. Тот должен был пролежать здесь без сознания достаточно долго.

— Будем надеяться, что его друзья ждут в кабаке и не скоро здесь объявятся, — пробормотал он вслух, покрепче взявшись за носовые ограждения. Убивать незадачливого капитана ему не хотелось.

Терис, дождавшись Чайку, поднял парус, едва различимый во мраке, и «торговец», поймав ветер, начал набирать ход, оставляя пристань Тарента позади. Адьютант встал у руля. Корабль оказался достаточно быстрым.

— Осторожнее правь, — приказал Федор, заметив в опасной близости слева по борту разделительный мол, — не хватало нам просто напороться на мель.

Терис повернул руль и отвел корабль чуть в сторону. Чайка снова посмотрел назад. Никакой суматохи там пока не поднималось. Их отплытия, кроме незадачливо капитана, никто, кажется, не заметил.

— Вот и конец мола, — вскоре заметил Федор, перегнувшись через ограждение, пытаясь лучше рассмотреть черную гладь воды, — возьми еще правее, здесь могут быть большие камни.

Идти приходились «по приборам», ориентируясь лишь на огни, яркими точками горевшие кое-где на берегу и в самом городе. Корабль шел достаточно ходко и Чайка боялся теперь лишь одного, чтобы они по глупой случайности не налетели на какой-нибудь камень или на мель, которые здесь встречались. Этой ошибки он бы себе не простил. Но морские боги этой ночью явно благоволили солдатам Карфагена, задумавшим спалить римский флот. «Торговец» благополучно прошел вдоль едва различимого мола и оказался на открытой воде. Правее, примерно в километре, должен был находиться еще один, гораздо более мощный вал, отделявший всю акваторию от моря. В нем Федор еще днем разглядел узкие, перегороженные цепью ворота, предназначенные для прохода одной квинкеремы. Там сейчас мерцающей точкой в ночи горел сигнальный костер, там были римляне. Но прорываться сквозь главные ворота Федор Чайка и не планировал. «Нам бы внутренний мол обогнуть без проблем», — пробормотал он.

А вслух добавил:

— Поворачивай, здесь уже должны быть нормальные глубины.

Послушный рулевому веслу корабль лег на левый борт, на приличном расстоянии обогнув край мола и развернувшись носом к военной гавани, где во мраке спали боевые корабли римлян. Пара факелов тусклыми точками обозначала лишь караульное помещение у ворот, где дежурили legionеры.

Некоторое время Чайка прикидывал курс, вспоминая все, что он видел у этого берега днем, и пытаясь определить, в каком направлении лучше нанести удар. «Триеры стояли на левом фланге, — размышлял Федор, вдыхая теплый морской воздух, — а биремы, кажется, с правого края. В общем, тут не промахнешься. В любом случае кого-нибудь протараним. Но лучше угодить в квинкерему. Значит, будем метить в центр побережья».

— Правее возьми, — приказал Федор, поразмыслив.

Половину акватории они уже, судя по огням на берегу, поплыли. Цель приближалась. Сейчас Тарент никак нельзя было назвать «ночным городом». Никакой ночной жизни в нем не было. Если и горели огни, то только на административных зданиях, да там, где

располагались римские войска. У ворот в военную гавань и еще кое-где. Весь остальной город погрузился во тьму. Уже давно прозвучал отбой у морских пехотинцев и моряков на кораблях, не ожидавших что в «запечатанном» порту могла возникнуть какая-то угроза. На это Чайка и сделал расчет.

«Это хорошо, — размышлял Федор, слушая плеск волн и наблюдая за редкими огоньками по левому борту, — что везде темно. Если доберемся до берега, а плыть метров пятьсот, может, семьсот, то есть шанс прошмыгнуть незамеченными в город. Конечно, если к тому моменту выход из торгового порта не перекроют. Тогда придется прорываться через склады, что примыкают к молу между военной и торговой гаванью. Там темнее и забор не очень высокий. И до ближайших домов рукой подать. В общем, прорвемся».

— Может быть, уже пора поджигать? — раздался голос Териса, который оторвал Чайку от обдумывания плана побега.

Парень был прав, сначала надо было сделать дело.

— Да, — согласился Федор, бросив взгляд на берег, потом на черные громады кораблей, которые стали уже слегка различимы, и добавил, — держи курс, я сделаю это сам.

Он спустился по лестнице в темный трюм. Высек искру из огнива и запалил первый факел. А потом осторожно, но быстро, пробрался вдоль всего ряда бочек со смолой и поджег факел у первой носовой бочки. Огонь играючи охватил просмоленное тряпье, а потом, несколько раз лизнув вязкую поверхность, перекинулся и на содержимое бочки.

Не тратя времени, Федор поджег следующую. Та тоже занялась быстро. Чайка с факелом в руках стал пятиться в сторону квадратного отверстия в палубе, поджигая одну бочку за другой. А несколько последних даже опрокинул на стволы кедра. Горящая смола с шипением растеклась по древесине, облизывая борта корабля и палубу снизу. В носовой части быстро разгоревшийся огонь уже даже стал прорываться вверх. Пространство под палубой вскоре заволело черной гарью и Федор, закашлявшись, поспешил выбраться вверх. И так слишком долго возился.

Едва он поднялся по лестнице, как у его ног в палубу вонзилась стрела. Подняв голову, Чайка увидел, что полыхающий брандер на полной скорости приближается к пирсу, где стоят грозные квинкеремы. До столкновения оставалось не больше минуты. В зыбком свете он заметил, что в нескольких местах корабли стоят плотно притершись друг к другу бортами, чтобы сэкономить место, ведь их вошло в гавань гораздо больше, чем она могла принять. И в том, что их наконец заметили, можно было уже не сомневаться. На кораблях били тревогу, а у кормы двух ближних квинкерем столпилось уже несколько лучников. Они посылали стрелы, одну за другой, в фигурки финикийцев, хорошо различимых в свете полыхавшей у них под ногами палубы.

Карфагеняне были теперь как на ладони, а вот римляне стали быстро исчезать за дымом и языками пламени, вырывавшимися уже отовсюду. Но лучше всего горело на носу и в центре. Сквозь грузовое отверстие в палубе огонь выплескивался вверх алыми языками, иногда полностью перекрывая видимость и грозя сжечь парус. «Интересное ощущение, — натужно усмехнулся Федор, увертываясь от стрел и пробираясь на корму к Терису, который пытался держать курс, — когда под тобой горит палуба и огонь поджаривает пятки. В аду, наверное, все так и происходит».

— Терис, — крикнул он, оказавшись наконец на корме, — направь корабль правее, между тех кораблей. Там как раз есть место. Если попадем, точно сразу оба загорятся.

Помолчав мгновение, он добавил:

— Скоро прыгаем. Мы и так слишком близко подошли.

— Хорошо, — кивнул Терис, но вдруг как-то неестественно дернулся, потом качнулся вперед и повис на рулевом весле, навалившись на него грудью. Корабль стал резко забирать влево, норовя уйти в сторону. Присмотревшись, Чайка увидел, что из спины Териса торчит острое стрелы, пронзившее генуэзского паренька насквозь в районе сердца.

— Ах вы суки, — выругался Федор, снимая мертвого Териса с весла и осторожно укладывая на палубу, — такого парня загубили. Ну погодите у меня, сейчас я ваши шаланды

запало так, что мало не покажется. За всех карфагенян отомщу.

До столкновения объётому пламенем брандеру оставалось пройти совсем немного. Федор уже даже мог разглядеть разъяренные рожи римских морпехов, но и сам он, чумазый от копоти, вряд ли выглядел мирно. Уворачиваясь от стрел, которые свистели над головой, он все же закрепил руль веревкой, направив корабль, куда хотел. Потом скинул с себя мешавший плащ. Оба меча лежали в мешке, но Федор не стал их оттуда забирать. Бросил короткий взгляд на мертвого Териса и, проговорив: «Прощай, парень», столкнул его тело в воду, а потом бросился вниз сам.

Вынырнул он уже там, где было темно. Задержал дыхание. Плавать в морской пехоте его научили хорошо еще в прошлой жизни. Проплыв метров пятьдесят, Федор остановился и, отфыркиваясь от соленой воды, осмотрелся. Брандер неумолимо приближался к своей цели. Направил он его хорошо, как заправский подводник торпеду. Римляне забежали по палубам своих обреченных кораблей, но сделать ничего не смогли. На глазах Чайки полыхавшее двадцатиметровое судно, парус на котором уже вспыхнул и сгорел, по инерции вошло в узкую щель между двумя кораблями и, уткнувшись в пирс, едва не рассыпалось на части. Палуба «торговца» от столкновения обвалилась вниз, разбушевавшийся огонь вырвался наружу и принялся лизать борта и снасти более высоких квинкерем. На пирсе стояли какие-то подготовленные к погрузке ящики, они тоже занялись, быстро распространяя область поражения.

— Хороший корабль был у Сандракиса, — проговорил Федор, сплюнув в очередной раз соленую воду, — жаль только не ходить ему больше в море. Но зато какую службу сослужил.

И, не оглядываясь больше назад, Федор поплыл в сторону основания мола и складов торговой гавани, где пока не было суматохи. Он греб изо всех сил и, когда наконец его рука коснулась досок низкого пирса, подумал, что побил мировой рекорд. Он сильно устал, но отдыхать было не время. Стоя по пояс в воде в мокрой тунике, Федор скользнул взглядом по темному пустынному берегу, а потом обернулся в сторону разгоравшегося в военной гавани зарева. Обе квинкеремы и часть пирса пылали, охваченные огнем, который грозил перекинуться на соседние корабли. Урон был уже приличным, но Федор надеялся на большее. Однако наблюдать за пожарищем дальше было смерти подобно. На воде появилось сразу несколько бирем с морскими пехотинцами, которые обшаривали акваторию при свете пожара и своих факелов в поисках людей, прыгнувших в воду. Римляне отчетливо понимали, что сам собой этот корабль приплыть не мог. А сбежавшие поджигатели еще не успели уйти далеко. Убили ведь они только одного, да и то могли не разглядеть, что убили.

— Однако я здесь слишком задержался, — пробормотал Федор, вылезая на мокрые доски, — пора и честь знать.

Он пробежал по причалу до самых складов, перемахнул через забор и бросился бежать по их территории, лавируя между грудами ящиков и бочек, попутно уловив такой знакомый запах смолы и машинально отметив, что если бы удалось поджечь еще и эти склады, то пожар вышел бы грандиозным. Но времени не было. С ходу Чайка подтянулся и преодолел другой забор, как на полосе препятствий. А спрыгнув на узкую припортовую улицу, которая отделяла склады от первых городских строений, остановился перевести дух. В этот момент он услышал, как открывается дверь в двадцати шагах и с изумлением увидел выходящих оттуда римлян. Один из них был с факелом. Другой держал в руке копье. Не стоило большого труда догадаться, что Чайка решил отдохнуть рядом с «караулкой» легионеров.

— Слушай Эмилий, — спросил тот, что был с факелом у своего сослуживца, — мне показалось, что я слышал какие-то крики со стороны моря. Надо пойти проверить.

— Зачем, — ответил ленивый Эмилий, — это наверняка пьяные матросы с кораблей буянят. Порежут друг друга, да и только. Нам беспокоиться не о чем. Давай лучше еще опрокинем по кратеру хорошего вина. Я только сегодня отобрал его у одного торговца.

— Ты знаешь службу, — напомнил легионер с факелом, придерживая ножны меча другой рукой, — здесь ночью нельзя появляться даже матросам. На этих складах запасы для

строительства кораблей. Если опцион узнает, что у нас тут матросы разгуливают, как у себя на корабле, то нам мало не покажется. Пойдем, проверим.

— Какой ты въедливый, Марк, — нехотя согласился его собеседник.

— Потому я уже тессерарий, хоть и недавно служу, а ты все еще в рядовых, — самодовольно заявил Марк.

Федор вжался в забор, стараясь не дышать. Стоило Марку повернуться в его сторону и чуть поднять факел, как он был бы обнаружен. А Чайка этого совсем не хотел. Он, конечно, мог бы напасть первым и уложить обоих, хоть и голыми руками. Сил хватит. Но внутри наверняка были еще легионеры. Начнется погоня, и тогда он не доберется до дома Сандракиса. Но, к счастью, легионеры решили все проверить вдвоем и двинулись в сторону торгового порта, освещая дорогу факелом. А Чайка, едва они отделились на пятьдесят шагов, перебежал улицу, оказавшись в тени каменного дома, хозяева которого видели десятый сон. Он уже собирался исчезнуть в темноте боковой улочки, терявшейся в городских кварталах, как вдруг справа, со стороны главного входа в торговую гавань, послышался тяжелый топот сотен подкованных сандалий. И Чайка, повинуясь инстинкту, задержался. Его все равно было не видно.

В порт ворвалась целая манипула легионеров с факелами. На пирсе стало светло как днем. Удивленные Марк и Эмилий остановились, глядя на прибывшее подкрепление в ожидании объяснений от командиров. Но Федору все стало ясно и без них. «Сейчас они прочешут пирсы и скоро поймут, чьего корабля не хватает, — размышлял он как-то отстраненно, словно речь шла не о нем, — а когда поймут, бросятся к дому Сандракиса. Надо торопиться. Ой, как надо».

И он исчез в темноте ночного города. Минут двадцать он бежал, босой по камням, изредка сливаясь со стенами, когда слышал топот ног пробежавших стороной римлян. Но, к счастью, ни один патруль не вырос у него на пути неожиданно, иначе было бы не обойтись без расспросов. А в этот час, да еще после случившегося пожара, зарево которого было видно даже здесь, римляне не поверят ни одному объяснению. Тем более мужика в мокрой тунике, волосы на голове которого разительно отличались по цвету от бороды, — во время заплыва Чайка потерял отклеившийся парик.

В конце концов Федор добрался до нужного дома. На улице было спокойно. Чайка толкнул калитку — она была заперта. Тогда он по привычке перемахнул через забор и подобрался к двери.

— Стой, где стоишь, — раздался приглушенный шепот по-финикийски из окна на втором этаже, когда Чайка безуспешно толкнул и эту дверь, — иначе я пушу тебе навстречу стрелу и навсегда отучу воровать.

— Летис, это я, — крикнул в ответ Федор, — лука у тебя нет, я знаю. А багром промахнешься. Кроме того, местные воры говорят по-латыни и по-гречески. Открывай, у нас мало времени.

— Удалось? — бросился к нему Летис, едва его друг и командир поднялся по лестнице наверх.

— Удалось, — ответил Федор, залпом выпивая кувшин с водой, стоявший на столе, — такой пожар полыхает, что уже отсюда видно. Надо бежать, немедленно. Отвязывай купца.

Отдышавшись, Федор поставил кувшин на стол и кивнул в сторону Сандракиса, уже вторую ночь проводившего привязанным к столбу.

— Где Терис? — вновь спросил здоровяк, разматывая веревку.

— Погиб, — ответил командир двадцатой хилиархии, — его убили стрелой прямо в сердце. Дело было не из легких, но он держался молодцом. И погиб как герой за Карфаген. Жаль парня.

Летис засопел и в ярости ударил кулаком в балку прямо над головой купца, отчего тот вздрогнул.

— Что вы сделали с моим кораблем? — первое, что дрожащим голосом спросил Сандракис, когда его наконец отвязали.

— Твой корабль хорошо послужил Карфагену. С его помощью я только что поджег несколько римских кораблей, — просто ответил Федор. — Легионеры уже рыщут по всему городу, разыскивая меня. Поэтому мы должны немедленно бежать.

Сандракис охнул, опускаясь на скамью.

— Нечего тут расслаживаться, — заявил Федор, — нам дорого каждое мгновение. Летис подготовь пару пустых телег, мы немедленно покидаем этот дом и двигаемся в сторону крепостных ворот в той же башне, через которую въезжали.

— Когда дежурит твой друг? — Чайка вновь посмотрел на купца.

Грек молчал, и тогда Федор хлопнул его по плечу, чтобы привести в чувство.

— Он дежурит там несколько дней подряд, — очнулся и проблеял слабым голосом испуганный купец. — С того дня, как мы приехали. Завтра на рассвете должен смениться, кажется.

— Ну вот и отлично, — выдохнул Федор, обрадовавшись, — боги меня услышали. На двух телегах мы снова изобразим небольшой караван, что отправляется за вином. Лучше ничего в голову не приходит. Придумаешь что-нибудь на ходу. Мне плевать что. И дашь ему монет, больше чем обычно. Много больше.

Услышав про деньги, Сандракис напрягся.

— Если он поймет, что мы беглецы, то арестует нас или... запросит столько, что всех моих денег не хватит. Он очень жадный.

— Ты тоже, — отрезал Федор, — Летис дай-ка мне свой кошелек с римским золотом. Ты его сохранил, надеюсь?

Свой кошелек Чайка утопил, как и парик. Забрав римское золото у Летиса, Федор кинул кошелек греку.

— Вот тебе, для того чтобы умиловить римского центуриона. Здесь достаточно, чтобы он навсегда забыл о том, что нас видел. Не жалею об этих деньгах и помни: если спасемся, я награжу тебя по-царски. Это я тебе обещаю. А кроме того, выбор у тебя не велик. Римляне знают, что это твой корабль поджег военные суда, и повесят тебя первым, как только найдут. Так что теперь тебе одна дорога — с нами в лагерь армии Ганнибала.

На Сандракиса было жалко смотреть.

— А догадаются они очень быстро. Может, прямо сейчас они уже бегут к нашему дому, поняв, что на пирсе не хватает твоего корабля, — добил его Федор сущей правдой. — Ну так ты пойдешь с нами по своей воле?

— Ты прав, — ответил грек, и лицо его сделалось жестким. — У меня нет выбора.

— Этот город все равно скоро будет нашим, и ты даже сможешь здесь торговать, — пообещал командир двадцатой хилиархии, закончив разговор, — в общем, я переоденусь. А вы спускайтесь вниз и выводите телеги.

Разыскав сухой хитон в чулане, он переоделся, вновь став похожим на образцового слугу. Нового парика здесь, ясное дело, не было, зато Федор нашел небольшую шляпу, видимо, одного из приказчиков, прикрывавшую голову до ушей, что оказалось как нельзя кстати. Натянув ее поглубже, он уселся в одну из телег рядом с купцом. Летис вел другую. Хлестнув коней — каждую тянуло сразу по две лошади, — они выехали со двора, заперли ворота и направились в сторону верхнего города. Римляне пока не появились.

Главы восемнадцатая И снова штурм

Прогромыхав по темным улицам верхнего города без особых приключений — дважды они видели римские патрули, передвигавшиеся по соседним улицам в сторону порта, но каждый раз удача сопутствовала им, — «купцы» подъехали к воротам нужной башни. Здесь путь им преградило сразу шестеро легионеров.

— Давай, Сандракис, — шепнул ему Федор, останавливая телегу, — выручай. И помни о награде.

Купец медленно слез на землю и, остановившись напротив солдат, стоявших с факелами в руках, поискал глазами знакомого опциона.

— Здесь ли сегодня достойный Лутаций? — наконец выдавил из себя греческий купец.

— Центурион отдыхает, — ответил один из стражников, сделав шаг вперед, — велел его не беспокоить. А вы почему передвигаетесь по ночам, не слышали о новых порядках?

«Может быть, они еще не знают, что горит в порту, — воспрянул духом Чайка, осмотрев пустынную улицу позади, — значит, у нас есть минут двадцать. Надо успеть. Давай, Сандракис, работай».

— Мы понимаем. И все же я прошу вызвать его, у меня к нему очень срочное дело, — сделав над собой усилие, пробормотал Сандракис, озираясь по сторонам, — уверен, он останется доволен.

Опцион, который был здесь за старшего, смерил взглядом Сандракиса и, видимо, признал его. Как-никак видел не в первый раз. И не раз пропускал через эти самые ворота в неположенное время. Такова судьба таможенника.

— Ладно, — нехотя согласился он, приближаясь к греку, который едва не падал в обморок от страха, — но беспокоить начальство, опасная работа. Надеюсь, я тоже останусь доволен?

«Только бы купец не подвел», — напрягся Федор, натягивая поглубже шляпу и положив руку на спрятанный в соломе кинжал. На этот раз он не решился проходить ворота совсем безоружным. Это был один из кинжалов Летиса, который поделился ими с командиром, засунув свой сзади за пояс, а сверху накрывшись накидкой.

Сандракис подождал, пока легионер приблизится на расстояние вытянутой руки, и привычным жестом сунул ему в ладонь монету.

— Жди здесь, — бросил сразу подобревший опцион, удаляясь в караульное помещение башни.

Оглянувшись назад, Сандракис встретил ободряющий взгляд командира двадцатой хилиархии. Пока все шло нормально. Федор вновь посмотрел на пустынную улицу и прислушался. Отсюда, от башенных ворот, акватория была частично закрыта высокими домами и храмами, на небе виднелись лишь слабые всполохи. Хорошо пожар мог быть виден только с самой башни. Чайка поднял голову, но ничего подозрительного не заметил. Прислуга метательных орудий на башне и прилегающей стене, похоже, дремала, расслабившись от слишком долго ожидания штурма, который все не начинался. Ганнибал медлил, и это неожиданным образом сказывалось на римлянах. Они начали привыкать к безопасности.

«Это не надолго, — хорохорился Чайка перед самим собой, — нам бы только выбраться отсюда, а там, дайте срок, мы скоро вернемся, и мало не покажется».

Наконец под аркой появился заспанный Лутаций.

— Острый пилум тебе в анус, опцион, если ты разбудил меня зря!

Послышались его ругательства.

— Ну, кто тут хотел меня видеть посреди ночи, когда здесь вообще появляться запрещено, — прогрохотал Лутаций, приближаясь, но, разглядев свой «дополнительный источник доходов», ухмыльнулся, плотоядно ослабившись, — а, это ты, Сандракис. Ну зачем ты явился сюда посреди ночи и нарушил мой драгоценный сон?

Выражение лица центуриона очень обрадовало Федора, наблюдавшего через плечо греческого торговца за происходившим. И особенно тон, которым было произнесено слово «драгоценный», — медленно, нараспев, с намеком. Если купец не поскупиться, то отделаться от продажного центуриона хорошей мздой будет легче всего.

— Пусть уважаемый Лутаций не гневается, — велеречиво начал грек, мастер выражаться туманно, — но мне срочно понадобилось отправиться в новую поездку. Вино, что я привез два дня назад, уже продано.

— Значит ты неплохо подзаработал, — довольно усмехнулся центурион, поглаживая подбородок, — это стоит обсудить, отойдем-ка к стене.

— Это так, — не стал отнекиваться Сандракис, проявляя чудеса дипломатии и отходя на несколько шагов в сторону от легионеров, но оставаясь недалеко от повозок, — но я взял новый заказ и хотел успеть выехать за время вашей стражи. Ведь с другими центурионами у меня не такие... эээ... дружеские отношения.

С этими словами грек высыпал на ладонь все еще хмурого спросонья центуриона горсть монет. Федор узнал кошелек, это было римское золото. «Неплохая сумма сегодня достанется нашему другу», — подумал Чайка. Однако Лутаций, был не глуп и очень жаден. Он видел, как хочется Сандракису побыстрее проскочить на другую сторону ворот и решил использовать этот момент на полную. Ведь там Сандракиса будут «раздевать» уже другие офицеры, а здесь, с этой стороны ворот, он один царь и бог.

— Не слишком же ты высоко ценишь мой покой, грек, — проговорил центурион, взглядом пересчитав монеты, и повторил с нажимом, — мой бесценный покой.

Сандракис вздрогнул, но, сделав над собой новое усилие, вложил в другую руку кошелек с остатками золота. Центурион просиял, и сон с него как рукой сняло.

— Вот теперь, — он высыпал монеты обратно в кошелек и подкинул его на ладони, — я вижу, что ты раскаялся, и готов оказать тебе услугу.

Он поднял руку и крикнул опциону.

— Открывай ворота! Пропустить эту пару повозок, — а обернувшись вновь к греческому купцу, добавил для строгости, — но смотри у меня, Сандракис, не стоит слишком часто беспокоить меня такими просьбами. Я римский офицер и стою на страже порядка.

— Я вас больше не побеспокою, — поклонился Сандракис, усаживаясь на телегу.

— Вот именно, — бросил вдогонку Лутаций, страшно довольный собой, — не раньше, чем через десять дней. А то совсем распустились.

Федор хлестнул лошадей, и телега покатила сквозь арку. За ним пристроился Летис, снова игравший роль немого. Впрочем, на этот раз их даже не досматривали. Центурион вообще не приближался к телегам. «Вот что значит дать хорошую взятку, — усмехнулся Чайка, снова хлестнув лошадей, — деньги могут сделать то, что не всегда может сделать оружие. А во многих случаях даже нет необходимости убивать. Можно купить или договориться. Карфаген почти всегда так и поступает со своими противниками. Конечно с теми, с кем можно договориться. Воистину им управляют мудрые люди».

Прогрохотав по мосту, который тотчас поднялся обратно, телеги оказались в чистом поле, растворившись в темноте. Только звезды на очистившемся от облаков небе сияли предательским светом. Все трое выдохнули, дав разрядку своим, натянутым как струна нервам. Однако Федор отчего-то был уверен, что расслабляться еще рано, и хлестал лошадей изо всех сил, заставляя повозку просто лететь в ночи. Так, что Летис еле поспевал за ним.

Они гнали так примерно полчаса. Проскочив пару заброшенных деревень и спустившись во вторую долину, Чайка вдруг резко свернул на едва различимую полянку за лесом и остановился.

— Зачем мы сюда свернули? — напрягся Сандракис, увидев, что Чайка спрыгнул на землю и, вынув из сена кинжал, стал разрезать упряжь лошадей. — Вы хотите от меня избавиться?

— Не шуми, грек, — мирно пробасил Федор, — я свое слово держу. За нами будет погоня, я уверен. Так что лучше нам бросить телеги и пересесть на коней верхом, если хочешь выжить. Так будет быстрее. И шансов больше. Летис, освободи себе одну лошадь.

— Но ведь мы же выехали из города, — проговорил озадаченный купец, глядя, как тускло сверкнуло в лунном свете лезвие второго кинжала.

— Ты забыл про свой корабль? — напомнил Федор, подводя одного коня к Сандракису, — там сейчас такой переполох творится, что римляне наверняка уже «поняли», чьих это рук дело, а потом осмотрели и твой дом. Как ты думаешь, сколько времени пройдет, пока этого Лутация возьмут за... самое дорогое и вытрясут из него, что он недавно пропустил за ворота две повозки?

Потрясенный грек молчал. Рука смерти еще простиралась над ним.

— Моли бога, чтобы он не признался сразу, — продолжал Федор, — тогда времени у нас будет больше. Но насколько я знаю Марцелла, он сейчас в гневе. И если твой дурак-центурион все же признается, то за кошелек с золотом он потеряет не только карьеру военного. Боюсь, ему отрубят голову или скормят львам. А за нами немедленно отправят погоню. Так что, если не хочешь закончить как Лутаций, садись на коня, и поскакали дальше. Времени у нас мало.

Сандракис, явно не привыкший к такому способу передвижения, еле взобрался с повозки на лошадь, подложив вместо седла мешок из телеги. Держался он на коне неловко, норовя рухнуть в низ, тем более что управлять конем можно было только ногами, а руками держаться за гриву. Освобождая второго коня, Чайка поглядывал назад, но пока все было тихо, только кричали в лесу ночные птицы. Взобравшись на коня и глянув в сторону Летиса, неуклюжей громадой уже возвышавшегося неподалеку, Чайка решил, что они втроем сейчас похожи на американских индейцев или, в лучшем случае, на нумидийцев. Тем тоже ничего на скаку, кроме пяток, было не нужно. Хотя у нумидийцев, надо признать, была хотя бы уздечка, а у них даже этого не было. Но приходилось обходиться тем, что есть.

— Вперед, — приказал Чайка, ударив пятками по бокам лошади, и вновь выехал на дорогу.

Остальные члены его отряда последовали за ним на небольшом расстоянии. Крепко ухватившись за гриву и наподдав сандалиями, Федор смог заставить свою лошадь, больше привыкшую к неспешному шагу, перейти на галоп. Вторым ехал здоровяк из Утики, лошадь которого спокойно выносила его вес, привычная к перевозке тяжестей больше, чем к быстрой езде. А Сандракис, болтавшийся на спине смирного животного, как мешок соломы, немного поотстал. Несколько раз, обернувшись через плечо, Чайка при свете звезд и луны, то и дело исчезавшей за облаками, неизменно находил взглядом его качавшуюся, словно маятник, фигуру. И, наконец, успокоившись, перестал за ним наблюдать. «Если хочет выжить, то постарается не свалиться с коня, — решил Федор и сам без седла ощущавший себя не слишком комфортно, — может быть, мысль о вознаграждении его подстегнет».

Так они скакали по дороге около двух часов в кромешной тьме, а погони все не было. Федор, которого не отпускало глубинное чувство, что римляне рядом, даже забеспокоился. Наконец, поднявшись на высокий лесистый холм, он остановился, поджидая своих спутников, и заметил позади то, что давно ожидал увидеть. Полная луна показалась на небосводе, залив все окрестности вязким серебром. И всего в паре километров Чайка заметил тусклый блеск десятков отполированных шлемов, которые отражали лунный свет. И хотя этот блеск был очень слабым, наметанный глаз разведчика сразу уловил, что их нагоняет отряд римской конницы числом не менее двух турм. К счастью, луна вовремя осветила их доспехи, и Федор уловил в этом некий знак. Боги Карфагена по-прежнему хранили их.

— Давно я вас поджидаю, — усмехнулся Федор, словно был рад появлению римлян, — даже соскучился.

— Что ты бормочешь? — не расслышал здоровяк, осаживая коня рядом.

— Нас преследуют, как я и думал, — указал Федор Летису на колыхавшиеся в долине шлемы римских катафрактариев, — человек шестьдесят, может больше.

— Что будем делать? — Летис развернул коня и посмотрел вниз.

— Надо свернуть с дороги, — спокойно заметил на это Федор. — Придется заложить хороший крюк, через деревни к западу, но иначе не уйти. Я предпочитаю еще раз повстречаться с мародерами, чем познакомиться с этими разъяренными бойцами.

В этот момент до них доскакал Сандракис.

— Я больше не могу, — прохрипел он и заныл, — я привык путешествовать в повозке. Я не всадник. Мне нужно отдохнуть и лучше до утра. Давайте поспим немного под деревьями, наберемся сил.

— Это ты лучше им объясни, — прикрикнул на купца Летис, указав на приближавшийся отряд.

Грек обернулся в указанном направлении и застыл от изумления.

— Твои друзья, римляне, — не смог сдержать издевки Федор, когда убедился, что Сандракис разглядел все, что требовалось, — мы не очень хотим с ними встречаться и сворачиваем с дороги на запад, а ты, если хочешь, оставайся.

И тронул коня.

— Не бросайте меня! — взмолился Сандракис.

— Тогда пошевеливайся, если не хочешь встречать рассвет на виселице, — успокоил его Федор, — твои кони тебе под стать, они слишком медленно передвигаются. Впрочем, по правде говоря, без них мы и сюда бы не добрались. Так что, терпи Сандракис, и ты получишь свое.

И вся троица на уставших конях, проскакав еще метров триста, свернула на узкую дорогу, очень скоро превратившуюся в лесную тропинку. Не прошло и пяти минут, как позади раздалось истошное ржание и конь под греческим купцом пал. А сам он с криком свалился в канаву.

— Жив? — спросил Федор, развернув коня и подъезжая к месту падения Сандракиса.

— Жив, — проскулил грек из темноты, — только ногу повредил. Больно наступить.

— И что мне с тобой делать? — поинтересовался Чайка, — римляне скоро будут здесь. Может быть, если повезет, проскачут мимо. А если попадетсЯ дотошный декурион и учует нас, то с тобой нам отсюда не уйти.

С земли послышалось хрипение умирающей лошади.

— Давай его зарежем, — предложил Летис.

— Нет! — закричал Сандракис: — Не надо! Я же вывел вас из города!

— Да не шуми, тупица, — оборвал его Федор. — Это он про загнанного коня говорит.

И добавил, специально для Летиса.

— Прирежь, нечего животному мучиться!

Здоровяк достал кинжал и ловким ударом избавил коня от мучений.

— Ладно, черт с тобой, — решил Чайка, — залезай позади меня.

Сандракис некоторое время боялся приблизиться, не веря своему счастью, но потом все же взобрался на лошадь, обхватив Федора сзади.

— Только слишком не прижимайся, — предупредил Чайка, — я эти ваши греческие забавы не очень уважаю.

Едва они проехали еще метров триста, как со стороны дороги послышался топот копыт римской конницы. Федор напряженно прислушался. Сверни сюда хоть несколько катафрактариев, и побег можно было считать неудавшимся. Оставался, конечно, лес, в котором можно было поплутать до утра. Но в такую перспективу Сандракис уже точно не вписывался. Однако римляне проскакали мимо.

— Ну Сандракис, — пробормотал Федор, ударив лошадь пятками по бокам, — считай, что в рубашке родился.

Грек пословицы не понял, но промычал что-то благодарное в ответ. Оставшуюся часть ночи они ехали на запад, миновав несколько деревень и не пересекаясь больше с римлянами, а когда вновь свернули налево и выехали из леса на очередной холм, поросший кустарником, Чайка уловил над горизонтом первые всполохи рассвета.

— Еще немного и мы дома, — проговорил он, осмотревшись, — где-то здесь мы уже бывали с разведчиками. Знакомые места.

— Да, — подтвердил Летис, всматриваясь в предрассветную мглу, — я тоже узнаю. Наш лагерь уже недалеко. Мы провели этих проклятых римлян.

Словно в ответ на его слова в сотне метров раздалось ржание коней. Повернув голову, Чайка заметил отряд всадников, выросший словно из-под земли и быстро приближавшийся к ним.

— А вот и почетный эскорт, — ухмыльнулся Федор и, присмотревшись к белым туникам и едва различимым чернокожим телам нумидийцев, повторил: — Скоро будем дома.

Через несколько часов они были уже в лагере. По счастливой случайности они повстречали отряд Угурты, во главе со своим военачальником, который сразу признал Чайку и без лишних вопросов сопровождал в лагерь армии Ганнибала.

Поспать в то утро уставшему Федору так и не удалось. Едва он оказался в своем шатре, отправив Сандракиса на встречу с сыном под охраной Летиса, как туда же явился Урбал. Заместитель командира двадцатой хилиархии, как выяснилось, сам не спал, а проводил осмотр вверенных ему войск. Федор едва успел омыться с дороги, скинув с себя рубище, и собирался поспать, растянувшись на стоявшей в углу кушетке, но не тут-то было.

— Что случилось? — спросил как ни в чем не бывало недовольный ранним визитом Федор Чайка, все мысли которого после столь бурной ночи были лишь о сне.

— Слава богам, вы вернулись, — вместо ответа заявил Урбал, облаченный в доспехи, — а то я уже начал думать, что вас поймали.

— Пытались, — нехотя ответил Федор, — после того, что мы устроили в Таренте, нас даже преследовали. Но мы успели прошмыгнуть под самым носом у погони.

— Удачно сходили, значит, — ухмыльнулся финикиец, присаживаясь на скамью у стола.

— Да, неплохо повеселились, — поделился последней информацией Чайка, — подожгли римский флот в гавани. Сколько кораблей сгорело, не знаю, но как минимум на несколько квинкерем флот Марцелла стал меньше. Жаль только Терис погиб.

— Погиб? — переспросил Урбал, словно не расслышал.

— Да, убили стрелой, когда мы направляли горящий брандер на римские корабли. Зато Летис жив-здоров, — пояснил Федор и прозрачно намекнул другу. — Но, сам понимаешь, после всех этих событий я просто разваливаюсь на куски. И хотел бы немного вздремнуть.

— Понимаю, — согласился Урбал, — но не выйдет. Сегодня ночью в лагерь неожиданно, почти без всякой свиты, приехал Ганнибал. И уже отдал приказ готовить наступление. Мы немедленно выступаем в сторону Тарента. Тебя, кстати, уже ждут в штабе Атарбала. Это просто чудо, что ты умудрился вернуться так удачно. Задержись ты хотя бы на пару часов, мне точно отрубили бы голову.

— Один, говоришь, приехал, без свиты? — уточнил Федор, с которого весь сон мгновенно слетел, едва он узнал об этом. Тот человек на рынке никак не выходил у него из головы.

— Да, стража на восточных воротах говорит, приехал одетый как простолюдин, даже без доспехов. А с ним только пятеро охранников, — ответил Урбал, — зато уже встряхнул весь лагерь так, что никто не спит.

Чайка невольно прислушался. В лагере действительно поднялся какой-то шум, необычный для столь раннего часа при отсутствии боевых действий. Судя по всему, Великий Карфагенянин, решился-таки нарушить длительное бездействие на фронтах, которое расслабляло обе армии.

— Значит штурм? — уточнил Чайка.

— Думаю, да, — кивнул Урбал, поправив ножны фалькаты, — так что выспаться ты вряд ли успеешь. Принимай командование, а я отправлюсь к себе в спейру. Соскучился я что-то по ней.хлопотное это дело — командовать хилиархией.

И устало поднявшись, Урбал направился к выходу из шатра.

— Спасибо, что подстраховал меня, — произнес Федор.

— Да ладно, — махнул рукой командир седьмой спейры и, откинув полог, исчез в суматохе лагеря.

Полежав все же минут двадцать, Федор вновь умылся в медной чаше, установленной на высокой подставке специально для такого случая. Надев парадную кирасу, привезенную из последней поездки в Карфаген, он пристроил сбоку фалькату и направился в штаб корпуса африканской пехоты.

В лагере царило необычное оживление. Повсюду сновали люди и кони, грохотали

повозки. Размеренная жизнь внезапно закончилась. Словно давно пытавшаяся пробить себе дорогу река наконец смела плотину и вырвалась наружу. Спейры кельтов уже покидали лагерь, выстраиваясь за частоколом. Мимо Чайки погонщики провели трех слонов с огромными бивнями, каждый из которых был окован медными обручами, блестящими на солнце. Один из слонов вдруг заревел, испугав толпившихся рядом кельтов с размазанными лицами.

Чуть дальше Федор остановился, пропуская отряд тяжелой испанской конницы. Иберийские всадники, блестя на солнце своими доспехами, проскакали в сторону западных ворот. Огромный лагерь, вмещавший не меньше десяти тысяч человек, бурлил. И виной тому было желание одного человека.

«Интересно, — вновь спросил себя Федор, проводив взглядом испанскую конницу и стараясь отогнать усталость, — это был все-таки он или нет?»

У входа в шатер Атарбала Федор столкнулся с летописцем, который за долгие годы италийского похода так и не похудел. Низкорослый седовласый финикиец с опрятной бородкой, по имени Юзеф, едва увидев Чайку, остановился.

— Какие новости? — поинтересовался Федор, не раз обсуждавший в свободную минуту в канцелярии Юзефа последние события войны. Юзеф, который все это тщательно записывал, будучи историком по призванию, был в курсе всего. Иногда он рассказывал Федору чуть больше, чем ему следовало знать. Но на этот раз Юзеф оказался не очень разговорчивым.

— Вас ждут, — слегка поклонился он, указав в сторону шатра Атарбала, но, увидев разочарование на усталом лице командира двадцатой хилиархии, все же добавил, по старой дружбе переходя на доверительный тон, — мне кажется, ваша хилиархия получит сегодня важное задание.

Миновав охрану, Федор вошел в шатер Атарбала, застав того в окружении командиров других хилиархий, склонившимся над свитком, где были подробно изображены укрепления Тарента. Такого скопления народа в штабе давно не наблюдалось. «Да, похоже, Урбал был прав, — решил Федор, скользнув по напряженно-восторженным лицам собравшихся финикийцев, среди которых он заметил Адгерона и Карталона, — намечается куражное дело и многим просто не терпится в бой»

Поприветствовав Чайку не отрываясь от карты, Атарбал еще некоторое время рассматривал чертежи с многочисленными подписями, сделанными мелким почерком, но, наконец, бросил свиток на стол и распрямился.

— Наш корпус получил приказ выступить в сторону Тарента, — объявил собравшимся Атарбал, переходя сразу к делу, — первой лагерь покидает штурмовая колонна из пятнадцатой, шестнадцатой, семнадцатой и двадцатой хилиархий. Она немедленно выступает с целью вытеснить римские части из прилегающих к городу земель и подготовить плацдарм для строительства передового лагеря, откуда мы вскоре начнем штурм города.

— Ну наконец-то, — пробормотал кто-то из финикийцев, — а то мы уже размякли тут от жары.

— Начинается настоящее дело, — вторил ему другой, — теперь мы встряхнем этих римлян.

— Командиром этой колонны назначен Федор Чайка, — закончил Атарбал, посмотрев на молодого военачальника и добавив, — это приказал сам Ганнибал. Он решил, что ты справишься с этим лучше других.

— Можете не сомневаться, — ответил Чайка с поклоном, — я справлюсь.

«Вот, значит, как, — ухмыльнулся он про себя, — ну что же настал час вернуться в Тарент победителем».

К вечеру, сверкая на солнце доспехами, передовые части финикийцев подошли к границам города. По пути они смяли несколько разрозненных римских отрядов, для которых столь масштабное наступление явилось полной неожиданностью. Остановив на вершине холма своих солдат, которых здесь набралось не меньше римского легиона, Чайка, не слезая

с коня, посмотрел на зубчатые стены твердыни, за которой скрывался многочисленный гарнизон под командой Марцелла. Город был хорошо укреплен, и с ходу его было не взять.

— Строить лагерь, — приказал Федор, обернувшись к своему новому адъютанту, — возводить укрепления. Мы пришли сюда надолго.

Часть вторая Великая Греция¹⁰

Глава первая Ночной прорыв

На рассвете триера македонцев уткнулась носом в мокрый песок. И Леха с большим удовольствием прыгнул вниз одним из первых, ощутив под ногами землю. Нет, как морпех, он любил плавания и веселые приключения с погонями и стрельбой, но это прибавило ему немало седых волос и совсем не доставило удовольствия.

Не успело тайное посольство отчалить в ночи от македонского берега, как одна из триер налетела на скалу и разломилась надвое. В этих водах было множество мелких островов и рифов. Большинство моряков и гребцов утонули, лишь немногих удалось спасти в этой тьме. Капитан триеры, на которой везли Ларина, сам чудом избежал столкновения и побыстрее увел свой корабль от места крушения.

— А как же ваши моряки? — удивился Ларин, который был уверен, что операция спасения задержит их на какое-то время.

Спросил он по-гречески. Решил подтянуть свои знания, раз уж выдалась такая возможность.

— Прежде всего я должен доставить на другой берег тебя, — заявил ему низкорослый бородатый грек, не изменивший своего приказа плыть дальше даже после слов Ларина, — если наши солдаты утонули, то их забрал Посейдон. А раз так захотел Посейдон, не мне ему перечить. Мы в море, где всем владеют морские боги.

— Ну раз так, — развел руками Ларин, поняв основной смысл, — тогда плыви, куда должен. Хотя у нас во флоте своих всегда спасают.

— Приказ Плексиппа, — отрезал капитан и добавил нехотя, — мы не можем останавливаться. Здесь рядом чужие острова. Нас могут захватить солдаты Эпира.

«Значит, все-таки Плексипп, — подумал Ларин, — а Посейдон тут так, для отмазки».

Но не стал спорить. Хотя, когда из темноты вновь донесся человеческий крик, Леха вздрогнул. Там тонули оставленные на произвол стихии люди без всякой надежды на спасение. Кто-то, может, и выплывет, схватившись за обломок палубы. Но таких счастливиц будет немного. Никаких спасательных жилетов и резиновых лодок у этих несчастных моряков не было.

— Жуткая смерть, — проговорил он, крепче схватившись за носовое ограждение.

— Да уж, хуже не придумаешь, — поддержал своего начальника Токсар, которого Леха взял с собой в это плавание, как и еще дюжину скифов-пехотинцев из сотни Уркуна вместе с самым сотником, — говорят, греки больше всего боятся умереть далеко от дома, чтобы никто не смог похоронить их тело в родной земле. А утонуть в море и остаться без могилы — это вообще самая страшная смерть.

— А ты откуда знаешь? — удивился Леха, пытаясь в темноте рассмотреть лицо своего помощника.

— Гиалисподис как-то рассказывал, — признался Токсар, — когда мы с ним про корабли говорили.

¹⁰ Так называлась южная часть Италии и Сицилия, «усеянные» греческими колониями.

— Ясно, — кивнул Ларин, — этот любит языком почесать. Впрочем, наверное, он не врал.

Рассекая волны, корабль быстро уходил от места крушения, и крики утопающих вскоре перестали доноситься из темноты. Чуть позади шла вторая триера, избежавшая крушения и даже сумевшая взять на борт несколько человек.

Ветер свежел, но, к счастью, был попутным и раздувал парус быстроходного корабля, что увозил Ларина к берегам Италии. Мачта скрипела. По палубе, словно тени подземного царства, сновали матросы, поправляя снасти. «Того и гляди Посейдон разыграется не на шутку, только шторма нам еще не хватало, — немного напрягся Ларин, — лучше уж действительно подальше от этих островов уйти».

Но это были еще не все приключения. Где-то в открытом море, ночью, когда Ларин спустился в отведенное ему на корме узкое помещение, чтобы немного вздремнуть, разместив своих людей на второй палубе, они неожиданно нарвались на конвой римлян, встречи с которым так старались избежать. Флагман македонцев едва не пробил высокий борт квинкеремы, который матрос едва сумел заметить в последний момент на фоне звезд.

Второму кораблю, который шел следом, повезло меньше. Он на полном ходу врезался в следующее римское судно, которых здесь оказалось довольно много. Удар был мощным и точным. Македонцам удалось протаранить борт римского корабля, но зато они дали обнаружить себя. Капитан попытался выбраться из этой ситуации, перейдя на весла и дав «задний ход», но маневр не удался. Пока снимали парус и налаживали весла, пришедшие в себя солдаты римлян, посыпались на палубу македонской триеры, как муравьи. Завязалась жестокая драка между легионерами и морпехами с триеры, окончания которой Ларин не увидел. Их корабль чудом проскочил сквозь строй эскадры.

— Они, что, патрулируют по ночам? — удивился Ларин, выбравшись на палубу и поймав капитана.

— Может быть, — отмахнулся тот, — откуда я знаю, что им приказывают консулы.

В зыбком свете луны, показавшейся на мгновение из-за облаков, Леха рассмотрел не менее десятка мощных силуэтов, которые могли принадлежать только квинкеремам. Это бравый адмирал понял с первого взгляда.

— Значит, нам опять повезло, — решил Ларин, разглядывая едва различимую стену из корпусов римских кораблей, что надвигалась со всех сторон на обреченную триеру охранения, — а им уже не уйти.

— На все воля богов, — заметил на это капитан.

— Ну да, — кивнул Леха, — как же без них.

Уже в который раз за это короткое плавание он ловил себя на мысли, что боги почему-то выступают на стороне скифов и посланника Иллур, храня его от многочисленных нападений. На следующий день он снова в этом убедился.

Разыгравшееся волнение, к счастью, не превратившееся в мощный шторм, отнесло их гораздо дальше от нужного места на побережье. И едва не вынесло в открытое море. Как определил капитан, им следовало теперь принять вправо и следовать вдоль показавшихся на горизонте берегов, чтобы окончательно не сбиться с пути. Однако в этих водах, как на встречном курсе, так и позади, должно было находиться немало римских кораблей. Ведь это была, как уверил Ларина капитан македонской триеры, уже Южная Италия. Враждебная территория, занятая пока Римом.

Несмотря на это, первые полдня прошли спокойно. Римляне не показывались. И лишь под вечер, когда до заветной цели уже оставалось не так далеко, раздались крики наблюдавших за морем. Леха, находившийся в этот момент на корме, прервал разговор с Уркуном и, подняв голову, заметил эскадру римских кораблей. И опять с первого взгляда определил в них квинкеремы. Встреча даже с одним из этих кораблей несла македонцам большие проблемы. Но от одного еще можно уйти, триера все же быстроходнее. А вот несколько квинкерем, не говоря уже о целой эскадре, это мощная сила.

— Сколько же их тут понастроили, — удивился Ларин, — мне бы сюда хоть половину

тех кораблей, что оставил в Тире и Ольвии, я бы им показал, что такое скифы на море.

Но весь флот остался по ту сторону Балкан, контролируя захваченные территории. А здесь приходилось пока рассчитывать на скорость македонской триеры.

— Ну ничего, — погрозил скифский адмирал кулаком приближавшейся римской эскадре, с радостью вспомнив о том, что орды Иллур уже вышли на здешние берега, — скоро вы у меня узнаете, что такое Леха Ларин. Дайте срок.

Ветер немного стих, и триера, перейдя на весельный ход, полетела по волнам, постоянно увеличивая расстояние между собой и преследователями. Римляне старались не упустить добычу, но гребцы македонцев обладали отличной выучкой. И триера посланца Иллур, прощмыгнув под самым носом римской эскадры вдоль берега, скрылась в спасительных сумерках.

На следующее утро они вновь увидели корабли, но на этот раз лес мачт в бухте означал порт в Апулии, который контролировался уже войсками Ганнибала. В море их встретили биремы охранения и проводили в защищенную гавань. Никто, конечно, не знал абсолютно точно, когда Иллур выйдет на побережье Адриатики, но скифский царь столь мощно встряхнул жившие на Балканах народы, что новости расходились по берегам Адриатики, как круги по воде. И Ларин даже ничуть не удивился, когда узнал, что на берегу триеру союзников уже ждали. Его встретил отряд легкой конницы, и проводил к зданию, где размещалось командование порта.

— Я посланец царя Иллур, — оказавшись на берегу, представился Леха коменданту порта в темно-синей кирасе морских пехотинцев Карфагена, рядом с которым находился переводчик из финикийцев.

— Мы давно ждем вас, — ответил офицер с таким чинным поклоном, что Леха ощутил себя словно на приеме у какого-нибудь царя. Он хоть и общался уже давно с самими царем, но у скифов это было как-то проще. Все же кочевники. А здесь на него пахло цивилизацией.

— Слава о победах вашего царя дошла уже и до этих берегов, — продолжил свою мысль комендант порта, обходя массивный стол и приблизившись на несколько шагов к скифскому адмиралу.

«Скоро он и сам сюда дойдет, — усмехнулся Ларин, положив ладонь на рукоять меча, — не долго ждать осталось».

— Где сейчас находится Ганнибал? — поинтересовался напрямик посланник Иллур и, оглянувшись на своих бородатых скифов, что столпились за его спиной, добавил, — я тороплюсь.

— Ганнибал в лагере под Тарентом, — сообщил комендант, — это почти в трех днях пути. Если вы желаете отдохнуть с дороги, я могу предоставить вам отличный дом.

— Какой отдых, — отмахнулся Ларин, — война. Я должен прибыть к нему как можно скорее. Дайте нам лучше коней.

— Конечно, — кивнул комендант, — я дам вам коней, переводчика и еще сотню испанских всадников для охраны. Мало ли что, в последнее время римские мародеры, что скрываются в горах, осмелели. А я не могу допустить, чтобы посланника Иллур перехватили по дороге. Ганнибал тогда снимет с меня голову.

— Согласен, — не стал отнекиваться Леха, — давайте коней и охрану. Мне моя голова тоже дорога. Мы едва ушли от римлян на воде, не хотелось бы раньше времени повстречать их на суше. А вот на обратном пути...

Получив необходимое, Леха вернулся в порт в сопровождении Уркуна и его солдат, чтобы попрощаться с капитаном.

— Мы будем дожидаться тебя в этой гавани, — заявил ему капитан македонцев, — так приказал Плексипп.

— Хорошо. Дней шесть мне хватит. За это время я должен вернуться, — кивнул Ларин, взбираясь на коня, — мне тут особо делать нечего. Разущу Ганнибала и обратно.

Сказав это, Ларин в сопровождении дюжины скифов, толмача и сотни испанских

всадников покинул порт. Выезжал он из гавани, надо сказать, неторопливо. Позволил себе полюбоваться на округлые формы так любимых им квинкерем, по палубам которых деловито сновали матросы, а у борта о чем-то беседовали морпехи. Нет, коней за последние годы пребывания среди кочевников он тоже полюбил, но все же его морская душа склонялась больше к кораблям.

«Впрочем, на все воля Иллур, — успокоил себя Леха, натягивая поводья, и подумал мечтательно, — а я тут долго не задержусь. А как вернусь обратно, может, он меня опять отошлет за флотом. Здесь флот совсем не лишним будет. Вон римляне как разгулялись, прохода совсем не дают».

Путь от побережья Апулии до лагеря Ганнибала вблизи Тарента показался Лехе не очень обременительным. Три дня, прерываемые лишь ночевками под открытым небом, пролетели незаметно. Как ни приглядывался он к окрестным холмам в надежде увидеть там обещанных римлян, никто не преградил дорогу посланцу Иллур до самого лагеря. И Леха быстро понял почему. Дорога хорошо охранялась. На всем ее протяжении ему навстречу не единожды попадались посты в небольших деревеньках, где их зорко осматривали подозрительные стражники, расспрашивая, кто они, куда и зачем едут. Появлялись такие посты довольно часто, примерно через каждые десять километров, а через каждые двадцать Ларин проезжал сквозь опорные пункты, огороженные высоким частоколом с башнями, в которых можно было держать оборону от превосходящих сил противника. Попадались иногда и настоящие крепости, но все больше в стороне от дороги, на которой наблюдалось довольно сильное движение. Из порта под охраной пехотинцев ехали груженные припасами телеги, а обратно шел порожняк.

Отряду скифского посла частенько приходилось обгонять обозы, двигавшиеся с ним в одну сторону, а также воинские соединения, занимавшие всю дорогу. Озадаченный Ларин проехал мимо нескольких сотен длинноволосых полуголых воинов, рослых бойцов с размазанными рожами, которые шли не строем, а скорее организованной толпой и все время выкрикивали что-то. Большинство было вооружено длинными мечами и высокими щитами, но некоторые несли на плече топоры с двумя лезвиями. От этих солдат, больше напоминавших дикие племена, а не регулярную армию, за версту веяло силой и мощью. Дальше за ними Ларин обнаружил вполне организованное войско из одинаково обмундированных пехотинцев, слегка напоминавших греческих гоплитов. По всему было видно, что началось серьезное наступление, и он приближается к самому центру событий.

На открытой местности попадались также и конные патрули из всадников, человек по двадцать или тридцать, а то и больше. Изучая их амуницию — в основном легкую, его охрана была вооружена гораздо лучше, Ларин однажды заметил проскакавший мимо по холмам отряд чернокожих всадников, вообще без всякой брони. Только с небольшими щитами и дротиками.

«А это еще что за негры? — удивился про себя Леха, проводив взглядом чернокожую конницу, и невольно покачал головой, — да, экзотика. И кто только за этого Ганнибала не воюет. Не удивлюсь если мой друг тут закорешился с кем-нибудь из этих или азиатов. С кем поведешься, как говоришься».

Он невольно обернулся и скользнул взглядом по обветренным лицам своих скифских воинов, усмехнувшись собственным мыслям. Однако увиденное в лагере у Тарента, куда они прибыли под вечер третьего дня, поразило морпеха еще больше. Особенно, когда после осмотра грандиозных инженерных сооружений и того коктейля из многочисленных представителей рас самой Италии, Азии и Африки, который он тут увидел за несколько минут, Ларин повстречал слонов. Нет, он и в прошлой жизни их видел, бывал пару раз в зоопарке. Но чтобы вот так запросто разъезжать на этих чудовищах с огромными, обитыми медью бивнями, как это делали погонщики, усевшись верхом, словно на лошади, — это было сильно.

«Интересно, как они ведут себя в бою, — подумал он, посмотрев вслед группе из десяти слонов, важно прошествовавших к своим огромным баракам через весь лагерь, — не

хотел бы я оказаться на их пути».

Токсар и Уркун, разинув рты, тоже смотрели на этих воплощенных духов пустыни, не говоря уже об остальных кочевниках. Никто из них до сих пор слонов не видел, и Леха даже испугался, не начнется ли паника, глядя, как разволновались лошади, оказавшись рядом со слонами. Но, слава богам, обошлось.

Лагерь находился невдалеке от города, на холме. И еще на подъезде Ларин увидел в паре километров стены Тарента, над которыми в некоторых местах поднимался дым. Из лагеря финикийцев было видно, как под стенами копошилось множество солдат, пытаясь взобраться на стены сразу в нескольких местах. Прямо под стенами были возведены валы, укрепленные частоколом, за которыми атакующие время от времени укрывались от вражеских стрел и ядер.

Лехе показалось даже, что часть стен уже захвачена, а на других направлениях идут бои с переменным успехом. Во всяком случае, из лагеря финикийцев постоянно выходили пехотные подразделения, направляясь к стенам осажденного города. Конница Ганнибала курсировала по холмам в ожидании возможных контратак — башни и ворота все еще находились в руках римлян, которые ожесточенно отстреливались из баллист и катапульт, уничтожая солдат противника. Орудий на стенах было великое множество, что невероятно осложняло задачу солдатам армии Карфагена.

«Да, — оценил привычную ситуацию Леха, — тут все не быстро будет. Крепостица знатная. С наскока не возьмешь. Хитростью лучше».

Въехав после необходимых объяснений в лагерь и направившись к шатру главнокомандующего, Ларин вскоре узнал, что Ганнибала нет на месте.

— Он уехал сегодня утром в другой лагерь, — перевел слова адъютанта толмач, — вы можете переговорить с Атарбалом, командиром африканского корпуса.

— Да нет уж, я подожду главнокомандующего, — гордо отказался Леха, подумав «посол я или кто, надо марку держать», — вот не повезло, черт побери. На полдня всего разминутись. А скоро он вернется?

— Никто не знает, — развел руками толмач, выслушав адъютанта, — но, вероятно, скоро. Может быть, день или два.

— Ладно. Где я пока могу остановиться?

Послу со свитой немедленно организовали шатры.

— Охрана может отправляться назад, — разрешил Леха командиру испанцев возвратиться, толмача, впрочем, оставив. Без переводчика тут было никак не обойтись.

Окинув взглядом многочисленное пестрое воинство, окружавшее его в лагере, Леха добавил, поглядывая на командира испанцев:

— Мне тут защитников хватит. На обратном пути что-нибудь придумаем и без вас. Благодарю за службу.

Когда испанцы уехали, Ларин вызвал толмача и приказал ему разузнать, где находится командир двадцатой хилиархии Федор Чайка, с которым он предпочел бы встретиться раньше, чем с Атарбалом. К большому удивлению жилище Федора оказалось буквально в двух шагах. На территории, занимаемой пехотинцами того самого Атарбала, под командой которого, как выяснилось, Федор и служил.

— Немедленно проводи меня туда, — приказал Ларин.

Разместившись в своем шатре, немного отдохнув и умывшись с дороги, Леха отправился на поиски друга вслед за толмачом, прихватив с собой только Уркуна и пятерых скифов. Едва небольшой пеший отряд — на этот раз адмирал решил передвигаться по лагерю без коней, благо недалеко — приблизился к нужному месту, как мимо Лехи пронеслось несколько всадников.

Остановившись у того самого шатра, на который ему мгновением раньше указал толмач, всадники спешили. Командир, кинув поводья подбежавшему солдату, на секунду задержался, чтобы отдать приказание поджидавшим его офицерам. Выслушав его отрывистые наставления, облаченные в кирасы офицеры тут же, едва ли не бегом,

отправились их выполнять. Что там произошло, Ларин не понял, но догадался, что нечто важное — какой-нибудь прорыв римлян, который требовалось немедленно ликвидировать.

Сделав, что хотел, командир финикийцев уже собирался войти в шатер, но тут его окликнули из-за спины на языке, который в этом лагере не знал никто. Да и в этом мире, пожалуй, тоже.

— Куда торопишься, сержант, — произнес насмешливый голос по-русски, — или своих уже не узнаем?

— Леха! — обернулся Федор Чайка и обнял друга, — добрался-таки, черт везучий! Ну заходи!

Оставив снаружи свою свиту, Ларин вошел в шатер командира двадцатой хилиархии, который приказал что-то по-финикийски своему ординарцу.

— Садись, отдыхай, вина вон выпей, — указал он дорогому гостю на столик с кувшинами и скамью в углу просторного, разделенного на несколько помещений шатра, — а я сейчас, только умоюсь с дороги.

— Давай, давай, я уже принял водные процедуры после трехдневной скачки, — поддержал его Ларин, наливая себе вина из кувшина в чашу и проводив взглядом появившегося в шатре слугу с тазом воды, который тот пронес в дальний угол и наполнил имевшуюся там бочку приличных размеров.

Командир двадцатой хилиархии снял шлем, с помощью слуги быстро скинул с себя кирасу, на которой имелись уже отметины римских мечей и копий, серую тунику и с наслаждением стал смывать с себя пот и грязь, впитавшиеся в тело. В этом жарком климате подобные обливания были особенно приятны.

— А что случилось-то? — не удержался Ларин от вопроса, отпив глоток красного вина и с удовольствием присев на скамью, — римляне, что ли, прорвались? Ты такой нервный прискакал.

В этот момент слуга вышел, повинувшись немоу приказу Чайки.

— Да, — ответил Федор, радостно отфыркиваясь и облачаясь в чистую тунику, — я же руковожу всей осадой на этом участке. Ганнибал поручил. За три недели мы, правда, недалеко продвинулись, — крепость мощная, да и легионеры Марцелла защищаются яростно, им отступать некуда. Но мы у западной башни буквально вчера прорвали оборону и захватили часть стены. Даже пробились в город.

— Это я вовремя приехал, — усмехнулся Леха.

— Ну да, — подтвердил Федор, подходя к столу и наливая себе вина, решив на этот раз обойтись без слуг. — Пару кварталов очистили от легионеров. Закрепились и до сих пор все это удерживали. Но буквально час назад римляне предприняли контратаку и почти выбили нас из города. На стенах еще мои африканцы держатся. Но им надо помочь. Иначе все коту под хвост. Вот я и отправил к ним на выручку несколько сотен пехотинцев.

— Молодец, сержант, — подтвердил Леха, — хорошо воюешь. Но и у меня есть чем похвастаться. Порадовать твоего Ганнибала. Кстати, ты не знаешь, когда он вернется, а то меня Иллур уже заждался?

— Думаю, завтра к вечеру, — пообещал Леха, — он отправился на восток, где мы построили еще один лагерь, чтобы помешать подходу подкреплений к Таренту из Брундиция.

— Ясно, в общем, обложили вы этот городишко со всех сторон, — кивнул Леха.

— К сожалению, нет, — ответил Федор, подхватив яблоко с золоченого подноса и прогуливаясь по устланному коврами шатру в одной тунике, штанах и сандалиях, явно наслаждаясь отсутствием доспехов на теле, — с моря к нему свободный доступ. Да и часть дальнего побережья свободна. Туда из Брундиция все еще пытаются доставлять помощь. Но из нашего нового лагеря перерезать снабжение будет легче. И скоро Марцелл споет свою последнюю песню.

Он остановился, доел яблоко и присел на скамью напротив друга. Снаружи понемногу сгущались сумерки, и в шатре тоже стало заметно темнее.

— Давно тебя жду, — признался Чайка, — до нас уже дошли вести о том, как твой

Иллур перетряхнул все народы на отрогах Гема, прошерстил гетов и скоро должен был объявиться на другом берегу моря.

— Уже объявился, — подтвердил адмирал, наливая себе еще вина, которое шло у него хорошо, разливаясь по жилам и снимая накопившуюся усталость, — встретились мы с македонцами, как ты и хотел. Только скользкие они какие-то и слишком помпезные. Одно слово — греки. Да и помощи от них немного. Не успели встретиться, как Эпир на них обозлился, да еще какие-то иллирийцы напали. Короче, пришлось все самим делать. Хорошо хоть триеры для меня нашли. И то еле доплыл. На море одни римляне хозяйничают. Куда твой Ганнибал смотрит?

— Ничего, вот возьмем Тарент, сразу легче станет, — обнадежил друга Федор. — Это главная база римских моряков на юге. Ее захватим, все изменится. Полдела, считай, сделано.

Неожиданно у шатра послышался стук копыт и на землю прыгнул какой-то человек. Обменявшись с охранниками парой слов, он немедленно проник внутрь и, не спрашивая разрешения и не обращая внимания на то, что командир двадцатой хилиархии находился практически в неглиже, объявил:

— Чайка, тебя ждет к себе Ганнибал. Немедленно.

Федор кивнул. А бесцеремонный служака мгновенно исчез из шатра, вскочил на коня, и вскоре топот копыт его коня смешался с общим шумом лагеря.

— Значит, твой Ганнибал уже прибыл, — обрадовался Леха, вскакивая, — отлично, давай я с тобой пойду. Меня же он тоже ждет.

— Странно, — в задумчивости произнес Федор, не вставая со скамьи и пропуская мимо ушей слова друга, — он должен был прибыть не раньше завтрашнего дня.

Глава вторая Смерть тирана

Но Чайке показалось, что на этой встрече Ларину присутствовать еще рано.

— Нет, Леха, ты обожди меня здесь или у себя, — подумав, рассудил Федор, — я сначала выясню, что там стряслось. Да заодно и его подготовлю к встрече с послом Великой Скифии. Так оно лучше будет.

— Ну ладно, — нехотя согласился Леха, — тогда я тут подожду, у тебя шатер пошире. Только отправлю своих обратно, чего им в темноте маячить.

— Не знаю, сколько тебе ждать придется, — проговорил, облачаясь в доспехи, Чайка, — разговор может затянуться. Впрочем, поступай, как хочешь. Пользуйся всем, что найдешь.

Чайка за годы италийской кампании неплохо изучил полководца финикийцев и предвидел все правильно. Разговор затянулся не на один час. Такие неожиданные ночные совещания, на которых обсуждалось последнее положение на фронтах, были в обыкновении у Ганнибала, вечно метавшегося между городами Кампании, Апулии и Тарентом. Но на этот раз речь пошла не просто о положении на фронтах. Когда Федор вошел в шатер главнокомандующего испанской армией, там, кроме него самого, находился лишь командир африканских пехотинцев, что удивило Чайку еще больше. Обычно на советах присутствовали все командиры.

— Ну наконец-то все в сборе, — усмехнулся Ганнибал, стоявший у освещенного свечами стола с яствами, вместо того чтобы склониться над картой по обыкновению, — проходи Чайка. Угощайся. Я не успел поесть. Дело срочное, так что придется решать его и получать удовольствие одновременно.

— Благодарю, — ответил Федор, присоединяясь к пиру командования.

— Я слышал, сегодня был прорыв римлян, — заметил Ганнибал, одетый в доспехи, так, словно только что вернулся с поля боя, — и мы потеряли захваченные кварталы.

— Вы хорошо осведомлены, — ответил Федор, впрочем, не удивившись особо. О сегодняшних событиях знали многие, если уже не все, — прорыв был. Но последние новости

таковы: мы смогли вновь отбросить римлян от стен и удержать за собой один квартал. Я приказал отправить туда три спейры из хилиархии Адгерона. На эту ночь я наметил новую атаку. Мы вернем и второй квартал. А вскоре, я уверен, продвинемся дальше в сторону рынка, хотя римляне бьются за каждый дом.

— Что же, это радостная весть, — заметил Ганнибал, ничуть, как показалось Федору, не смущенный сообщением о потере завоеваний. Он оторвал несколько ягод от грозди спелого винограда, отправив их в рот.

Поглядывая на Великого Пунийца, Чайка подумал, что, несмотря на видимый интерес к делам вокруг Тарента, тот сейчас мысленно очень далеко отсюда. И он не ошибся.

— Вот зачем я позвал вас, — перешел Ганнибал к делу, покончив с трапезой и заняв свое место у стола с картой, где его Федор привык видеть чаще, — восемь дней назад умер Гиерон. Тиран Сиракуз, преданный друг Рима и наш заклятый враг.

Атарбал и Чайка, придвинув кресла с гнутыми спинками к столу, тоже сели, повинувшись жесту пунийца. Федор перевел взгляд на развернутый свиток и увидел на нем карту Сицилии. Ее верхнюю, северную часть, там, где стоял город Мессана, ставший причиной первой войны между Римом и Карфагеном,¹¹ занимали римские войска. Впрочем, как и весь юго-запад, где располагались бывшие карфагенские порты Лилибей, Акрагант и несколько городов поменьше, отошедшие к Риму в результате давнего грабительского договора. Лишь часть земель на восточном побережье, ниже знаменитого вулкана Этна — Федору он был известен пока только под таким именем, — примыкала к владениям знаменитых Сиракуз, где до недавних дней и правил греческий тиран Гиерон.

— Так вот, — продолжил Ганнибал свою мысль, — судьба посылает нам шанс отвоевать Сицилию, не затратив на это слишком много сил. Потеряв некогда этот остров, Карфаген теперь может получить Сицилию обратно. И гораздо быстрее, чем об этом можно было подумать. Надо только действовать решительно.

«Свежо предание, — едва не усмехнулся Федор, сдержав улыбку, — Ганнибал, конечно, великий стратег, и армия его любит. Но у нас явная нехватка сил для таких масштабных операций. Карфаген подкрепления шлет в час по чайной ложке. Огромного флота из столицы так и не пришло. Вся надежда на скифов. Нам бы Тарент захватить побыстрее, чтобы закрепиться на юге Италии. А он уже смотрит на Сицилию. Да и как ее захватить? На севере и юге острова римляне, на востоке греки. И что нам с того, что окопнулся какой-то Гиерон?»

— Едва мне сообщили об этом, — вновь заговорил Великий Пуниец, склонившись над картой и разглядывая контуры острова, — как я отправил туда тайное посольство. И оно уже встретилось с наследником. Трон Гиерона занял молодой Гиероним. Пылкий, но неискушенный в политике юноша. Я уже уговорил его выступить против римлян и получил согласие.

— Сиракузы, что столько лет воевали против нас, теперь стали нашим союзником? — брови командира африканцев поползли вверх. — О великие боги!

Он не мог поверить в то, что услышал.

— Уже несколько дней назад, — поднял голову от карты Ганнибал, указав на ней пальцем нужную точку, — армия Сиракуз направилась на север и в эти минуты должна напасть на римлян у северных границ своих владений. Они атакуют легионы римлян у

¹¹ Первая пуническая война разыгралась из-за маммертинцев («сынов Марса») — наемников, находившихся на службе у Сиракузского тирана Агафокла. Часть из наемников взбунтовалась и, покинув Сиракузы, в 288 г. до н. э., захватила Мессану — город на севере острова — и часть земель вокруг него, устроив там собственное государство. Затем, когда в 264 г. до н. э. новый тиран Сиракуз Гиерон Второй начал с ними войну и был близок к победе, маммертинцы решили попросить военной помощи у других государств. Их вожди обратились одновременно к Риму и Карфагену. Оба государства откликнулись, но Рим, у которого в тот момент вообще не было флота, чуть запоздал. И когда легионеры все же появились на Сицилии, то выяснилось что в Мессане уже стоят войска Карфагена. Никто не захотел уступить, и в итоге между бывшими союзниками вспыхнул первый военный конфликт, переросший в войну.

города Леонтины.

Федор бросил взгляд на карту — Леонтины находились примерно в тридцати километрах от Сиракуз, чуть больше дневного перехода, — а затем посмотрел на Ганнибала. Лицо его сияло. По всему было видно, что главнокомандующий испанской армией доволен новостями последних дней. Он был таким довольным, словно вся Сицилия находилась у него уже в кармане, а расквартированные там римские легионы можно было не принимать в расчет.

«Похоже, дружить с греками — самая модная идея года», — подумал Федор, вспомнив о предложении скифам насчет македонцев, с которым сам плывал в гости к Иллuru.

— Смотрите, — словно в ответ на сомнения Чайки стал развивать свои идеи Ганнибал, вновь склоняясь над картой, — у самого пролива, возле Мессаны, стоят легионы римлян из тех, что мы разбили при Каннах. Они сосланы туда сенатом за трусость, и, хотя их легионеры рвутся в бой, чтобы смыть позор поражения, Рим, как мне стало известно, запрещает использовать эти силы в войне. И когда начнется война с Сиракузами, консулам придется снять часть легионов с нашего направления, чтобы переправить на остров. Армия Рима в Сицилии сейчас не так уж и велика. В основном это гарнизоны в городах и небольших крепостях, разбросанные по всему острову.

— Во всяком случае, армия Гиеронима отвлечет на себя часть римских сил, — продолжил Ганнибал, вставая в крайнем возбуждении и принимаясь измерять свой шатер нервными шагами. — Я уверил его в том, что это война Карфагена, и едва он вступит в сражение, я помогу ему своими солдатами. Я так и сделаю.

Ганнибал внезапно остановился, вперив взгляд в Федора.

— Завтра утром ты, Чайка, передашь командование осадой Адгерону и отправишься в порт на побережье Апулии вместе со своей хилиархией. Возьмешь также хилиархию Карталона. А в порту передашь капитану мое распоряжение о том, чтобы он снарядил для этой экспедиции восемь квинкерем. Это половина того, что у меня есть. Медлить нельзя. Цена промедления — Сицилия.

Великий Пуниец вновь принялся шагать по шатру. Мягкий ковер заглушал его шаги. А обалдевший от такого поворота Федор слушал, не перебивая.

— Ты погрузишь всех солдат на корабли и немедленно отплывешь в Сиракузы. Скажешь Гиерониму, что это лишь первый отряд, потом будут еще. Очень важно прибыть вовремя и поддержать в нем уверенность в своих силах. Иначе римляне постараются вернуть его на свою сторону. У Сиракуз большой флот, а также неплохая армия, не говоря уже о советнике Гиерона, этом старом чуде по имени Архимед, который построил ему множество невиданных метательных машин.

Услышанное имя заставило Федора вздрогнуть, очень уж знакомым оно было. С самого детства. «Меня отправляют на встречу с Архимедом, вот это номер, — подумал Чайка, — никогда не мог себе представить, что увижу этого знаменитого грека, про которого написано в любом учебнике геометрии. Да это ведь он сам ее, кажется, и придумал».

Развеселившись, Чайка даже ненадолго забыл о том, что всего с двумя тысячами солдат его отправляют на войну с превосходящими силами римлян. Сколько их сейчас было на острове, он так и не понял. Не говоря уже о римском флоте, который стоял в Брундизии и самом Таренте, хоть и немного уменьшенный его стараниями, и запирал выход в Адриатику. Несмотря на то что небольшой флот Ганнибала регулярно прорывался сквозь эту блокаду, да и сам Федор плывал в метрополию тем же путем, от этого предприятия за версту пахло авантюрой.

«Но, видимо, только так и делается большая политика, — рассудил Чайка, молча кивая на все слова главнокомандующего, — кто не рискует, тот не пьет шампанское. Видать, очень сильно Ганнибалу хочется захватить этот остров. И, воспользовавшись ситуацией, вбить клин между бывшими союзниками. А этим клином буду я. Повезло, ничего не скажешь».

— В Сиракузах ты будешь делать то, что тебе прикажет Гиероним, — подвел черту Ганнибал. — Однако, думаю, дальше самого города тебя не отправят. Ты должен

продемонстрировать новому властителю Сиракуз и всем остальным, что Карфаген держит слово и прислал войска для защиты города от возможного нападения римлян.

— А что, известно, что скоро будет нападение на Сиракузы? — осмелился уточнить Федор.

— Не исключено, — кивнул Великий Карфагенянин, — ведь узнав о разрыве с бывшим союзником, сенат будет в бешенстве. И, возможно, направит корабли прямо в Сиракузы. Мне стало известно, что сенат уже готовит к отправке на Сицилию двадцать второй и двадцать третий легионы. Не ясно только, кто поведет туда эту армию: претор Аппий Клавдий Пульхр или Марк Клавдий Марцелл, вновь недавно избранный консулом.

— Два легиона против двух хилиархий? — не удержался от восклицания Чайка: — Да еще под командой Марцелла. Боюсь, я не успею оказать молодому тирану большую помощь.

— Не забывай про армию Сиракуз, — напомнил Великий Пуниец, — это больше, чем два легиона. А что касается Марцелла, то его, вероятнее всего, сенат оставит в Таренте. Во всяком случае, на первое время, пока не поверит в угрозу потери Сицилии. Поэтому, едва прибыв на место, ты отправишь квинкеремы назад, чтобы я смог прислать тебе на помощь еще пару хилиархий. Я готов пожертвовать глубиной наших порядков здесь, лишь бы не упустить время.

— Все ясно, — кивнул Чайка, поняв, что, едва добравшись до места, рискует остаться без связи с внешним миром, увязнуть в войне с превосходящими силами римлян и, наконец, встретиться вновь лицом к лицу с отцом Юлии. Впрочем, война есть война. Всего не предусмотреть.

— Я ожидал на этой неделе из Карфагена часть флота, обещанного твоим покровителем, — переходя на доверительный тон, сообщил Ганнибал, намекая на Магона, — так вот эти тридцать квинкерем, едва прибыв, сразу же отправятся в Сиракузы. А ты будешь сидеть там до тех пор, пока я не пришлю за тобой.

— Жаль терять на этом фронте такого командира, — вставил слово Атарбал, — но Ганнибал прав, отправляя именно тебя на это дело. Здесь мы как-нибудь справимся. Неделя-другая и мы пробьем оборону Марцелла. А вот там тебе придется действовать по обстановке. Но ты сообразительный, разберешься что к чему.

— Если ты сделаешь все, как надо, — проговорил Ганнибал после недолгого молчания, — Гиероним вступит в войну и останется в ней на стороне Карфагена, то ты получишь большую награду.

— Благодарю, — только и смог выдать Чайка, — я готов послужить Карфагену там, где он укажет.

А про себя подумал: «Награду я получу, только если выживу в этих играх патриотов. Золото, конечно, хорошо. Только зачем оно мертвым?» Однако выбора у него не было. Если Ганнибал считал, что лучшее место на земле сейчас для Федора Чайки — это Сицилия, значит, так оно и было.

— Сегодня прибыл посол от Иллур, — вымолвил Федор, меняя тему, — он ждет у меня в шатре.

— Я приму его без промедления, — кивнул Ганнибал, — это хорошая весть. Рим прислал в Брундизий целый легион лишь для того, чтобы помешать высадке Филиппа на побережье. А появление скифов заставит их перебросить сюда и на север еще войска, обнажив фронт на других направлениях. Так что твоя война на Сицилии, Чайка, не будет особенно трудной.

Однако Федор ушел не сразу. Еще часа два Ганнибал наставлял своего посланника. Вернувшись на рассвете в свой шатер под впечатлением от услышанного, Федор уже не застал там друга, но не слишком удивился этому. Ганнибал приказал сообщить послу Иллур, что примет его прямо сейчас. И Чайка решил сделать это лично.

Разыскав шатер, в котором обосновался бывший морпех, а ныне brave адмирал скифского флота, Леха Ларин, Федор обнаружил перед входом четверых спящих прямо на земле скифов. Растолкав одного из них, в котором он с трудом узнал сопровождавшего

Ларина толмача, командир двадцатой хилиархии приказал тому немедленно разбудить своего хозяина. И уже спустя пять минут Федор сидел в гостях у Ларина.

— Вот такие дела, брат, — закончил свой рассказ Чайка, развалившись на скамье.

— Да, крутые повороты устраивает этот ваш Ганнибал, — заспанный морпех зевнул. Федор дал поспать ему всего несколько часов с дороги. Но скифский адмирал был не в обиде. — Впрочем, наш Иллур тоже горазд проблемы подкидывать. А чуть что не по нем, так сразу в расход.

— Война идет, — пожал плечами Федор. — Да сейчас все так с людьми управляются. Что финикийцы, что скифы. Но я не жалею. Ганнибал мне много дал. И еще больше обещал, а он слово держит. Дело за малым — сплавать в Сиракузы и выгнать римлян из Сицилии с помощью греков.

— Опять греки, — поморщился Леха, — ну просто никуда без них.

Он встал:

— Значит, говоришь, Ганнибал меня прямо сейчас требует? Не мог подождать, пока совсем рассветет.

— Не мог, — кивнул Федор, — он у нас беспокойный. Спит мало. И неуловимый.

Чайка тоже поднялся, собираясь уходить. Отчего-то он вдруг опять вспомнил о том человеке, что встретил в Таренте во время своего диверсионного рейда. Человеке, очень похожем на Ганнибала. Но был ли то действительно Великий Пуниец, Федор доподлинно так и не узнал, а спросить напрямую, понятное дело, было невозможно. Впрочем, и Ганнибал ни словом, ни делом не намекал ему на эту встречу, хотя Федор спинным мозгом чувствовал, что без него тут не обошлось. Как он узнал чуть позже, в ту же ночь, когда он поджег римский флот, загорелись и склады в порту Тарента. Выгорел весь запас стратегических материалов, и римляне лишились возможности строить новые корабли взамен уничтоженных. Кто организовал эту диверсию, Федор тоже не знал. Но догадывался.

— Так что поторопись, — сказал он другу. — Опоздаешь, гляди, ускорит, и потом будешь еще неделю его дожидаться.

— Ну уж нет, — задержал головой Ларин, натягивая штаны, — я и так здесь уже дольше положенного задержался. Пойдем к твоему главнокомандующему.

Встреча Великого Пунийца и посланца скифского царя Иллора проходила наедине, если не считать переводчика. Чайка не присутствовал. Да он и не набивался особенно. Все равно Ларин ему потом все расскажет.

— Толковый мужик, — первое, что изрек Леха, вернувшись со встречи, после которой Ганнибал незамедлительно отбыл в другой лагерь.

Узнав об этом, командир двадцатой хилиархии предложил отпраздновать встречу друзей, устроив пир у себя в шатре. Задержку отплытия на сутки объяснять никому не пришлось, поскольку Атарбал покинул лагерь вместе с Ганнибалом, а большинство остальных командиров были заняты осадой. Римляне проводили одну контратаку за другой, но финикийцам удалось, как и планировал Федор, вернуть оба квартала и захватить еще пару улиц. Правда, с утра осадой командовал Адгерон, и Федор получил возможность вообще позабыть об этом, занимаясь организацией отправки тайной экспедиции. Карталон был предупрежден, уже привел всех своих людей в лагерь и ждал приказа. Все остальные были не в курсе дела. И Чайка, решив, что международные дела подождут, просто напился с другом, которого неизвестно когда мог увидеть в следующий раз, а заодно познакомил его с Урбалом и Летисом, которых позвал на дружескую пирушку. Но финикийцы что-то запаздывали. Седьмая спейра еще находилась на стенах Тарента, хотя скоро должна была смениться.

Ларин хоть и делал вид, что спешит, согласился. Разве он мог отказаться выпить с другом на посошок.

— Да, Ганнибал не дурак, — согласился Федор, подливая другу вина, — другой бы не смог разгромить столько легионов и который год держаться без подкреплений, которые только обещают.

— Выкручиваться он мастак, — подтвердил Леха, хитро прищурившись, — хочет, чтобы мы как можно быстрее дошли до Северной Италии, разгромив иллирийцев и римлян, если понадобится, пока македонцы с остальными греками разбираются.

Ларин вдруг прервался на полуслове, а потом добавил вполголоса, подмигнув Чайке:

— Только это я тебе так, сержант, по секрету, сообщаю. Сам понимаешь, государственная тайна. А куда ты там плыть сегодня собрался, на Сицилию?

— А это, брат, тоже государственная тайна, — напустил на себя серьезный вид Федор, но потом не выдержал и хлопнул друга по плечу. Оба громко расхохотались, заставив вздрогнуть охранников, что дежурили у шатра командира двадцатой хилярии.

— Мы с тобой, рядовой Ларин, — произнес Федор, отсмеявшись и вновь переходя на серьезный тон, — теперь оба по уши увязли в международной политике, хотим мы того или нет. Так что нам теперь, брат Леха, уши надо держать открытыми и постоянно прикидывать, откуда ветер дует. А то, не ровен час, сожрут нас и не поперхнутся. С друзьями в этом мире нам, конечно, повезло. Мы от них много добра увидели. Но, с другой стороны, мне иногда кажется, что лучше бы иметь друзей попроще. Уж слишком много у них врагов.

— Это верно, — задумался над словами друга Ларин, вспомнив своего казненного предшественника, — да и на расправу не задерживаются. Бей своих, чтобы чужие боялись.

Адмирал уже порядочно выпил вина и начал хмелеть. Шум лагеря: крики погонщиков, ржание коней, поступь сотен пехотинцев и лязганье оружия, быстро отошли на второй план. Ни Леха, ни Федор даже не обратили внимания, когда в шатер, откинув полог, вошли Летис с Урбалом. Увидев яростно жестикулировавших друзей, один из которых им был не знаком, финикийцы остановились.

— Слушай, сержант, — вновь заговорил Леха, — я тут на Истре одного человечка в плен взял, так он мне рассказал, что им кто-то золота заслал издалека, чтобы против нас бились. Смекаешь? Мутит кто-то воду.

— А ты про тех греков, что нападение на меня устроили, узнал что-нибудь? — уточнил Федор, кивнув друзьям и как ни в чем не бывало продолжая беседу.

— Нет, — с сожалением ответил Ларин, — того грека, что на тебя покушение устроил, мертвым нашли. Да и остальных. Так что концы в воду, прости сержант.

— И этих, значит, — распрямил спину Федор и, словно только что увидел, представил своих друзей скифскому гостю, — а это Урбал и Летис, мои боевые друзья. Мы вместе с ними столько километров отшагали по здешним землям, и не сосчитаешь.

— Здорово, — кивнул Леха, осматривая гостей, — а они по-русски понимают?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Федор, сделав знак друзьям, чтобы те присели к столу, — только по-финикийски.

— Ну это наречие я еще не освоил, — извинился морпех, откидываясь на спинку кресла и внимательно изучая Летиса, — здоровый парень. Наверное, хороший боец.

— Один из лучших, — уверил его Федор, — а кинжалы кидает так, что залюбуешься.

Летис, поняв, что разговор идет о нем, усмехнулся, подняв чашу с вином за здоровье гостя из Великой Скифии, как представил его друзьям Федор.

— И ты не болей! — ответил Леха, абсолютно не смущаясь тем, что его не понимают. Он уже имел опыт изучения скифского и верил в международный язык жестов.

Финикийцы некоторое время слушали молча, но потом Урбал все же поинтересовался.

— А на каком языке вы говорите? — спросил удивленный командир седьмой спейры.

— Это язык моей северной родины, — туманно ответил Федор, — очень сложный. Кроме нас с Лехой, никто на нем в этих краях не разговаривает. Да и мы здесь так давно, что уже забывать стали.

— Зачем ты нас вызвал? — перевел разговор на другую тему Урбал, — мы даже не переоделись. Прямо со стен. Я решил — дело срочное.

— Так и есть, — кивнул Федор, переводя взгляд с захмелевшего адмирала, которому было уже хорошо и говорить не тянуло, скорее спать, на финикийца, — но сначала скажи, как там дела на стенах?

— В порядке, — успокоил его Урбал, — мы захватили еще пару улиц и почти дошли до рынка. Если так пойдет и дальше, через пару недель Тарент будет наш. Римляне постоянно контратакуют, но от конницы на заваленных улицах мало толку, а легионеров мы отбиваем. Так что держимся. Летис вон сегодня убил почти дюжину римлян.

Довольный собой Летис, поглощавший нарезанное ломтями копченое мясо прямо с блюда, не замедлил подтвердить слова друга.

— Это верно. И среди них был один центурион. Верткий попался и сильный. Многих солдат убил из наших, но от меня не ушел. Я отправил его на встречу с богами.

— Молодец, — похвалил Федор, — но вызвал я вас вот зачем. Ганнибал дал мне новое задание. Тайное. Мы немедленно... ну, — Чайка посмотрел на задремавшего Леху и продолжил, — завтра утром покидаем лагерь и направляемся в апулийский порт. А оттуда плывем в Сиракузы.

— В Сиракузы? — грохнул Летис, чуть не выронив мясо из рук. — Но ведь там же греки? Наши враги.

— Ты просто не знаешь последних новостей, — удивил его Федор, — уже почти неделю греки из Сиракуз наши друзья.

— Ты хочешь сказать, что Гиерон, который столько лет воевал против Карфагена, вдруг воспылал к нашим сенаторам дружескими чувствами? — недоверчиво усмехнулся Урбал. — До такой степени, что пригласил солдат Ганнибала посетить Сиракузы.

— Нет, но Гиерон умер, — снял все вопросы Федор Чайка, — а его наследник Гиероним решил дружить с Ганнибалом. И мы должны прибыть на Сицилию как можно быстрее, чтобы уверить его в поддержке Карфагена.

— Если мы прибудем туда, — попытался охладить его пыл Урбал, — то туда же немедленно прибудут и римляне.

— Да, это возможно, — кивнул как ни в чем не бывало Федор, опрокидывая в себя еще чашу вина и бросив взгляд на Ларина, который уже начал откровенно посапывать, — не исключено, что придется столкнуться там с римскими легионами. В любом случае мы отплываем завтра.

— И много нас туда отправится? — уточнил въедливый командир седьмой спейры.

— Две хилиархии, — ответил Чайка, и чтобы больше вопросов не возникало, добавил: — Так решил Ганнибал.

Финикийцы на несколько секунд перестали насыщаться и молча переглянулись. По их лицам Чайка мог легко прочитать фразу: «Это самоубийство». Но ни Урбал, ни Летис больше не сказали ни слова.

— Ну что же, пойдем тогда выспимся перед дорогой, — нарушил затянувшуюся паузу Урбал. — Когда выступаем?

— На рассвете, — закончил «вводный инструктаж» Чайка.

А когда друзья вышли, прихватив фалькаты, растолкал задремавшего скифского адмирала.

— Вставай, брат, — проговорил Федор, — тебя уже заждались македонцы.

Очнувшись, скифский адмирал некоторое время собирался с мыслями. Потом встал, стряхнув с себя грустные мысли. Не любил Леха долго думать.

— Давай прощаться, — предложил он, — могли бы, конечно, на рассвете вместе выступить. Да только я на конях, а ты пешком.

— Прощай, Леха, — обнял друга Чайка, — даст бог, свидимся еще. Привет Иллuru.

— Передам, — немного повеселел Леха.

Глава третья Сиракузы

На следующее утро две хилиархии африканских пехотинцев, поблескивая на солнце доспехами, вышли из ворот лагеря у стен Тарента и направились в противоположную от него

сторону. Ларин со своими скифами еще раньше ускорился в том же направлении.

Бросив взгляд на стены осажденного города, где сейчас царил временное затишье, Чайка подумал, что если бы не римляне, отделявшие финикийцев от побережья, то попасть в Сиракузы можно было бы гораздо быстрее. Сел в Таренте на корабль и вот оно, море. А сейчас им приходилось возвращаться к безопасным берегам, делая огромный крюк. Но чего не сделаешь ради секретности. Да и выбора, собственно, пока не было. Как ни стремился Ганнибал захватить Тарент, напрягая все силы, тот все еще находился в руках Марцелла.

Оказавшись, спустя несколько дней, в единственном действующем порту, который контролировала армия финикийцев, Федор приказал немедленно начать погрузку на корабли. Каждая из ожидавших его квинкером приняла на борт по триста с лишним пехотинцев. Седьмую спейру, в числе прочих, Чайка приказал разместить на флагмане. Так что Урбал и Летис находились неподалеку. И едва это случилось, корабли вышли в море. Общая численность войска, отплывавшего из Апулии в Сиракузы, не превышала двух с половиной тысяч человек. «Не густо, — размышлял командир сводного отряда, поглядывая на быстро темнеющее небо, — но тут уже ничего не попишешь. Надо так надо. Да поможет нам Баал-Хаммон и небесная царица Таннит».

Он едва ли на пять минут сумел заскочить в дом на побережье и обняться на прощание с золотоволосой римлянкой, рассказав ей о том, что должен отплыть по приказу Ганнибала. Правда, не сказал куда. Зачем волновать любимую женщину ненужными воспоминаниями.

— Мы будем ждать тебя, — ответил Юлия, обняв его и подозвав сына, — возвращайся быстрее.

— Я вернусь, — пообещал Федор и, вскочив на коня, отправился в порт.

Отчалив в сумерках от берега, Федор рассчитывал на ночной прорыв мимо Брундизия, хотя был наслышан о том, что в последнее время римляне усилили ночное патрулирование. Их можно было понять, — слишком уж выросла активность противников римского сената в здешних водах, после того как на побережье объявились скифы. Македонцы уже несколько раз атаковали римские корабли, правда, без особого успеха и малыми силами. Не стоило забывать и об иллирийских пиратах, облюбовавших многочисленные острова на противоположном побережье. Далеко не все племена иллирийцев пошли с римлянами на мировую.

«Ну ничего, — успокоил себя Федор, вспомнив о прочитанных еще в прошлой жизни экспедициях римлян против здешних пиратов, которые должны были состояться в самое ближайшее время, если его присутствие не слишком изменило ситуацию, — если не римляне, то уж Лехин покровитель скоро покончит с этой иллирийской вольницей».

Между тем, плавание, начавшись достаточно спокойно, буквально на следующее утро преподнесло Федору неожиданный сюрприз. Из-за сильного бокового ветра, мешавшего набрать хорошую скорость, флот карфагенян едва успел миновать Брундизий, но его сразу начало сносить в сторону Эпира, что тоже было не лучшим вариантом. Однако Чайка не был сильно обеспокоен этим обстоятельством. Больших сил римлян они не встретили, выход в море был свободен. И даже если этим днем кто-нибудь из римских флотоводцев обнаружит их и увяжется следом, можно будет уйти в открытое море. Федор однажды проделывал этот маневр. Впечатления от плавания с Магоном в Карфаген, когда римляне не отставали от них почти до самой метрополии, были еще сильны. Однако открытое море это все же не пролив. Там уйти от преследователей шансов гораздо больше. Да и отклонение от курса будет не очень сильным. Сицилия — это почти Карфаген. Недаром все финикийцы считали также.

Разглядывая с тревогой на рассвете чистый горизонт и посматривая назад, в сторону своих кораблей, Федор неожиданно заметил многочисленные обломки, мелькавшие среди волн. То же самое увидели капитан и моряки, находившиеся рядом.

— Похоже, недавно был бой, — поделился соображениями капитан квинкеремы по имени Ханор, — может быть, даже этой ночью.

— Интересно, кто с кем воевал, — пробормотал Федор, у которого вдруг появилось нехорошее предчувствие, — внимательно осматривайте все обломки. Вдруг это македонцы и

кто-нибудь выжил.

Капитан кивнул и немедленно передал приказ всем матросам, которые, впрочем, и без того поглядывали на воду. Чайка проводил настороженным взглядом несколько больших кусков обшивки, явно принадлежавшей крупному кораблю, а потом обломок мачты, вскоре оставшийся за кормой, и направился в свой кубрик, чтобы обдумать, как лучше завязать контакт с Гиеронимом. Как ни крути, а Чайка вновь становился послом Карфагена, и от его действий во многом зависело будущее этой шаткой дружбы.

Однако не успел он уединиться, как с палубы донеслись какие-то крики и вскоре раздался стук в дверь.

— Что там? — спросил Федор у морпеха, который появился на пороге.

— Мы выловили из воды несколько человек, — доложил морпех, — но это не наши и не македонцы.

— Римляне? — удивился Федор.

— Нет, — ответил морпех, пожав плечами, — капитан не знает, кто это. Но один из ваших бойцов говорит, что видел этих людей несколько дней назад в лагере. Капитан прислал за вами.

— Идем, — не секунды не колебался Чайка.

«Неужели это были обломки триеры, на которой Леха поплыл обратно, — промелькнуло в голове Чайки, — только бы он оказался жив».

Первое, что услышал Федор, едва поднявшись вслед за морпехом по скрипучей лестнице на палубу качавшейся на волнах квинкеремы, это был отборный русский мат, раздававшийся на весь корабль.

— А ну осади назад, твою мать! — кричал только что вытащенный из воды человек, которому полагалось находиться без сил. — И не тыкай в меня своим мечом. Ну и что, что на мне доспехов нету! А ты попробуй, выплыви во всем этом железе. Но я тебе не римлянин какой-нибудь, а посланец Иллуря!

Никто из морпехов не мог понять, о чем говорит спасенный. Хотя поступали они с этим буйным парнем и остальными, стоявшими и сидевшими в исподнем на палубе, вполне благоразумно, — окружили всех вытащенных из воды и, обнажив оружие, дожидались командира.

— Не слишком-то ты вежлив со своими спасителями, брат, — громко произнес Федор, быстро приближаясь к месту действия. Он боялся, что еще немного и Леха затеет драку. Не любил тот, когда перед его носом размахивали клинками.

— Вот это номер, — обнял Леха Чайку, не обращая внимания на мокрую рубаху, — так это твои орлы вытащили меня из воды. Вот спасибо. Всю ночь в море болтался, за щепку уцепившись. Думал все, кранты. И было решил с перепугу, что это иллирийцы или солдаты Эпира. Доспехи-то не разглядел. Они же молчат все время.

— Они меня дожидались, — терпеливо пояснил Федор, — а по-русски здесь никто, кроме нас с тобой, вообще разговаривать не умеет.

И уточнил, скользнув взглядом по замерзшим телам вытащенных из воды людей:

— Что стряслось?

— Римляне, — объяснил Леха, вытерев стекший на лицо ручеек соленой воды, — встретили опять целую эскадру. Но на этот раз они нас догнали и на дно пустили, когда мы сдаться отказались. Хорошо еще ночь была. Мы с Токсаром и Уркуном рядом оказались. Доспехи скинули, сиганули за борт да за обломок киля уцепились чуть погодя, так и спаслись. Потом еще двоих подобрали. Тоже наши оказались. Все македонцы и половина моих погибли. В море утопли. А мы так и бултыхались до рассвета. Сил держаться уже не осталось. Думал еще чуток и все, пойду на корм рыбам. А тут вы.

— Понятно, — кивнул Федор и, обернувшись к солдатам, приказал по-финикийски, — разместить всех спасенных на палубах. Найти им сухую одежду и покормить. Это наши друзья.

Когда скифы и македонцы последовали за командиром морпехов, Федор увел к себе

Леху. Требовалось обсудить, что с ним делать. Стоять на месте дольше караван финикийцев не мог. Не то это было место, чтобы здесь долго задерживаться. И так, спасительная операция заняла целый час. В любой момент здесь могли появиться римляне, считавшие эти воды своими. И Чайка не мог рисковать.

Выпив кувшин вина и перекусив, скифский адмирал быстро приходил в себя. Федор посмотрел на друга и проговорил задумчиво.

— Давай решать, брат, что нам дальше делать.

— Подбросил бы ты меня, сержант, к ближайшему берегу, — подкинул идею Леха, уплетая за обе щеки холодное мясо из личных запасов Чайки, — тут должно быть недалеко. Сплаваем по-быстрому, крюк небольшой выйдет, а потом дальше двинешь.

Федор еще не успел раскрыть рта, чтобы ответить, как с палубы донесся громкий крик.

— Римляне!!!

— Ну вот, похоже, и решили, брат, — Чайка встал, поправив ножны фалькаты, — пойду, гляну.

Леха промолчал, продолжая жевать и соображая. А командир финикийского конвоя поспешил на палубу. Едва оказавшись у борта, он встретил Ханора.

— Вон там! — вскинул руку капитан.

Посмотрев в указанном направлении, Чайка увидел больше дюжины отчетливых силуэтов. Римский флот приближался со стороны Брундизия, направляясь на перехват. Время уйти еще было. Но только в открытое море.

— Римляне? — раздался из-за спины голос скифского адмирала, который не смог усидеть в каюте.

— Да, — кивнул Федор, — примерно пятнадцать квинкерем.

Чайка посмотрел на друга и добавил.

— В бой вступать я не могу. У меня и так слишком мало солдат, да и понадобятся они мне на суше. Так что придется уходить отсюда.

Ларин помолчал. Прищурившись на солнце, посмотрел в ту сторону, где должен был находиться македонский берег.

— Иллур меня убьет, когда вернусь, — проговорил он тоном приговоренного к смерти. И вдруг махнул рукой, повеселев, — а и черт с ним. Куда плывем, капитан?

— В Сиракузы, брат, — ухмыльнулся Федор, — на встречу с Архимедом.

— Тем самым, — удивился Леха, — который физику с химией придумал?

— Ну насчет физики с химией не знаю, — ответил Федор, — а механик он, говорят, знатный.

— И долго ты там собираешься гостить? — уточнил Ларин, разглядывая приближавшихся римлян.

— Это как выйдет, — туманно ответил Федор.

Пополнив свою небольшую армию за счет пятерых спасенных скифов, караван финикийцев двинулся дальше. Избегая встречи с римлянами, Чайке пришлось уйти далеко в открытое море, где ночью, они наконец оторвались от навязчивого эскорта. И только после этого он приказал капитану плыть в сторону Сиракуз.

Однако на следующий день разыгрался небольшой шторм, едва не разметавший караван по всему Средиземноморью. А когда Чайка с большим трудом собрал вместе все восемь кораблей, ни один из которых, к счастью, не утонул, то капитан, сверив свой путь по звездам, объявил ему, что карфагеняне находятся неподалеку от берегов Ливии.

— Вот это радость, — почесал бороду Федор, — так мы уже в двух шагах от Карфагена.

Он даже подумал, не зайти ли в родной порт и не нанести ли визит сенатору Магону. Поинтересоваться насчет подкреплений и узнать о здоровье брата Ганнибала, который до сих пор не прибыл в Италию. Но быстро пришел к выводу, что этого делать не стоит. Не для того так спешно его отправили военным представителем Карфагена в Сиракузы, чтобы он прибыл туда позже римлян и вернулся не солоно хлебавши. А такой шанс был и креп с

каждым днем. Чайка уже опаздывал как минимум на несколько дней. Кто его знает, как этот молодой наследник относится к задержкам военных подкреплений. Может быть, совсем не так спокойно, как Ганнибал. «Вдруг он уже передумал воевать с римлянами, — озадачился Федор, — и когда мы приплывем, то увидим в Сиракузах легионеров? В любом случае, для начала надо туда доплыть».

И он приказал капитану флагмана двигаться к Сицилии и ускорить ход, насколько позволяло еще слегка штормившее море.

Наконец, к исходу вторых суток, они увидели окончечность протяженного острова, который мог быть только Сицилией. А вскоре и мощные стены Сиракуз, вдоль которых вспенивали волны триеры греков. Федор только на первый взгляд насчитал вдвое больше кораблей, чем было у него в «подкреплении». Римских кораблей Чайка нигде не заметил, но решил раньше времени не расслабляться.

Однако не столько корабли, сколько сами укрепления греческого города, произвели на Федора сильное впечатление. Весь город вдоль побережья и по суше, был опоясан мощными крепостными стенами из белого камня. Грандиозные, в большинстве своем квадратные, башни рассекали стену на равные промежутки. Кое-где стена была двойной, напомнив командиру двадцатой хилиархии укрепления родного Карфагена. На первый взгляд столица финикийцев в Африке была больше, но в целом города друг друга стоили. Сиракузы тоже были огромным городом. Впрочем, имелись здесь и явные отличия.

Из-за стен и башен Сиракуз во множестве виднелись какие-то странные приспособления, выдававшиеся далеко вперед и нависавшие над водой. На некоторых виднелись крюки и другие устройства явно для подвешивания груза. Большинство из этих приспособлений напомнили Федору портовые краны. За зубцами стен виднелись и другие машины, поменьше, но разглядеть их было уже трудно. Не говоря уже о совсем небольших машинах и обычных баллистах и катапультах, которые наверняка тоже имелись в арсенале Гиеронима, которому теперь служил Архимед. Именно наличие всех этих приспособлений для обороны и делало Сиракузы почти неприступными с моря.

Посланцев Ганнибала встретили еще на подходе. Едва заметив небольшой приближавшийся флот, греки выслали навстречу только пять триер, что явно говорило о мирных намерениях. В полумиле от берега, триера пришвартовалась борт о борт с дрейфовавшей квинкеремой Чайки, после чего на палубу поднялся помпезного вида военачальник, блестя начищенным шлемом и весь затянутый в кожаные ремни. Вместе с ним на палубу поднялось еще двое греков в кирасах. Рядом с Федором стоял переводчик. А позади, на некотором расстоянии, капитан корабля, Урбал, Летис и Леха Ларин, одетый в чей-то старый кожаный панцирь, чудом оказавшийся на корабле. Отсалютовав Чайке, главный грек представился.

— Я Ферон, военачальник морских сил Сиракуз, — сообщил он, слегка наклонив голову в поклоне, — меня прислал к тебе Гиппократ.

— Федор Чайка, военачальник сил Карфагена. Меня прислал Ганнибал, — в тон ему ответил командир двадцатой хилиархии.

За время длительной службы Чайка выучил достаточно фраз по-гречески, мог пообщаться кратко, ведь встречаться приходилось с разными людьми, но в совершенстве этим языком еще не овладел. А потому по серьезным вопросам был вынужден общаться через переводчика, — смуглолицего ученого парня полугрека-полуфиникийца по имени Марбал, которого он предусмотрительно захватил с собой из штаба Атарбала. Парень был проверенный и уже сослужил командиру африканцев хорошую службу, допрашивая пленных и перебежчиков из Тарента, где ошивалось множество народа с греческими корнями. И потому Атарбал отправил его с Федором скрепя сердце. Но, делать было нечего, новая задача Ганнибала требовала лучших людей.

Марбал перевел Федору первую фразу. Имя Гиппократ командиру двадцатой хилиархии в этой жизни ничего особенного не говорило. Скорее оно напоминало ему прошлую жизнь в двадцать первом веке, где Гиппократу приносили клятву медики.

Впрочем, вряд ли это был тот самый Гиппократ. «Наверняка тут этих Гиппократов... — не без основания предположил Федор, — как в Карфагене Магонов».

— Как поживает молодой наследник Гиероним? — начал разговор с вежливого вопроса, как ему показалось, Федор Чайка. Но последовавший ответ поверг его в изумление.

— Гиероним мертв, — ответил Ферон, нахмурившись, — убит подосланным римлянами убийцей два дня назад.

«Вот те раз, — подумал Чайка, опуская руки на кожаный пояс, — задержался на пару дней. И что теперь делать будем?»

— Кому теперь принадлежит власть в Сиракузах? — не мог не задать главный вопрос Федор Чайка, едва переварил новость.

— После гнусного убийства наследника Герона римским шпионом, — начал излагать последние события Ферон, положив ладонь на рукоять короткого меча, — в городе начались волнения. Кое-кто предлагал вновь поддержать римлян и прекратить начавшуюся недавно на суше войну. Но, узнав о том, что римляне вырезали жителей нескольких наших приграничных городов, народ Сиракуз решил по-другому.

«Слава богам, — невольно выдохнул Федор Чайка, обернувшись на друзей, которые не могли слышать разговора, — мудрое решение. Иначе, чтобы я сказал Ганнибалу».

— Народ Сиракуз выбрал двух военачальников, Гиппократа и Эпикида, приказав им продолжить войну на суше, — продолжил Ферон, — а морские силы верил мне, так как я уже не раз доказывал свою доблесть в морских сражениях.

Федор сделал пол-оборота и незаметно подмигнул ничего не понимающему, как он думал, Лехе, мол, «твой коллега, адмирал». В то же время другая, довольно скользкая мысль посетила его голову. «С кем же ты воевал, Ферон, уж не с Карфагенским ли флотом?» — подумал Чайка, разглядывая морщинистое и обветренное лицо греческого адмирала, видневшееся из-под массивного шлема с гребнем из белых перьев. Но вслух, конечно, свои подозрения не озвучил. Теперь они, волею судьбы, были союзниками. Как выяснилось, и после внезапной смерти Гиеронима.

— Ну что же, — проговорил посланец Ганнибала с такой гордостью, словно привел с собой непобедимую армаду, — раз народ Сиракуз подтвердил свое желание воевать с Римом, то Карфаген тоже сдержит свое слово. Мы прибыли, чтобы драться с вами против римлян плечом к плечу.

— Тогда следуйте за нами в гавань, — закончил свою речь флотоводец Сиракуз, ни одним жестом не выразив презрения к столь малому числу воинов, присланных Ганнибалом, — вы должны встретиться с Гиппократом и обсудить совместные действия. Он сейчас в городе, собирает новую армию.

Едва триера Ферона отошла от борта, направившись в сторону гавани, как друзья обступили Чайку.

— Что сказал тебе этот грек? — первым поинтересовался Урбал.

— Он сказал мне, что за то время, пока мы бороздили морские просторы, здесь многое изменилось, — ответил Чайка и, жестом подозвав капитана, приказал. — Ханор, следуй за триерами греков в порт. Мы пришвартуемся в гавани.

— Гиероним мертв, — пояснил свое изречение Федор, глядя в глаза Урбалу, — убит римскими шпионами.

— Но мы все равно остаемся здесь? — продолжил за него догадливый командир седьмой спейры.

— Да, — кивнул Чайка, скользнув по лицу стоявшего рядом Летиса, — народ Сиракуз все равно решил воевать с Римом.

— Невероятно, — пробормотал Урбал, отступая на шаг, — Ганнибал уже в который раз изумил меня своим даром предвидения.

— Меня тоже, — согласился Федор, — кто мог подумать, что эти греки, даже после смерти наследника останутся верны договору, который он успел заключить за несколько дней своего правления. Но это так. Они выбрали новых полководцев и поручили им

продолжать войну. Я уже сказал им, что мы остаемся.

А Лехе, когда тот, замученный долгими разговорами на финикийском, в свою очередь поинтересовался, чем закончилось дело, Федор сообщил кратко:

— Все в порядке, адмирал. Прибыли. Будем воевать.

Еще с моря Чайка смог рассмотреть флот Сиракуз, к ночи собравшийся в родной гавани. Это было примерно три десятка квинкером, почти новых с виду, и больше дюжины остроносых триер. Вероятно, это были не все силы Сиракуз, которые, подобно Карфагену, рассылали в разные концы Обитаемого Мира своих посланцев, но, во всяком случае, все, что увидели его глаза. На палубах Чайка разглядел множество баллист, вокруг которых прохаживались пехотинцы и деловито суетились моряки. Заметив которых, Ларин с неприязнью процедил сквозь зубы:

— Греки.

Федор в глубине души разделял чувства своего сослуживца из прошлой жизни, с которым его вновь свела судьба. Но представить себе Средиземное море без греков он просто не мог. Флот новых союзников между тем показался Федору вполне боеспособным. Во всяком случае, за Сиракузами закрепилась слава очень сильного в военном отношении государства. Многие годы — главного противника Карфагена не только в борьбе за Сицилию, но и за власть над Средиземноморьем, по берегам которого существовала просто россыпь греческих колоний. Правда, в последние десятилетия в эту борьбу активно вступил Рим.

Войдя в гавань Сиракуз вслед за триерами, Федор невольно отметил, что ее тоже перегораживали массивной цепью, как в Карфагене и многих крупных греческих портах. Флотилия финикийцев пришвартовалась к нескольким свободным пирсам. Чуть ранее Федор отдал приказ всем солдатам оставаться на кораблях до особого приказа. И, взяв с собой лишь переводчика и Карталона, ошалевшего от долго плавания, проследовал за Фероном в крепость.

К счастью дорога оказалась не долгой. По пути Федор успел ввести своего заместителя в курс дела. Тот тоже был немало удивлен поворотом судьбы Гиеронима и всем, что случилось за последние несколько дней здесь, но полностью поддержал Чайку.

— Мы приплыли сюда воевать с Римом, — заметил этот свирепого вида боец с обрубленным в бою ухом, бодро вышагивая рядом, — и мы сразимся с ним. С Гиеронимом или без него. Мне все равно, кто управляет этим городом, если он отказал в помощи Риму.

К счастью, разговор шел по-финикийски и сопровождавший их Ферон ничего не расслышал. С некоторых пор Федор стал беспокоиться о том, правильно ли его поймут.

Пройдя сквозь небольшие, но прочные и хорошо охранявшиеся ворота в стене, отделявшей акваторию порта от города, Ферон подвел их к двухэтажному зданию, расположившемуся у самого начала улицы. Эта улица резко уходила вверх, туда, где за следующей крепостной стеной раскинулся по склонам каменистого холма большой, по местным меркам, и процветающий город.

— Гиппократ ожидает вас здесь, — сообщил флотоводец Сиракуз, — следуйте за мной.

И, сказав пару слов командиру охранников, провел их мимо двух шеренг гоплитов, перегородивших небольшой двор полукольцом. Скользя по доспехам пехотинцев и красным гребням шлемов, Чайка первым вошел внутрь каменного дома, вход в который был отмечен портиком с колоннами.

Командующего вооруженными силами Сиракуз они застали во внутреннем дворике с фонтаном за кормлением собак. Облаченный в доспехи, подобно своим гоплитам, он швырял куски мяса разомлевшим от зноя животным.

— Ну разве они не красавцы? — поинтересовался Гиппократ у Федора, прежде чем поприветствовать его официально.

Чайка, не особенно разбиравшийся в собаках, сделал вид, что впечатлен, хотя особого восторга эти длинноногие и лохматые твари с пятнистой рыжевато-шкурой, во множестве лежавшие у ног греческого полководца, у него не вызвали. Гораздо больше Федора

заинтересовал вид самого полководца. Гиппократ был низок ростом, широкоплеч и коренаст. Его узкое бородатое лицо рассекло сразу два шрама, один из которых проходил через нос. А в движениях чувствовалась порывистость и решительность. Он явно был человеком храбрым. Этакий Наполеон из греков.

— Рад приветствовать посланцев Великого Ганнибала в Сиракузах, — проговорил Гиппократ, оmyв руки прямо в фонтане и наконец отвлекшись от своих собак, — Ферон, я думаю, уже поведал вам о нашем несчастье.

— Я скорблю вместе с народом Сиракуз, — выдавил из себя Чайка, пытаясь подобрать более подходящие для такого случая слова.

Марбал перевел.

— Да, наш правитель погиб, — подтвердил Гиппократ, — но народ решил продолжить войну. Флот Ганнибала прибыл вовремя.

— Ганнибал верен своему слову, — подтвердил Чайка, решив сразу обсудить самый насущный вопрос, — и он хочет прислать еще войска на помощь Сиракузам. Поэтому завтра я должен отправить свои корабли обратно в Апулию, за новыми солдатами.

— Что же, — кивнул Гиппократ, — тогда разместите тех, кто прибыл в казармах пока совсем не стемнело. Я отправлю с вами своего офицера. А завтра мы обсудим план военной кампании на суше и, если потребуется, на море.

Глава четвертая Машины Архимеда

Разгрузка войск Карфагена заняла несколько часов. Прикомандированный Гиппократом офицер по имени Диодокл провел финикийцев в казармы, что примыкали к портовой крепостной стене. Казармы были каменными, многоэтажными и позволяли разместить там до пяти тысяч человек. Они пока пустовали, если не считать обитавшей здесь охраны порта. Были, как выяснилось, в Сиракузах и другие казармы для пехоты и конницы, в верхней части города. Там сейчас Гиппократ собирал бойцов в свою новую армию, в помощь той, что уже вступила в столкновения с римлянами. Бои, даже скорее стычки, пока шли на дальних подступах с переменным успехом.

Федор отдал должное организации — его небольшую армию не только разместили на постой, но и немедленно накормили, хотя ужинать пришлось уже в крошечной темноте при свете костров. Поел из солдатского котла и сам Федор, хоть Гиппократ и звал его к себе, а также скифский адмирал. Оба морпеха греческой кормежкой остались довольны.

Ларин, избежавший смерти в морской пучине, теперь не отходил от Федора ни на шаг, как и его скифы. Так что командир карфагенского экспедиционного корпуса на Сицилии был вынужден первое время постоянно передвигаться со свитой из переводчика, скифов и Летиса с Урбалом, которые тоже к ней часто присоединялись. Именно в таком составе наутро он появился в порту, где встретился с капитанами кораблей.

— Отправляйтесь назад в Апулию, — наказал Чайка капитану своего флагмана, — передайте Ганнибалу, что мы добрались вовремя. И еще вот это.

Он протянул Ханору папирус, написанный вчера ночью при свете свечи и накрепко запечатанный. В свитке находились последние новости относительно Гиеронима, на тот случай, если Ганнибалу еще не донесли.

— Жду вас вскоре с подкреплениями назад, — уже не так уверенно добавил Федор.

— Все выполню, — поклонился Ханор и, едва Федор покинул палубу квинкеремы, отдал общий приказ к отплытию.

Оказавшись на набережной, где его поджидали друзья-финикийцы, скифская свита во главе с адмиралом и Диодокл, Федор Чайка некоторое время наблюдал за тем, как его квинкеремы покидают порт Сиракуз, медленно проплывая мимо греческих кораблей. Запиравшая на ночь гавань цепь с шумом погрузилась в воду, и финикийские корабли, один за другим, оказались в открытом море. Окинув взглядом изумрудные волны, Чайка не

заметил поблизости римских судов и, подавив вздох, что-то подсказывало ему, что не скоро он вновь увидит свои корабли, обернулся к Диодоклу.

— Теперь я готов встретиться с Гиппократом.

— Сегодня утром он неожиданно отбыл по делам, — сообщил офицер, одетый в кожаный панцирь с ламбрекенами, поножи и шлем. Из оружия при нем был только короткий меч. Ни щита, ни копья этот гоплит не носил, не обременяя себя подобными тяжестями. Видимо, сказывалась принадлежность к штабу.

— Что-то случилось на сухопутном фронте? — деловито осведомился Чайка: — Римляне?

— Он просил извинить его и отложить разговор до возвращения, — ушел от ответа Диодокл, — скорее всего, до вечера. А я тем временем могу показать вам защитные сооружения города.

— Ну что же, — не стал отказываться от такой возможности осмотреть знаменитые стены Сиракуз командир финикийского корпуса, — пожалуй, я с удовольствием осмотрю их. Показывайте вашу гордость.

Диодоклу явно понравилась похвала.

— Поднимемся сначала на ближние к порту сооружения, — продолжил он, — здесь сосредоточено больше всего машин и есть на что посмотреть.

— Что он сказал? — деловито осведомился Урбал, прищурившись на солнце, после того как грек направился к ближней стене, у которой начиналась лестница наверх.

— Предложил осмотреть городские стены и машины, что на них установлены, — ответил Федор, направляясь вслед за Диодоклом.

— Дело хорошее, — кивнул Урбал, — надо знать, на что способны эти греки, если запахнет жареным.

Миновав охранников, Федор и Марбал первыми покинули пирс, поднявшись по узкой лестнице на ближайшую стену. По ней бродили греческие солдаты, то и дело бросающие настороженные взгляды на море.

Отсюда открывался отличный вид на военную гавань Сиракуз, а была еще и торговая, примыкавшая к ней. Две длинные стены, выстроенные вдоль далеко выдававшихся вперед полуостровов, были как бы их продолжением. Словно две руки, они охватывали гавань с двух сторон, а в нижней части, отделявшейся от моря скальными выходами морского дна, был сделан относительно узкий проход, перегороженный цепью, через который финикийцы вчера и попали в город. Просто так вражеским кораблям было в гавань не войти. Как минимум, надо было опустить цепь, для чего следовало захватить управлявшие ею сооружения.

— Это наш порт, — остановился Диодокл недалеко от ближайшей башни, — со стороны моря он защищен скалами и цепью. А, кроме того, метательные машины отлично простреливают всю акваторию и даже море за ней.

— Видел я уже такие варианты, — приблизившись к другу неожиданно проговорил по-русски Леха, вспомнив осаду Тиры, — тяжело, конечно, прорваться, но можно. Я уже научил своих скифов преодолевать такие препятствия.

Федор сделал знак Марбалу, изумленному незнакомой речью, мол, «переводить ничего не надо». Хотя сопровождавший их офицер уже вопросительно посмотрел на него, услышав замечание Ларина. Вместо этого Федор сам поспешил ответить другу.

— Будем надеяться, что римлянам до тебя далеко, — пробормотал он и уточнил, с недоверием поглядывая на расстояние от дальних стен до гряды рифов, — неужели ваши метательные машины в состоянии перебросить свои снаряды даже через цепь скал в открытое море? Ни одна из имеющихся у меня машин этого не может.

— Да, — с гордостью подтвердил Диодокл, — туда могут достать даже машины с дальней стены порта. А те, что установлены на оконечных башнях, выдающихся в море, могут поражать корабли задолго до того, как они приблизятся к акватории.

— Они могли бы достать сейчас до моих квинкерем? — уточнил Чайка, измерив

взглядом довольно внушительное расстояние, на которое уже отделились от стен Сиракуз финикийские корабли.

— Пожалуй, смогли бы, — после некоторого размышления, ответил греческий офицер.

«Если не врет, то это серьезно, — подумал про себя Чайка, не желая пока особенно нахваливать машины Архимеда, чтобы так явно не признавать превосходство Сиракуз в оборонительной технике, — этак можно всех топить еще на подходе. Жаль, что этот Архимед не родился в Карфагене, тогда бы нам вообще не было равных. И Рим бы уже давно взяли».

— А как вы защищаете вот эти пирсы? — спросил Федор, свесившись со стены между зубцами и осматривая еще несколько пристаней, сооруженных с внешней стороны городских укреплений, у самого подножия скал. Там стояли торговые корабли, у которых сновали рабы, перетаскивая товары на берег.

Переводя взгляд с кораблей на море, Федор даже ненадолго забыл о цели своего прибытия в Сиракузы, — так вокруг было хорошо. Отсюда, сверху, сквозь изумрудную воду, на поверхности которой играли солнечные блики, навевавшие мысли о пляжном отдыхе, было видно песчаное дно. И ему даже показалось, что он рассмотрел несколько ярких рыб, приплывших сюда с рифа.

— Если враг вовремя замечен, то корабли успевают скрыться во внутренней гавани, — ответил Диодокл, проходя дальше вдоль стены мимо обычных с виду баллист, у которых дремала прислуга, к одному из гигантских «кранов». Основание этой конструкции уходило далеко вниз и было вкопано в каменистую землю.

— А если враг все же приблизился и решил захватить стены, не проникая в гавань, то в дело вступают вот эти изобретения, — грек с гордостью указал на огромную деревянную стрелу, с которой свешивались вниз канаты с крюками, — мы подвешиваем к ним очень тяжелые балки. Если их сбросить сверху на триеру или даже квинкерему, то она легко пробьет верхнюю палубу и разрушит ее. А если корабль легкий, то может даже переломить пополам.

— Очень полезное изобретение, — согласился Федор, припоминая, что в прошлой жизни что-то об этом читал.

Аналогичный кран, только более компактных размеров, греки пытались применять и в abordажном бою, устанавливая их на своих кораблях. Сбрасывая поднятые под самый верх мачты балки или большие камни на палубу противника, они стремились достичь того же эффекта, который только что описал «военным туристам» Диодокл. Кажется, эта система у них называлась «Дельфин». Правда, применялась она крайне редко. Не всегда было время и возможность подвести свой корабль на нужное расстояние, да и противник видел это смертоносное приспособление издали и, понятное дело, стремился избежать контакта. Другое дело оборона города, где этих «кранов» было изготовлено невообразимое количество, и кораблям, вознамерившимся приблизиться к стенам, деваться было просто некуда.

Осмотрев внимательнее это сооружение ведущей инженерной мысли, Федор решил, что оно способно не только сбрасывать подвешенный груз строго вниз, но и еще поворачивать стрелу вправо и влево, расширяя «радиус обстрела».

— Это так, — признался Диодокл, погладив шершавую несущую балку, — внутри Архимед приказал протянуть канат, которым приводится в действие вся конструкция. Так что кораблям, оказавшимся поблизости, все равно не избежать атаки.

Заинтригованный Ларин, слушавший быстрое бормотание переводчика на греческом и финикийском, не выдержав, захотел немедленно кое-что спросить у самого Диодокла. Но Федор опередил его, переживая, что не очень дипломатичный от природы Леха испортит все дело.

— Так значит ваши знаменитые машины и орудия создал Архимед? — хорошо изобразил удивление командир карфагенян.

— Да, все эти машины изготовил он, — признался Диодокл, слегка нахмурившись, —

вернее механики по его чертежам. Да и то после того, как наш тиран Гиерон, увидев его опыты с канатами и перемещением тяжестей с помощью блоков, упросил Архимеда создать несколько таких машин для обороны города. Ведь сам Архимед презирает создавать машины, считая это уделом грубых людей.

— Чего он говорит? — не выдержал Леха, дернув за рукав Федора, — не, я и сам кое-чего понял, но так, в общих чертах. Про Архимеда рассказывает?

— Да, говорит, что тот совсем не любит создавать свои машины, — перевел Чайка.

— Как это не любит? — не поверил своим ушам Ларин. — Такой известный механик и на тебе, не любит мастерить машины. Что-то я не догоняю. А кто это все построил, Пушкин?

— Это я как раз и пытаюсь выяснить, — успокоил нетерпеливого друга Федор, немного отодвигая его назад. — Дай мне пять минут, я тебе потом все расскажу. Или учи финикийский, а то Марбал пока на русский переводить не умеет.

Измученный трудностями перевода Леха замолчал, а Чайка сделал несколько шагов в сторону Диодокла и поинтересовался.

— Мой друг спрашивает, а почему Архимед так не любит создавать машины. Ведь, нам казалось, он именно этим и знаменит?

Прежде чем ответить, греческий офицер предложил переместиться еще метров на двести по стене. Обогнув вслед за ним башню, члены свиты командира экспедиционного корпуса оказались у гигантских размеров катапульты, рядом с которой лежали несколько обтесанных каменных глыб, каждая из которых могла при точном попадании запросто превратить бирему в груды обломков, а триеру расколоть надвое.

— Вот это машина! — не смог сдержать восхищения Урбал: — Да ядра к ней даже Летис поднять не сможет. Представляю, какие разрушения она вызывает.

Здоровяк из Утики обиженно засопел, присматриваясь к размерам глыб. Но вскоре вынужден был признать, что его друг прав. Камни были слишком массивные. Однако вскоре стало ясно, что и в Сиракузах не найдется подобных силачей. Подъем и загрузка «снарядов» производилаиь здесь не вручную, а с помощью небольшого приспособления из блоков, стоявшего рядом с катапультой. Видимо, тоже детище Архимеда.

— Эта катапульта способна выбрасывать массивные каменные глыбы очень далеко, — пояснил греческий офицер. — Одно попадание — и корабль противника выведен из строя и не сможет дальше продолжать бой. Находящимся на нем морякам остается только молиться Посейдону, что глыба снесет надстройки, но не повредит руль или мачту, иначе они не смогут даже спастись бегством.

— Так что же все-таки с Архимедом? — напомнил Федор, которого постоянно теребил Леха, так и не дождавшийся ответа на поставленный вопрос. — Почему он не любит механику?

— Он считает это низменным занятием, — нехотя признался Диодокл, — не достойным его возвышенных мыслей. А сам все время настолько занят своими размышлениями, что не замечает ничего вокруг. Часто забывает о еде и даже не ходит в баню.

Углядев на лице командира финикийцев изумление, Диодокл подтвердил это еще раз.

— Да. Его приходится водить туда друзьям почти силой. Но и там, рассказывают, Архимед сидит, погруженный в свои размышления и все время чертит на песке или золе, а иногда и на своей коже, какие-то рисунки. Вычисляет.

— Однако, — кивнул удивленный Федор, — насчет бани я не знал. Впрочем, гении все немного... того. Марбал, не надо это переводить. А то обидим еще.

Уже раскрывший рот переводчик замер на полуслове. Но Диодокл этого не заметил. Он облизнул пересохшие губы и продолжил. Видно, Чайка затронул одну из тем, волновавших всех жителей Сиракуз.

— Архимед вообще очень странный грек. Говорят, что он очарован сиреной, которая его вдохновляет, и никогда не расстается с ней, — проговорил Диодокл, скрестив руки на груди и посмотрев в открытое море.

— Очень может быть, — быстро согласился Федор, чтобы подтолкнуть штабного офицера к дальнейшим рассказам.

— Однажды он договорился даже до того, — с усмешкой сказал Диодокл, — что сказал Гиерону — если бы у него была вторая земля, чтобы о нее опереться, он бы перевернул эту!

— Да, это он хватил, — кивнул Федор, немного улыбнувшись, — это же невозможно.

А про себя подумал: «соплеменники всегда воспринимали гениев как полоумных. За пару тысяч лет ничего не изменилось. Сэ ля ви».

— Он даже огласил уже свое завещание, — поведал греческий офицер, округлив глаза, — и знаете, что он там написал?

Федор пожал плечами.

— Он хочет, чтобы на его могиле был установлен цилиндр с шаром внутри и высечен расчет соотношения объемов этих фигур.

— Ну это уж слишком, — заверил Чайка.

— Нет, вы подумайте! — не мог успокоиться Диодокл: — Боги когда-нибудь покарают его за такое!

Офицер сделал несколько шагов и, обходя катапульту и взяв себя в руки, закончил мысль.

— В общем, если бы не Гиерон, то мы никогда не имели бы этих машин и были бы гораздо слабее. А за то, что он дал нам такое оружие, Архимеду можно простить все его странности.

— А с ним можно будет... познакомиться? — набрался смелости Федор Чайка.

Нельзя же было упускать такой шанс. Кроме того, Федора постоянно терзало беспокойство родом из прошлой жизни. Если все пойдет, как было написано в учебниках, то Архимед должен скоро погибнуть от руки римского legionера. Пока море было спокойным, да и на суше все шло хорошо, но командиру финикийцев отчего-то казалось, что это не надолго.

— Он мало с кем разговаривает, все время проводит во дворе своего дома вон в том квартале, — махнул рукой Диодокл в сторону верхнего города, застроенного невысокими симпатичными особняками, покрытыми красно-бурой черепицей, — даже Гиппократ видится с ним редко. Впрочем, он иногда любит прогуливаться по этим стенам и смотреть на море. Если вы вдруг окажетесь на его пути, попробуйте, быть может, он поговорит с вами. Он любит иностранцев.

В душе Федора забрезжил лучик надежды.

— Ты хочешь посетить самого Архимеда? — спросил стоявший рядом Урбал.

— Да, — кивнул Федор, — люблю общаться с умными людьми.

— Я тоже уважаю ученых, — заметил Урбал и добавил, — когда пойдешь к нему, не забудь взять меня и Летиса. Он тоже не против, как я вижу.

Здоровяк рассеянно кивнул, не сводя восхищенного взгляда с гигантской катапульты и лежавших неподалеку глыб.

— О чем он? — не выдержал Ларин, — о чем вы все говорите?

— Мы собираемся к Архимеду в гости, — просто заметил Федор, — пойдешь с нами?

— Ясен перец, — стукнул себя по груди скифский адмирал, отчего на ней звякнули нашитые сверху медные пластины, — куда ж без меня. Я больше всех хочу посетить этого, как его, геометра. Я с детства люблю геометрию.

— Хорош заливать, — усмехнулся Федор, переходя на русский, — не ты ли мне на службе рассказывал, что был двоечником по математике?

— Да когда это было, — развел руками Леха и хитро прищурился, — а теперь я совсем другой человек. Я все, что хочешь, начертить могу.

— Не надо, — отказался Федор, — тут для этого специалисты есть.

Диодокл еще несколько часов, почти до самого вечера, водил их по стенам, заглядывая в башни, которые поражали гостей своим набором больших и малых метательных машин, созданных Архимедом, казалось, на все случаи ведения войны. Башни Сиракуз были просто

нашпигованы всевозможными приспособлениями и орудиями, приставленными к небольшим бойницам, не всегда заметным с наружи. Здесь были метательные машины для дальнего и ближнего боя, посылавшие в противника сразу по несколько стрел или дротиков, кучно поражая цель с расстояния всего в пятьдесят шагов. Это давало замечательную возможность «косить» почти в упор солдат противника, что смогли пробиться к самым стенам. Или ставить машины прямо на улицах и крышах, на случай прорыва в город.

Наконец, когда уставшие и замученные финикийцы уже вдоволь насмотрелись всех этих хитростей изобретательного греческого ума, Диодокл вдруг прервал экскурсию, заметив со стены большой отряд всадников. Их кирасы и шлемы поблескивали в лучах заходящего солнца. Глядя со стены, казалось, будто блестящая змейка ползет по каменной мостовой.

— Гиппократ вернулся, — проговорил он, внезапно останавливаясь посреди стены, — теперь я могу проводить вас к нему на совет.

— Благодарю, — дипломатично заметил на это Федор, посмотрев на солнце, давно прошедшее зенит, и лица своих уставших друзей, — мы бы хотели сначала умыться и перекусить. Да и Гиппократ, думаю, займется сейчас тем же самым. А чуть позже я в его распоряжении.

Немного подумав, Диодокл кивнул.

Глава пятая Леонтины

Совет у Гиппократа состоялся тем же вечером, но оказался неожиданно коротким. Военачальник принял Федора, на сей раз явившегося без свиты с одним лишь переводчиком, сразу после обеда. Предложил вина. Но по всему было видно, что он торопился и принимал пищу, даже толком не переодевшись. Как вскоре выяснилось, военачальник сиракузян покинул город не утром, а еще вчера ночью, сразу после встречи с финикийцами, и успел за это время съездить в неизвестном направлении. Что-то там произошло, это стало ясно Чайке буквально сразу. Причем представитель Карфагена не ждал от Гиппократа хороших новостей, слишком уж тот был суров.

— Римляне недавно высадили на остров два новых легиона и вчера перебросили их под Леонтины, — нарушил затянувшуюся тишину военачальник Сиракуз, — Эпикид уже отразил два штурма. И даже нанес римлянам поражение в ответной атаке, почти целиком уничтожив их конницу. Но это было раньше.

Гиппократ встал из-за богато накрытого стола, не в силах сдерживать свою ярость, и прошелся по комнате. Разговор проходил там же, где военачальник недавно ел. В почти квадратной комнате на втором этаже особняка, из окон которого были видны укрепления порта.

— Неделю назад мы собирались наступать на Мессану, — проговорил он, теребя ламбрекен на своем доспехе, — и разбили в нескольких сражениях противостоявших нам римлян. Всех пленных я приказал казнить. А вчера, когда под стенами Леонтин появилось еще два легиона римлян, неожиданно высадившихся возле Катаны, положение круто изменилось. Их появление почти в тылу моих сил заставило меня отойти назад. Теперь мы думаем только о том, как удержать собственные земли и не пустить Марцелла за их границу.

Изуродованная щека Гиппократа нервно подергивалась.

— А что, прибывшими легионами командует Марцелл? — не так уж сильно удивился Федор.

— Да, сенат Рима вновь назначил его консулом, — сообщил Гиппократ, а вместе с ним командовать двадцать вторым и двадцать третьим легионами прибыл и претор Аппий Клавдий Пульхр.

Взяв со стола чашу с вином, Гиппократ подошел к окну и бросил взгляд на порт, над которым сгушались теплые сумерки.

— Наступление на Мессану остановлено, — процедил он сквозь зубы. — Марцелл наводит порядок в разбитых нами легионах. Казнит проявивших трусость. После первого неудачного штурма уже стал возводить линию укреплений вокруг города, чтобы начать планомерную осаду. Ведь Леонтины тоже хорошо укреплены.

Вернувшись к столу, где Чайка мирно потреблял вино, Гиппократ продолжил размышлять вслух.

— Мне доносят, что у Катаны пристало около шестидесяти римских квинкерем. Вероятно, скоро они будут здесь. Хотя римляне и осведомлены о машинах Архимеда, все же явно недооценивают их, поскольку никогда не испытывали их удары на своей шкуре. Так что нападение с моря меня не страшит. Здесь мы всегда отобьемся.

Он наклонился чуть вперед и добавил, усмехнувшись:

— К счастью, как сообщают мои лазутчики, сенат не разрешает Марцеллу использовать еще два легиона из римлян, разбитых Ганнибалом при Каннах, что стоят у той же Мессаны. Они объявлены трусами, запятнавшими честь Рима, и сосланы сюда с указанием «никогда не ступать на землю Италии». Сенаторы запрещают им даже воевать, чтобы смыть свой позор кровью, а используют только на самых грязных работах.

— Ну это нам только на руку, — заметил Федор, сделав вид, что впервые слышит об этих легионах, и подвел черту, — итак, насколько я понял, против нас сейчас что-то около двух легионов под Леонтинами. Не считая уже разбитых и разбежавшихся солдат, из которых Марцелл пытается собрать третий. А также еще два легиона под Мессаной, которые высокомерный сенат даже в трудную минуту не разрешает пустить в ход. Никаких союзных армий с Марцеллом нет?

— Нет, — подтвердил Гиппократ, — только сами римляне. Все самниты и луканы давно перешли на сторону Ганнибала.

Федор помолчал. Греческий полководец тоже.

— Есть еще гарнизоны в разбросанных по всему острову небольших городах, но это незначительные силы, — уверил его Гиппократ, — Марцелл никогда не будет использовать их, пока в строю есть достаточно легионеров.

— А сколько солдат у нас? — осторожно поинтересовался Федор Чайка.

— Под Леонтинами у меня было четыре тысячи солдат в сухопутной армии, не считая конницы, — ответил, чуть помедлив, Гиппократ, — большой восьмитысячный стоит на юге в Акрах. Он должен скоро прибыть в Сиракузы. А здесь я почти закончил набирать еще одну армию пехотинцев. В ней уже почти пять тысяч человек, но это новобранцы. Бывшие ремесленники. Нужно их еще обучить передвижению в строю и дать ощутить вкус крови. Только тогда они станут похожи на солдат.

— Ясно, — кивнул Федор, — у меня две тысячи с небольшим. Вскоре Ганнибал, конечно, пришлет еще войска. Но пока...

«Да интересный наклеывается вариант, — подумал командир экспедиционного корпуса карфагенян, поглядывая на сидевшего напротив грека в доспехах и переводчика, ловившего каждое его слово, — если прижмут только с моря, то еще отобьемся. А если еще и с суши, то придется туго. В общем, надо выигрывать войну на суше, так что придется посетить для начала эти Леонтины и нанести визит Марцеллу. Давно не встречались».

Словно услышав его мысли, Гиппократ вдруг встал и отрывисто произнес.

— Нельзя дать римлянам переломить ход событий и развить свой успех. Завтра утром я отправляюсь к Леонтинам с новобранцами. Там мы дадим легионам Марцелла настоящий бой и прогоним их из Сицилии.

— Я отправлюсь с вами, — тоже встал Федор, — и возьму половину своих солдат.

Рискнуть сразу всеми своими силами Федор не захотел.

— Хорошо, — кивнул Гиппократ, — на рассвете я пришлю за вами Диодокла.

На следующее утро, едва рассвело, пехотные подразделения сиракузских войск, состоявшие из пяти тысяч новобранцев, во главе с Гиппократом, и полторы тысячи африканских пехотинцев под командой Чайки, выступили из района порта. На этот раз

Федор взял с собой хилиархию Карталона и сверх того триста человек из своих, оставив Урбала за старшего над теми, кто не покидал Сиракуз. От вездесущего скифского адмирала он и не надеялся отделаться, но Леха сам неожиданно предложил оставить его в городе.

— Чего я там в поле не видел? А тут поближе к машинам буду и кораблям, — поделился тот своими планами, — а может, и с Архимедом повстречаюсь.

— Ты только не вздумай без меня к нему в гости ходить, — предупредил Федор, — а то испортишь мне еще всю политику.

— Ладно, дождусь, — кивнул Ларин, поправляя ножны выданной ему на корабле фалькаты, — ты там римлян только всех не убивай. Оставь и на мою долю.

— Римлян на всех хватит, — успокоил его Чайка, вспомнив вчерашние подсчеты.

На том и расстались. Ларина Федор временно прикомандировал к своей хилиархии. И вверил заботам Урбала, с которым тот быстро нашел общий язык, хотя ни слова еще не понимал по-финикийски. Ларин, чудесным образом выловленный из вод Адриатики, оставался для всех скифским послом в армии Ганнибала, а потому мог и не принимать участия в предстоящих сражениях. Хотя, учитывая тот факт, что скифы были теперь союзниками испанской армии, никто ему этого запретить не мог. Да он и сам не собирался отсиживаться в стороне.

Впервые поднявшись на вершину прибрежного холма, Чайка на мгновение замер от неожиданности в седле, проведя первый день в районе порта, он и не подозревал, насколько огромны Сиракузы, ведь даже с моря они были видны не целиком. Перед ним раскинулся грандиозный город. Ехали они сейчас впереди пешей колонны на конях с Марбалом, Гиппократом и его конным охранением из пятидесяти катафрактариев. Еще две сотни конных греков тот отправил вперед.

Перед удивленным взором Федора открылся огромный греческий город, центр полиса, известного далеко за пределами самой Сицилии. Застроенные каменными домами улицы сходились чуть ниже, по правую руку от Федора, в огромную торговую площадь, уже заполненную в этот утренний час народом. Судя по всему, это был рынок. А торговля, несмотря на войну, ничуть не стихала. К площади по соседним улицам, часть из которых была видна сверху с этой точки, направлялись многочисленные телеги с товарами со всех концов света. Часть из них перевозила тюки и амфоры, недавно разгруженные в порту. А другие проникли в город через многочисленные ворота со всех обширных земель, принадлежавших этому греческому городу. Возницы покрикивали на народ, а рядом деловито шествовали приказчики в белых туниках. Жара, несмотря на ранний час, уже стояла страшная. Чайка обливался потом, хоть и был уже привычным к средиземноморским широтам.

— Ты никогда не бывал прежде в Сиракузах? — спросил Гиппократ, заметив явный интерес карфагенского посланника к городу и пояснил: — Это Эпиполы. Самый большой квартал в Сиракузах. Здесь живут не очень богатые граждане. Зато тут множество общественных построек, полезных всему населению Сиракуз. Вон там, видишь, тянутся на запад два акведука. Левый носит имя знаменитого Агафогла.¹²

«Знакомый персонаж», — невольно усмехнулся начитанный Федор. Проследив за указующей рукой, он действительно заметил поднятую вверх ажурными арками конструкцию, по которой с ближайших гор текла сюда вода, предназначенная для жителей этого густонаселенного города. Два акведука каменными рельсами рассекали бесконечный квартал на несколько частей и, кое-где вздымаясь над домами, порой заслоняли их от солнечного света. «Нечто подобное я видел в Риме и Карфагене, — вспомнил Федор, уже немало попутешествовавший по древнему миру, — цивилизация, однако».

¹² Агафокл — знаменитый правитель Сиракуз. Пришел к власти в 315 г. до н. э. Стал царем из простого горшечника. В ходе войны с Карфагеном, когда войско финикийцев осаждало Сиракузы, он перенес войну в Северную Африку. Чтобы внушить своим воинам мысль о невозможности отступления, Агафокл велел им сжечь корабли, едва высадившись на берег. С тех пор выражение «сжечь корабли» стало нарицательным.

— Вон там, правее, мы добываем камень для строительства домов и крепостных стен, — продолжал рассказывать Гиппократ, пока они проезжали через Эпиполы.

Взглянув правее, Чайка увидел мощные каменные выходы прямо посреди города. Снизу эти скалы были обтесаны и подрублены усилиями тысяч рабов, трудившихся с утра до ночи в каменоломнях. Зато добыча так нужного в строительстве камня была организована посреди густонаселенного района.

— Удобно, каменоломни прямо в черте города, — кивнул командир финикийцев, невольно предаваясь воспоминаниям, — в Карфагене каменоломни далеко за стенами.

Гиппократ не смог сдержать самодовольной усмешки, словно каменоломни в центре города были признаком цивилизованного общества.

— А театры у вас есть? — решил поддержать светский разговор Чайка.

— Конечно, — удивился странному вопросу Гиппократ, — взгляни налево. Ведь мы же центр греческого мира, а греки не могут жить без искусства, театров и общественных бань. Они должны постоянно просвещаться, изучая науки. А также ежедневно смывать с себя грязь и суету. Иначе чем они будут отличаться от варваров с востока.

«Финикийцы, между прочим, тоже с востока сюда пришли, — немного обиделся Федор, поворачивая голову налево, но не стал раздувать дипломатический скандал, — я-то, глупый, думал, что центр греческого мира в Греции, а он вот оказывается где. Хотя, судя по грандиозности построек, Сиракузы, похоже, ничуть не уступают Афинам. И, пожалуй, немного напоминают Карфаген».

Театров и других монументальных построек с колоннами и портиками здесь действительно хватало.

— Мы выехали из Ахрадины, а это квартал Тихе, — проговорил Гиппократ, щурясь на солнце, — Вон там, позади нас, остался храм Афины и Амфитеатр. А если взглянуть на вон те величественные сооружения, то разглядишь алтарь Гиерона.

Оглядев еще раз открывшуюся панораму, Чайка все же решил отказать Сиракузам в первенстве: «Красиво, конечно, но до Карфагена далеко. Хотя, жаль будет, если всю эту красоту сожгут римляне».

Закончив осмотр достопримечательностей, они немного ускорили ход, и спустя час объединенное войско, миновав грандиозный город, ускоренным маршем направилось на северо-запад острова. Дорога меж желтых холмов, поросших скудными рощами, была отличная. То и дело к ним прибывали посланцы от авангарда, сообщавшие, что римлянам пока не удалось прорвать фронт, и они могут передвигаться, не ожидая внезапного нападения. В результате, за два дневных перехода армия новобранцев продвинулась достаточно далеко. Переночевав последний раз в поле, утром они оказались под стенами Леонтин.

И здесь, впервые на этом острове, Федор увидел римлян своими глазами. Леонтины тоже были не простым поселком, хотя и значительно уступали Сиракузам в размерах. Тем не менее здесь тоже имелась хорошая крепостная стена. Город стоял на правом берегу довольно широкой реки. А напротив, на другом берегу, находился новехонький римский лагерь, до боли знакомый Федору своими правильными очертаниями. Не раз и не два, за время службы в Таренте, вколачивал он в каменистую землю эти обструганные колы. К своему большому удивлению, посмотрев чуть правее, Чайка заметил еще один римский лагерь, выстроенный чуть ниже по течению, но уже на этом берегу.

Второй римский лагерь перекрывал удобное сообщение Леонтин с побережьем по долине реки, вдоль которой была проложена дорога. Более того, легионеры Марцелла начали возводить вал, чтобы полностью окружить со временем город, отрезав его ото всех других источников помощи. Сейчас, к счастью, путь в город с юга, из гористой местности, по которой продвигались второй день новобранцы Гиппократа, еще был свободен. Здесь, на холмах, вне стен Леонтин, находилось некоторое количество греческих войск, которые тоже что-то строили на виду у неприятеля. Увидев приближавшееся из тыла войско, они на некоторое время прервали работы, разглядывая солдат. Конное охранение, призванное

защищать их, тоже насторожилось. Несколько всадников даже подъехали поближе, но вскоре вернулись назад, убедившись, что это идут свои.

— Солдаты Эпикида, — пояснил Гиппократ, — они возводят вал, чтобы римляне не смогли полностью отрезать нас от дороги на Сиракузы.

— Понятно, — кивнул Чайка, — готовятся к длительной обороне. А не лучше ли покончить с римлянами хорошей атакой?

— Для этого мы здесь, — решительно кивнул военачальник Сиракуз.

Но судьба распорядилась иначе. Едва пятитысячная армия новобранцев вошла в город через главные ворота, как раздались звуки труб, возвещающие о нападении. Проехав прямо в цитадель, примыкавшую к берегу реки, Гиппократ спрыгнул с коня и в сопровождении Чайки направился навстречу к спешившему в их сторону широкоплечему греку в темной кирасе. Тот спустился по лестнице со стены и вскоре оказался рядом.

— Вы вовремя, Гиппократ, — произнес тот, останавливаясь, — римляне только что пошли на новый приступ. Их биремы высаживают легионеров на наш берег выше по течению.

— Ничего, отобьемся, — не стал впадать в панику Гиппократ, — ты уже отбил несколько таких штурмов.

— Да, но это мне стоило почти трети всех солдат, — хмуро буркнул Эпикид, — еще пара таких штурмов и мне не с кем будет воевать. Хорошо, что ты привел свежих бойцов.

— Они еще неопытны в бою, а солдат у тебя и так достаточно, — заявил Гиппократ, подав свежую идею. — А ты не прячься за стенами. Атакуй сам и отбрось римлян за реку. Что-то они уж слишком хорошо себя здесь чувствуют, на нашем берегу. Почему ты не разогнал их строителей и позволил начать возводить вал? Еще немного и они действительно отрежут Леонтины ото всех источников помощи. Надо немедленно атаковать!

Марбал едва успевал вполголоса переводить все, о чем говорили военачальники Сиракуз. Федору даже показалось, что они просто ругались.

— После договорим, — прошипел подвергнутый критике Эпикид, — мне пора на стены. А ты можешь делать со своими солдатами все, что пожелаешь.

— Здесь все солдаты мои, — напомнил собеседнику о том, кто здесь старший, Гиппократ.

Но Эпикид уже поднимался по лестнице, придерживая ножны меча.

— Пойдем, — обратился к Чайке Гиппократ, — посмотрим, что творится снаружи.

И направился вслед за Эпикидом на ближнюю стену, куда вело несколько каменных лестниц. Здесь Федор заметил множество пехотинцев, прашников и лучников, скопившихся за зубцами стен Леонтин. Также здесь имелось немалое количество баллист и катапульт, самых обычных с виду, которые вскоре вступили в дело. Заскрипели торсионы, и в напавших римлян полетели каменные ядра.

Поднявшись на стену и проследив за тем, в какую сторону «артиллеристы» посылают свои заряды, Чайка разглядел внизу множество узких бирем, которые перевозили легионеров через реку и высаживали на высокий противоположный берег. Место, которое римляне присмотрели для переправы, было не очень удобной пристанью, — здесь к берегу одновременно могло приткнуться не больше трех бирем, но зато на некотором удалении от крепости. Пока туда подоспеют греки, римские легионеры уже успевали захватить и расширить плацдарм для более масштабного наступления.

— Странно, — пробормотал Эпикид, глядя, как половина снарядов падает в воду, не долетая до бирем противника, — вчера они высаживались гораздо ближе.

— Надо немедленно их атаковать, — вмешался в ситуацию Гиппократ, — пошли туда отряд конницы.

— Я бы предпочел побережь всадников, — возразил Эпикид, — вчера они потеряли много бойцов в стычке с римской конницей. Лучше отправить пехотинцев.

— Пока пехотинцы доберутся туда, будет уже поздно, — начал злиться Гиппократ, — я сам поведу конницу в бой.

И добавил, презрительно фыркнув.

— А ты обороняй стены.

И не обращая больше внимания на своего помощника, сбежал по лестнице. Хилярхия Карталона дожидалась приказов Чайки тут же неподалеку, у стен цитадели. А сам Федор, оставшийся рядом с Эпикидом, вскоре увидел, как из ворот крепости выехали несколько сотен греческих катафрактариев и устремились в сторону переправы, где римляне уже выстраивали своих солдат. Позади первых шеренг легионеров происходила какая-то суеда. Чайку тоже озадачило, почему эти легионеры не стремились сразу же бежать к стенам и штурмовать крепость, а словно ждали, пока на них нападут.

Наконец, блестя на солнце доспехами, греки преодолели небольшое холмистое поле, достигли берега и обрушились на несколько манипул римской пехоты, успевших занять оборону. Однако лихой кавалерийский наскок удался лишь наполовину. Римляне неожиданно расступились, открыв взорам десяток «скорпинов», установленных позади. И первую шеренгу конных греков встретили мощные стрелы, бившие почти в упор. Свиста этих стрел, Федор, конечно, не слышал, но зато видел их убийную силу — затянутых в доспехи катафрактариев просто вышибало из седла, пронзая насквозь. Десяток греков, нелепо раскинув руки, оказались на траве. А римляне, на удивление быстро перезарядив свои орудия, успели еще дважды проредить наступающую конницу.

«Это хорошо, что у них еще пулеметов нет», — горько усмехнулся Федор, глядя на потери в живой силе отборной греческой конницы. Гиппократ, к счастью, был жив и привел свой замысел в исполнение. Доскакав наконец до легионеров, катафрактарии обрушили на них всю свою ярость, врубаясь в ряды вновь сгрудившихся пехотинцев. И сверкающие на солнце длинные мечи всадников начали сносить головы легионеров, одну за другой. Греки сразу же оттеснили манипулы римлян к береговым холмам, но там легионеры смогли затормозить наступление, которое так и не повергло их пока в бегство.

— Смотрите! — крикнул кто-то из солдат, — римляне высаживают второй отряд.

Посмотрев в указанную сторону, Федор заметил сразу несколько плавсредств на воде. И это были не только биремы, полные солдат, а множество плотов с легионерами, на которых тоже были установлены «скорпионы». Все суда и плоты были снабжены длинными лестницами. Этот большой отряд направлялся напрямик к стенам «нижнего города», где имелись удобные пирсы, да и сама стена была ниже.

— Хорошо подготовились, сволочи, — спокойно проговорил Федор и, заметив краем глаза шевеление чуть в стороне от начавшегося сражения на берегу, посмотрел туда, увидев кое-что интересное.

Из-за ближних холмов вдруг выскочил отряд римских катафрактариев и устремился в тыл греческой коннице. Римлян было человек триста. Греков, сражавшихся с пехотинцами, уже меньше. «Похоже, вся конница одного легиона, — подумал Федор, наблюдая за этим неожиданным маневром, — когда же Марцелл успел ее туда переправить?»

Не прошло и десяти минут, как римские всадники нанесли свой удар, заставив греческих катафрактариев смешать ряды, и битва пошла на два фронта. Причем, солдаты Гиппократа, зажатые между берегом, пехотинцами и конницей легиона, оказались почти в окружении.

— Хреново дело, — пробормотал Федор и обратился через переводчика к Эпикиду, который отдавал приказания, как отразить штурм римлян в «нижнем городе». Оттуда уже неслись вопли атакующих римлян, что ползли вверх по лестницам.

— Гиппократ в окружении, — сообщил Чайка, привлекая его внимание к происходившему на левом фланге сражения, — надо послать кого-нибудь на выручку.

— Он сам туда угодил, — без всякого энтузиазма ответил Эпикид, проследив за схваткой на берегу, — а кроме того, мне некого послать. Ты сам видишь, что творится. Мне нужно держать город.

Федор присмотрелся к происходящему в «нижнем городе». Там драка набирала обороты. Легионеры, несмотря на жестокий обстрел из баллист и катапульт, неся большие

потери, все же взбирались на стены и кое-где даже отбросили греков, захватив плацдармы для дальнейшего наступления. В воздухе свистели стрелы и проносились каменные ядра. Римляне, перебросили на этот берег несколько баллист, а также установили несколько на биремах и на плотках, что добавило уверенности legionерам. Римские снаряды теперь тоже нередко поражали греческих солдат.

«Погибнет мужик, — пробормотал Федор себе под нос, вновь переводя взгляд на сражение Гиппократа с конными и пешими римлянами, — хотя и геройски. А я потом с этим договаривайся. Придется спасать».

— Я сам пойду, — заявил он, решившись наконец, — пусть откроют ворота.

Спустя двадцать минут хилиархия Карталона во главе с двумя высшими офицерами покинула город и, разбившись на два потока, устремилась бегом в сторону сражения. В самом его начале греки уничтожили половину римлян, но, после вмешательства конницы противника, счастье изменило им. Кроме того, высадка legionеров на берег продолжалась, и солдат противника все прибывало. Но Гиппократ и не думал отступать. Его коренастая фигура металась от фланга к флагу, вдохновляя бойцов. Федор рассчитывал атакой превосходящих сил быстро решить дело в свою пользу, сбросив римлян обратно в воду.

Завидев приближавшихся солдат, часть римской конницы развернулась, чтобы встретить их.

— Копейщиков и пращников вперед, — заорал Федор, выхватывая фалькату, — поднять щиты! За мной!

— За Карфаген! — вторил ему Карталон.

То, что их атакуют совсем не греки, солдаты Марцелла поняли быстро. Но удивление на лицах от встречи с финикийцами под стенами Леонтин быстро сменилось яростью. «Залп» копейщиков выбил из седла многих римлян, повалив их на землю. Тяжелые саунионы великолепно пробивали доспехи катафрактариев. Еще немалая часть пришлось на долю метких балеарских пращников. Но удар конницы римлян все же достиг главных сил.

Прикрывшись щитом, Федор поднырнул под разящий меч и, отбив скользящий удар, сделал ответный выпад. Острие фалькаты вонзилось в бок катафрактария, но рана была не смертельной. Доспех спас римлянина и, пронесшись вперед, тот налетел на меч другого пехотинца. А Федор тем временем вышиб из седла следующего всадника. Подняв валявшийся на земле саунион, Чайка ловко перехватил его и швырнул прямо в проносящуюся мимо лошадь. Но римлянин тоже оказался не промах. Перелетев через голову своего раненого коня, он потерял шлем, но приземлился на ноги и встретил удар Федора с мечом в руках. Первым же выпадом он лишил командира двадцатой хилиархии щита. Обмениваясь ударами клинков, противники некоторое время прыгали вокруг мертвого коня. А спейры финикийцев уже давно ушли вперед, сметая все на своем пути. Рядом остановилось лишь несколько пехотинцев Карталона с желанием всадить меч в спину катафрактарию. Но Федор жестом запретил им это делать.

Чайка видел, что атаковавший его римлянин дрался уже давно и сильно устал. Его доспехи носили на себе следы нескольких хороших ударов, нанесенных греками. Оставалось только дожидаться ошибки. И она произошла.

Legionер несколько раз подряд взмахнул мечом, заставив Федора попятиться. А затем, видя, как тот опустил руку с клинком, перехватил свой меч крепче и вложил всю силу в последний разящий удар, который должен был снести Федору голову. На то и был расчет. Чайка обманул его, тоже притворившись усталым. На самом деле командир карфагенян был бодр и полон сил. Он присел, давая римлянину довершить начатое, и поймал его на встречном движении, желая поразить противника прямо в бок. Удар он провел, как и задумал, но кираса катафрактария оказалась прочнее, чем ожидал Федор. Лишь искорежив ее, Чайка сбил противника с ног и оглушил крепким ударом рукояти по голове.

Примериваясь, куда всадить лезвие, в шею или живот, чтобы закрыть вопрос, Федор вдруг заметил край папируса, торчавший из-под нагрудника. Вытащив его и развернув, — папирус был не запечатан, — он был изумлен. В его руках находилось письмо, точнее,

небольшая записка, написанная по-финикийски. Мельком пробежав папирус глазами и не разобрав, кому он был адресован, Федор свернул его и жестом подозвал солдат, передумав убивать римлянина.

— Связать его и доставить после боя в город, — приказал командир двадцатой хилиархии, чуя, что случай посылает в его руки ценного свидетеля, — отвечаете за его жизнь своими головами.

Пока солдаты выполняли первую часть приказа, Чайка спрятал папирус под свою кирасу и огляделся. Впереди бушевало сражение, которое еще требовалось довести до конца. Пока он стоял на месте, к нему приблизилось еще человек двадцать африканцев.

— За мной! — крикнул столпившимся вокруг него солдатам Федор, вновь вскидывая фалькату, — сбросить этих ублюдков обратно в реку.

Спейры карфагенян устроили натиск и вскоре смешали порядки римских манипул, которых за не слишком долгое время, прошедшее с начала высадки, стало вдвое больше. Выжившие конные греки, а их осталось человек семьдесят, во главе с Гиппократом присоединились к атаке.

Сам греческий военачальник, заметив в толпе Федора, подъехал к нему и поблагодарил.

— Я твой должник, — крикнул он, вздыбливая коня, — если бы не твоя атака, то Сиракузам понадобился бы новый полководец.

— Меня и старый устраивает, — усмехнулся Федор и прокричал на ломаном греческом, — надо быстрее сбросить римлян с берега!

Гиппократ понял не все, но что делать и так было ясно.

Отбив круглым щитом брошенное в него копье, военачальник армии Сиракуз вновь скрылся в гуще схватки. Еще примерно два часа объединенные силы крошили римские щиты и доспехи. И вскоре последние римляне, прыгая в воду, вплавь добирались до своих бирем. Некоторые по дороге тонули под тяжестью доспехов. Это была победа, после которой на берегу осталось лежать на первый взгляд не меньше пятисот пеших и трех сотен конных солдат Марцелла. Чайка тоже потерял в этой схватке почти три сотни человек, а Гиппократ лишился почти всей своей конницы.

Но не успели они отпраздновать победу, как услышали новые крики у себя в тылу. Со стороны второго лагеря римлян к Леонтинам быстро приближались новые отряды. Судя по количеству солдат, покинувших лагерь, это был целый легион.

— Похоже, — догадался Чайка, — главный удар еще не нанесен.

— Быстрее возвращаемся в город, — приказал Гиппократ и поскакал со своими всадниками к воротам Леонтин.

— Карталон, построить солдат, — приказал немного раздосадованный Федор, вытирая пыльной рукой кровь, капавшую из рассеченной брови, — отступаем.

Не успел последний финикийский воин вернуться в Леонтины, а ворота захлопнулись, как римляне, обойдя недостроенный оборонительный вал, уже находились под стенами. Они принесли с собой заранее заготовленные колы, чтобы завалить ров, и длинные лестницы. Позади строя римских манипул Чайка заметил онагры, предназначенные для осады. Штурм начался немедленно.

— Похоже, Марцелл все так и задумал, — поделился с Карталоном своими соображениями Федор, когда они вновь вернулись в цитадель. — Сначала разбить конницу греков, подсунув им вкусную наживку, а потом взять город мощным штурмом, не затягивая с длительной осадой.

Федор ненадолго умолк, глядя, как по лестнице на верхнюю площадку цитадели поднимается Гиппократ.

— Хотя, с другой стороны, если бы Эпикид не боялся открытых сражений, то римляне не так вольготно ощущали бы себя в окрестностях Леонтин, в этом Гиппократ прав, — закончил он свою мысль. — Он даже дал им возможность закрепиться на этом берегу и теперь мы в постоянной опасности окружения.

— Да, — подтвердил Карталон, глядя, как римляне пошли на штурм главных ворот, —

хваленая армия Сиракуз сама оказалась в осаде. И мы заодно с ней.

Рядом с финикийцами остановился Гиппократ.

— Чайка, — обратился он к командиру африканцев, — нам не хватает людей в западной части стен. Отправь туда пару сотен своих солдат.

— Хорошо, — кивнул Федор и, обернувшись в сторону Карталона, добавил, — выполняй. А потом пришли ко мне вон в ту башню пленного римлянина. Хочу с ним потолковать.

Дернув обрубленным ухом, Карталон отправился выполнять приказание.

Заняв с разрешения Эпикида одно из помещений круглой башни, из бойниц которой отлично просматривался римский лагерь за рекой, Федор внимательно проследил, как сюда привели пленника, бросив его на солому. В этой части башни, греки, похоже, сами держали пленников. Оружия здесь не было, зато в стенах имелись массивные кольца, с которых свисали оборванные цепи. Столов и стульев тоже не было. Федор присел на единственную табуретку, изучая щербатое лицо римлянина.

Все помещение тонуло в полумраке и навевало мысли о страданиях и смерти. Склонный к театральности в последнее время, Чайка решил, что это место вполне подойдет для разговора по душам. Тем более что он собирался беседовать о вещах, которые не должны были достигнуть слуха простых солдат.

Бросив связанного по рукам и ногам катафрактария на солому, бойцы вышли.

— Может быть, оставить тебе пару человек? — уточнил Карталон, поглядывая на приходившего в себя пленника.

— Не надо, — отмахнулся Чайка, — дрался он хорошо. Но я так приласкал его по голове рукоятью фалькаты, что теперь он не опасен. Да к тому же связан. Проследи, чтобы сюда никто не входил.

Карталон слегка поклонился и вышел.

— Как тебя зовут? — спросил Федор переходя на латынь, едва Карталон покинул помещение.

— А тебя? — не остался в долгу катафрактарий, с трудом открывая заплывший левый глаз и приподнимаясь на локтях, — и откуда ты вообще знаешь мой язык, грек?

Чайка усмехнулся. Этот парень был явно не робкого десятка. Едва придя в себя, он уже дерзил, ничуть не беспокоясь о том, что его могут быстро прирезать прямо здесь. И Федор понял, что запугивать его бесполезно. Предложить продаться, вероятно, тоже. Больно уж нагло вел себя этот пленный катафрактарий. Значит, оставалось расположить к себе этого храброго бойца, вызвав на откровенный разговор, какой бы странной эта ситуация ни казалась.

Пока парень валялся без сознания, Чайка пробежал глазами папирус и находился под впечатлением от прочитанного. В этом письме, без обращения и обратного адреса, сообщалось, что Ганнибал, скорее всего, попытается вмешаться в ситуацию на Сицилии, и поэтому консулам нужно немедленно принять все меры, чтобы Сиракузы вышли из этого союза. Иначе положение может стать необратимым для обеих сторон. Писавший обещал передать вскоре новые важные сведения о планах Ганнибала, а также средства в условленном месте.

Чайка был в шоке. Писал явно кто-то из Карфагена, вошедший в тайные сношения с римлянами. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться — этот кто-то действовал во вред интересам самого Карфагена и очень не любил Ганнибала, раз сообщал последние сведения о его планах. Причем, планы эти, даже тайные, о которых сам Федор узнал лишь неделю назад, он тоже знал. А значит, был не из последних людей в системе. По какой-то причине этот человек очень сильно не хотел, чтобы авантюра на Сицилии, о которой он тоже все знал, закончилась победой объединенной армии. И ради этого даже шел на предательство.

— Меня зовут Федор Чайка, — представился посланец Ганнибала на хорошей латыни, — я командир хилиархии африканских пехотинцев из армии Ганнибала.

Федор подождал, пока выражение изуродованного лица пленника сменится с открытой неприязни на изумление, а потом на легкую заинтересованность.

— Ганнибал, — наконец процедил сквозь зубы пленник.

Некоторое время он молчал, а потом, качнув головой и сплюнув на солому, вдруг быстро заговорил: — Я так и знал, что Марцелл все испортит, послав меня в эту атаку. Хороших всадников у него не хватает! Пульхр не предупредил его. И вот результат, я в плену, да еще у кого? Даже не у этих тупоголовых греков, а у карфагенян. Нет, Юпитер покарает его за мою глупую смерть!

Потом он также внезапно замолчал, решив, что сболтнул лишнего.

«А парень-то резкий и нервный, — отметил с удовлетворением Федор, — значит, надо его спровоцировать. Может, что и выйдет».

Он встал и приблизился к бойнице, бросив взгляд на римский лагерь, куда сейчас стягивались выжившие после первого штурма легионеры.

— Меня зовут Кассий, — вновь заговорил пленник, перекатываясь на бок, — я декурион шестой турмы двадцать второго легиона, которым командует претор Аппий Клавдий Пульхр. Вернее, командовал, пока в дело не вмешался Марцелл.

— Похоже, ты знаешь, зачем я здесь, — проговорил Федор, извлекая из-за пазухи папирус и продемонстрировав его пленнику, — а я знаю, что ты не просто декурион, а храбрый римский офицер, замешанный в игру сенаторов, которые тебя просто подставили, послав на глупую смерть. Тут ты был абсолютно прав. Может, они хотели от тебя избавиться, Кассий? Расскажи мне о письме, и я подумаю, чем тебе помочь.

Кассий некоторое время молчал, изучая лицо своего собеседника.

— Кто ты, — вновь спросил римлянин, после долгого молчания, — и откуда знаешь о том, что задумали наши сенаторы?

— Скажем так, я знаком кое с кем из сенаторов Карфагена, — осторожно заметил Федор, — а кроме того, хорошо знаю и Ганнибала. Получается, что я тоже замешан в эту игру, нравится мне это или нет. Мы с тобой простые воины Кассий, и оба знаем, что не нам решать судьбу войны. Но сейчас ты в моих руках и я решаю твою судьбу. Так подумай, стоит ли умирать из-за этих жирнозадых ублюдков, затянутых в праздничные тоги. Мы солдаты, мы проливаем кровь в сражениях, а они решают наши судьбы. Разве это справедливо?

Федор бросил короткий взгляд на Кассия и быстро отвернулся, поняв, что его слова попали в цель. Кассий был сильно обижен сенаторами, и, скорее всего, одним из них, имя которого Федору было хорошо знакомо.

— Если Марцелл послал тебя в эту атаку, то, вероятно он не хотел больше видеть тебя среди живых. Ведь он знал, что атака обречена и все вы погибните, потому что он так спланировал, — Федор кивнул в сторону невидимого пленнику лагеря, — туда, вернулись лишь немногие. Все твои товарищи остались на этом берегу.

— Марцелл не знал, что письмо у меня, — проскрежетал зубами Кассий, дернувшись на полу, — я сам вскрыл его только перед самым боем.

— А может, знал? — продолжал усиливать эффект Федор, сея сомнения и возвращая семена обиды в душу пленника, — Марцелл, хитрая лиса. Он способен обмануть многих.

— Я приплыл с этим свитком только вчера вечером и утром успел добраться до лагеря, — заговорил Кассий, которого вдруг словно прорвало, — Пульхр приказал мне доставить ему папирус, не вскрывая, но до сражения встретиться мы не успели. И я вскрыл свиток, чтобы запомнить содержание, на случай, если выживу, но буду ранен или придется избавиться от письма. Однако прочесть не смог.

— Конечно, Кассий оно же написано по-финикийски, — заметил Чайка, а про себя неожиданно подумал: «Если оно действительно столь важное, почему же его тогда не зашифровали? Наверняка тот, кто писал его, знает подобные уловки. А может, оно должно было попасть к нам в руки, и сам Марцелл все это спланировал? Но зачем? Эх, Федор, вляпался ты в очередную историю с политиками. И в ней, черт побери, ничего пока не ясно.

Не хватает деталей».

— Откуда ты приплыл? — как-бы между прочим поинтересовался Федор, присев рядом с пленником на корточки.

— Из Акраганта, — угрюмо ответил Кассий, — я должен был передать претору это письмо и вскоре тайно отплыть обратно в южную часть острова.

— Куда? — уточнил Чайка, увидев, что римский декурион больше не скрывал от него того, что знал.

— На этот раз в Лилибей. На побережье меня ждет триера. А в Лилибее, в условленном месте, меня будет ждать посланник одного из вельмож Карфагена, который передаст мне другое письмо. Это все, что мне известно.

Выпалив последнюю фразу, Кассий застонал и прислонился к холодной каменной стене.

— Если бы не приказ Марцелла, то я уже скакал бы на побережье, — проговорил он в отчаянии, — а теперь... но я хотя бы умру, зная, что его план не удался. И пусть боги покажут его!

«Это просто подарок судьбы, что он так же ненавидит Марцелла, — подумал Чайка со странной смесью интереса и опасности, — похоже, мне выпал шанс распутать этот клубок».

— На побережье ты, возможно, еще успеешь, — неожиданно для себя самого проговорил Федор, у которого мгновенно созрел план, — когда ты должен был прибыть в Лилибей?

Кассий, уже приготовившийся к встрече с богами, в растерянности посмотрел на своего тюремщика.

— Через четыре дня.

— Что же, время еще есть, — стал рассуждать вслух Федор, словно позабыв о пленнике, — надо только добраться до Сиракуз, а триеру мы тебе найдем.

Свернув свиток и засунув его за кирасу, Чайка вышел из башни, позабыв о пленнике. Неподалеку стояло несколько пехотинцев из его хилиархии. Карталона поблизости не было. Вокруг шел бой. В воздухе проносились ядра, круша все на своем пути и превращая в кашу тела людей. Город уже был полностью блокирован легионами Марцелла. Римляне лезли на стены, как муравьи. Их оттуда сбрасывали, закидывая камнями и копьями, обстреливали из метательных машин, но они все лезли и лезли вверх.

— Найдите мне Карталона, — приказал Федор солдатам, словно штурм Леонтин его теперь не касался.

А про себя добавил: «Надо выбираться отсюда, время не ждет. Иначе я не смогу перехватить посланника и понять, кто же за всем этим стоит».

Несколько минут он провел возле башни, но Карталона все не было. Не дождавшись Карталона, весь во власти своих мыслей, Федор вскоре позабыл о нем и, сбежав вниз по лестнице, отправился на поиски Гиппократ. Чайка обнаружил военачальника греков на стене у одной из главных башен.

— Как дела? — поинтересовался Федор, пригнувшись, чтобы избежать встречи с каменным ядром, которое просвистело над его головой и рухнуло на крышу ближайшего дома.

— Плохо, — честно признался Гиппократ, — римляне уже прорвались в трех местах и бои идут на улицах. Мои новобранцы долго не выстоят. Боюсь, теперь нам не удержать город. Можно атаковать лагерь на этом берегу, но...

— Предлагаю оставить город и прорываться в Сиракузы, — предложил неожиданный ход командир карфагенского корпуса, — здесь мы только зря положим людей. Даже если мы разрушим один лагерь, это не решит дела. На другом берегу уже есть второй. Да и римлян здесь собралось гораздо больше, чем нас. А в Сиракузах стены выше и сил больше. А также машин. Отобьемся.

— Эпикид может отказать мне в повиновении, это его родной город,¹³ — проговорил в сомнении Гиппократ, прислоняясь к зубцу стены. Римляне вели мощный обстрел Леонтин из десятков орудий, подтащенных к самому рву.

— Тогда пусть остается, — махнул рукой Федор, — если он так спесив, что не хочет слушать голос разума и подчинится тебе, пусть погибает. А ты должен спасти, прежде всего, Сиракузы. Для этого народ и сделал тебя главнокомандующим.

Гиппократ все еще колебался.

— Во время прорыва погибнет много людей, — произнес он последний аргумент.

— А если прорыва не будет, — заметил на это Федор, — то погибнут все, только чуть позже. Чтобы нанести Марцеллу поражение, ты должен сохранить армию. Ты сам говорил, что восемь тысяч гопплитов скоро подойдут с юга к Сиракузам. Значит, у тебя в запасе есть еще целая армия первоклассных бойцов. А здесь у тебя что-нибудь есть в запасе, кроме остатков регулярной армии, зажатых в тесноте улиц, нескольких тысяч новобранцев и твоей отваги?

Той же ночью, греческие гопплиты атаковали позиции легионеров и, отбросив двадцать третий легион от стен Леонтин, прорвались на дорогу к Сиракузам. Эпикид отказался покидать город. Гиппократ отставил ему полторы тысячи человек и приказ продержаться до подхода подкреплений.

За следующие два дня потрепанная армия Гиппократа из новобранцев, среди которых после прорыва осталось в живых около двух тысяч человек, восьмьсот гопплитов и почти шесть сотен карфагенян с боями возвратились в Сиракузы. На одном из коней Федор привез в город римского пленника.

Глава шестая

Битва с богами

Войдя в город, Гиппократ немедленно принялся готовить его к длительной осаде. К счастью, те восемь тысяч гопплитов, на которых он рассчитывал, были уже здесь. Но военачальник немедленно объявил дополнительную мобилизацию.

— Если римляне не объявятся в ближайшие сутки под стенами города, — заявил он Чайке, — то я вновь отправлюсь на выручку Леонтин.

Однако вскоре вопрос с Леонтинами решился сам собой, правда, не так, как надеялся Гиппократ. Римские разъезды появились вблизи города, а один из них даже приблизился к главным воротам и, подбросив мешок, ускорил обратно. В мешке оказалась голова Эпикиды. Это означало, что Леонтины пали. Гиппократ был в бешенстве. А буквально на следующий день прибыли посланцы от Марцелла, который предлагал жителям Сиракуз сдаться на милость победителя и давал им на размышления три дня.

Гиппократ не собирался сдавать город, но вопрос требовал обсуждения, и он созвал народное собрание. Федор тоже присутствовал на том шумном сборище на главной рыночной площади Сиракуз, запруженной со всех сторон. К тому моменту в город просочились слухи, что Марцелл вырезал всех жителей Леонтин, не считая защищавших город солдат. А когда Гиппократ продемонстрировал сиракузянам, что стало с Эпикидой, то гневные вопли заглушили все звуки вокруг. Народ неистовствовал, изрыгая проклятия на голову римлянам, и принял решение держать город до последней возможности, ведь скоро должны были прибыть подкрепления от Ганнибала.

— Ну что же, — сказал Федор шагавшему рядом Урбалу, покидая этот судьбоносный «митинг», — Ганнибал добился своего: город отказал в покорности Риму. Теперь его либо сравняют с землей, либо с помощью богов и Архимеда он устоит. Слово за Ганнибалом.

Однако с тех пор как Чайка покинул Леонтины, его больше волновала не возможная

¹³ Ситуация вымышлена.

оборона Сиракуз, а то плавание, которое должен был совершить Кассий. Сегодня был последний день, когда, отправившись из Сиракуз, еще можно было успеть добраться до Лилибея, находившегося в руках римлян. Пообщавшись с Кассием, Федор предложил ему участвовать в новой аванюре, чтобы отомстить Марцеллу. Неожиданно римский декурион согласился. Федор предполагал покинуть на некоторое время Сиракузы, отплыть сегодня же вечером из города и через пару дней быть на пустынном островке, неподалеку от Лилибея. Там должна была состояться встреча с посланником неизвестного карфагенского врага Ганнибала. Чайка хотел, переодевшись римлянами — а таких доспехов он вывез с поля боя из-под Леонтин предостаточно, прибыть к месту встречи и захватить предателя. А потом переправить его в Сиракузы. Конечно, существовала вероятность по дороге самому угодить в плен к римлянам, но Чайка верил, что удача сопутствует храбрым. А, кроме того ему очень хотелось узнать, кто же подослал к нему убийц в далеких скифских землях. Этот таинственный посланник мог многое прояснить.

— Приготовьте мне триеру, — попросил Федор у греческого адмирала, — я отправил все свои корабли за подкреплениями.

— Зачем вам триера? — насторожился Ферон.

— Дело государственной важности, — туманно объяснил Чайка, — мне нужно отлучиться из города всего на несколько дней. А потом я верну корабль.

— Но ведь не исключено, что скоро римляне начнут штурм, — дипломатично намекнул Ферон, — и, вероятно, попытаются блокировать Сиракузы с моря. Вы же не сможете вернуться. Или хуже того, попадетесь к ним в руки.

— Боги помогут мне, — уверенно заявил Чайка, — я вернусь еще до того, как римские корабли появятся в акватории Сиракуз.

— Хорошо, — нехотя согласился Ферон, — я дам вам триеру с гребцами. К вечеру все будет готово. Но я сообщу об этом Гиппократу.

— Сообщите, — не стал спорить Федор, который уже намекал военачальнику Сиракуз, что хотел бы отлучиться на несколько дней, и был уверен, что тот не станет чинить препятствий. Отношения с командующим всеми силами Сиракуз сложились у Федора вполне нормальные.

Чайка навестил римского узника, сообщив, что скоро отплытие, и приказал охранникам хорошенько накормить его. Кассия по прибытию в Сиракузы он поместил в одну из башен со стороны моря, велел развязать руки. Но на всякий случай приказал все же приковать цепью за лодыжку к стене. Кассий теперь мог передвигаться по камере, но сбежать не мог. Впрочем, римский декурион не жаловался. И даже спокойно сообщил Федору, что попадись тот в его руки, поступил бы также. А может быть, даже сразу казнил. Присматриваясь к этому простоватому римлянину, Чайка решил, что тот ему чем-то нравился. И если бы им случилось воевать на одной стороне, то, возможно, они стали бы друзьями. Чем-то Кассий одновременно походил на Квинта и Леху Ларина.

Отобрав тайно сотню морпехов и приказав им быть готовыми покинуть город в любую минуту, Чайка поговорил со своими финикийскими друзьями, как всегда, оставив Урбала за старшего. А потом разыскал скифского адмирала, который все время пропадал на стенах, изучая огромные катапульты, и уже успел поднадоесть грекам своими назойливыми вопросами. Чайке подумалось, что Леха торчит там в надежде повстречать самого Архимеда, в дом к которому он так и не отважился сходить.

— Поплывешь со мной сегодня? — спросил он, обнаружив Ларина и его скифов неподалеку от массивного крана на примыкавшей к морю стене.

— А мы, что, тут дела уже закончили? — удивился Леха, отрываясь от созерцания чуда древней механической мысли. — Домой возвращаемся? Конечно, поплыву. Это хорошо, а то Иллур там меня, наверное, уже в покойники зачислил. Надо его обрадовать.

— Да нет, — осадил размышлявшего друга Федор, — не домой пока. Тут недалеко, надо одного предателя схватить и обратно вернуться. В общем, к римлянам в тыл.

Леха немного погрустнел, услышав о том, что возвращение «домой» откладывается. Но

потом махнул рукой.

— Ладно, давай сплываем, — кивнул он, — все веселее, чем тут киснуть. Архимеда я так и не увидел, а местные греки меня уже достали. Так смотрят, что, наверное, скоро со стены скинут.

— А ты им глаза не мозоль, — посоветовал Федор, — целее будешь. Пойдем лучше собираться, отплываем через два часа. Триера уже почти готова, недавно с Фероном виделся.

И он уже собирался спуститься в казармы, находившиеся неподалеку, как вдруг скифский адмирал положил ему руку на плечо.

— Слушай, сержант, а это не твои подкрепления плывут? — поинтересовался Леха, указав в сторону открытого моря.

Остановившись на полпути и проследив за указующим перстом скифского адмирала, Чайка остолбенел. С севера подо всеми парусами приближалась армада квинкерем. На палубах уже можно было разглядеть солдат в кожаных панцирях, на головах которых поблескивали шлемы. Красные овальные щиты, вставленные в специальные крепления, ясно обозначали контуры мощных бортов.

— А вон еще, — проговорил Леха, оборачиваясь в противоположную сторону, — только это триеры. Много солдат прислал твой друг.

Федор медленно перевел взгляд на юг. Именно туда он собирался сегодня плыть. Но там сейчас бороздили волны своими хищными носами вражеские триеры, отрезав ему единственную возможность поймать предателя.

— Нет, Леха, — разочарованно проговорил Чайка, — это не воины Ганнибала. Это Марк Клавдий Марцелл никак не хочет оставить нас в покое.

— Марцелл? — переспросил Леха, делая шаг к ограждениям стены. — Так это римляне плывут?

Он присмотрелся внимательнее.

— Точно римляне, — кивнул скифский адмирал после некоторых сомнений, — я же видел их корабли только мельком, да больше ночью. Но это они, ты прав. Смотри, а это что за хренотень они с собой тащат?

Теперь настал черед Федора удивляться. Еще не полностью поверив в то, что его блестящий план сорвался, Чайка стал пристальнее рассматривать римские корабли, которых здесь был не один десяток, и заметил среди них как минимум три корабля со странными приспособлениями. Это были даже не квинкеремы, а какие-то очень широкие плоскодонные баржи, на которых были подняты вертикально вверх высоченные лестницы. «Баржи» имели по два носа, как современные Федору катамараны, и по две кормы. Вернее корма была одна, но, как показалось Чайке, конструкция судна явно состояла из двух «судов-поплавков», на которые уложили широкую палубу.

— А это еще что за чудо враждебной техники? — удивился Чайка. — Что-то знакомое, но не помню, как она называется. Кажется, римляне решили удивить самого Архимеда. Ну ладно, посмотрим, кто победит в этой войне машин.

В этот момент на стенах поднялся шум. Раздались звуки каких-то труб и рогов, словно сирены, возвещавшие о приближении к городу вражеской армады со стороны моря. По стенам забегали греческие пехотинцы и артиллеристы, подготавливаясь к отражению штурма. Глядя на их слаженные движения, Федор даже залюбовался. Похоже, местный гарнизон был отменно вымуштрован еще покойным Гиероном.

— Увеселительная прогулка отменяется, — Федор обернулся к скифскому адмиралу, — я отправляюсь к Гиппократу, а потом за своими солдатами. Думаю, мы будем защищать эти стены.

— Я готов, — кивнул Леха, — буду ждать тебя в казармах.

Вернувшись с короткого совещания, Чайка забрал половину своих бойцов, которых оставалось около полутора тысяч, и вновь появился на стенах. Гиппократ откомандировал карфагенян, а также всех морпехов Ферона защищать стены от вторжения, считая, что нужно положится только на изобретения Архимеда. Однако Ферон не соглашался. Когда, поняв

свою задачу, командир карфагенского экспедиционного корпуса уже выходил, греческие военачальники все еще спорили о чем-то.

— Похоже, флот Сиракуз не собирается покидать гавань, — заметил Чайка Урбалу, распределяя своих солдат вдоль стены между тремя грандиозными башнями. В этом ему помогал Диодокл и другие греческие офицеры, отвечавшие на этом участке за артиллерию.

— Не думаю, — ответил на это финикиец, указав куда-то вниз.

Чайка присмотрелся к происходящему в гавани и увидел что Урбал прав. Ферон все же настоял на своем, и битва за Сиракузы должна была начаться с морского сражения. Заградительная цепь опустилась. В море, одна за другой, спешно выходили и выстраивались в линию греческие триеры. За ними отчаливали от своих пирсов квинкеремы.

— Не успеют толком развернуться для атаки, — с досадой поговорил скифский адмирал, — слишком поздно из гавани выходят.

Федор Чайка, хоть и не был так сведущ в морских сражениях, как его друг, но все же не раз принимал в них участие. Он и сам видел, пока военачальники Сиракуз спорили о роли флота в предстоящем сражении за город, время было упущено. Римские триеры были уже рядом. Армада квинкерем тоже почти подошла к стенам греческого города, «подтаскивая» за собой тихоходные «баржи» с огромными лестницами. Но Ферон во что бы то ни стало, решил дать бой римлянам на море. Его флот уступал числом. Но все же был достаточно сильным, чтобы расстроить планы Марцелла.

Римляне, между тем, с двух сторон приближались к стенам Сиракуз, стремясь охватить вход в гавань полукольцом. Впрочем, в этом участвовали не все корабли. Пользуясь численным превосходством Марцелл, а Федор был уверен, что именно он находится на флагманской квинкереме, направил примерно треть своих кораблей прямо к стенам города. В их числе находились и две из трех «барж» со странным приспособлением посередине. Ферон, уловив в этом перестроении противника явную опасность, немедленно отправил отряд из пяти триер атаковать римские корабли. Проскользнув между родными стенами и ближайшими кораблями римлян, триеры Ферона устремились к передовой группировке противника.

Но путь им преградили квинкеремы Марцелла, с бортов которых заработали баллисты, стремясь нанести более подвижному противнику максимальный урон. Три передние квинкеремы постарались отсечь авангард греков от своих «барж» с огромными лестницами, которые медленно, но верно приближались к стенам Сиракуз. На их палубах Чайка с высоты стен уже рассматривал римских легионеров, готовившихся броситься по лестнице вверх, едва она коснется стены. Лестница была необычно широкой и длинной, карабкаться вверх по ней могли сразу несколько солдат противника, что затрудняло работу оборонявшим стену бойцам. А сделана она была по принципу знакомого Федору «корвуса». То есть могла опускаться и подниматься, но вращаться, похоже, не могла.

Судя по количеству столпившихся на палубе этой «баржи» солдат, легионеров там было не меньше трех манипул. Впрочем, далеко не все еще поднялись из чрева этого мастодонта на палубу. Их могло быть и гораздо больше.

С ходу таранив одну из квинкерем, бесстрашные греки быстро подожгли другую, забросав ее горшками с зажигательной смесью. Но противник имел преимущество в огневой мощи, и вскоре между баллистариями завязалась ожесточенная перестрелка. Триеры греков лавировали между более крупными кораблями римлян, осыпая их меткими разящими залпами своих метательных орудий, но римляне не оставались в долгу. И вскоре Чайка увидел, как их ядра в щепки разметали нос одной из триер, снесли с нее все палубные надстройки, а потом поразили и вторую, разрушив ее рулевое весло. Резко потерявший ход корабль стал легкой добычей подоспевшей квинкеремы. Римляне сбросили на палубу обреченного корабля «корвус», с грохотом впившийся в доски и накрепко прикрепивший корабли друг к другу. А затем на палубу хлынули рыжие панцири римских легионеров.

Впрочем, одна триера Ферона все же прорвалась сквозь заградительный ряд квинкерем и атаковала ближнюю «баржу». Начав с обстрела зажигательными снарядами, отчего на

палубе римского судна быстро возник пожар, греки «торпедировали» его, всадив свой таран в низкий борт мастодонта. Несмотря на жестокий обстрел баллист с палубы римского корабля, которые били почти в упор, греки успели дать «задний ход» и нанести еще один удар, заставив «баржу» накрениться, прежде чем были атакованы римской квинкеремой. Этот боевой корабль просто смял корму греческого судна мощным ударом. В завязавшемся следом абордажном бою уцелевшие греки дорого продали свои жизни.

На глазах удивленного Федора, с двумя пробоинами в борту, объятая пламенем «баржа» стала быстро крениться. Ее огромную, устремленную в небо лестницу, достававшую почти до самой кромки сиракузских стен, вдруг повело в бок, перекосило, и вскоре вся эта конструкция обрушилась на собственную квинкерему, превратив ее в груды обломков. Так греки, атаковавшие этого мастодонта, отомстили своим победителям даже после собственной смерти.

Офицер из артиллеристов, прильнув к стене, что-то восхищенно кричал, указывая своим солдатам на место крушения римской конструкции, так и не добравшейся до стен Сиракуз, благодаря героизму моряков.

— Спроси его, как называется эта штукавина? — приказал Федор находившемуся рядом Марбалу.

Тот осторожно приблизился к облаченному в сверкающие доспехи и шлем гоплиту, спросив то, что приказал ему Федор, и даже указав на него рукой. Грек что-то буркнул и вновь обернулся в сторону разгоравшегося морского сражения.

— Эта огромная лестница называется самбука, — перевел Марбал Чайке, — греки говорят, она похожа очертаниями на музыкальный инструмент с таким же названием.

— Но римлянам так и не удалось сыграть на нем, — позлорадствовал Чайка вновь устремляя свой взгляд на море.

— У них еще остались две такие лестницы, — немного охладил его пыл Урбал, стоявший рядом.

— Ерунда, — ответил за него другу здоровяк из Утики, — это же не десять. С теми, кто полезет наверх по этим двум, мы как-нибудь справимся.

И в подтверждение своих слов он сжал ладонь в кулак, погрозив римлянам.

Ларин, находившийся тут же со своими скифами, участия в разговоре карфагенян не принимал. Он вместе с одним из бойцов, бородатым воякой в кольчуге, что-то обсуждал с командиром артиллеристов, помогая себе жестами, там, где не хватало слов. Судя по всему, как решил Федор, выяснял, когда начнут работать баллисты со стен самих Сиракуз, ведь римляне были уже буквально в двух шагах. Федор тоже обратил на это внимание, но призванные наводить ужас на врагов Сиракуз машины Архимеда пока молчали.

Между тем сражение на море продолжалось. Греки, все же построив корабли в две линии — а это было больше двадцати квинкерем, атаковали главные силы римлян. Началось все, как водится, с перестрелки. Десятки баллист с обеих сторон начали «утюжить» корабли противника, стремясь нанести им максимальный урон. В воздухе стало тесно от каменных ядер, которые проносясь над палубами одних кораблей с треском пробивали борта других. Под их ударами гибло множество морпехов и моряков, теснившихся на палубах квинкерем. Затем Федор с замиранием сердца — такие моменты не могли не волновать — наблюдал несколько таранов подряд. Целую череду ловких маневров, больший успех в которых имели греки. Добрая дюжина квинкерем уже зацепилась между собой абордажными крюками. В самом центре, это хорошо было видно со стен, флот Ферона остановил наступление римских квинкерем и даже заставил часть вражеских судов повернуть назад. Но победа на флангах досталась римлянам, имевшим численное превосходство, что стало решающим в этой схватке.

Впрочем, досмотреть до конца морское сражение Чайка так и не смог. Разгромив авангард из греческих триер, передовые римские корабли все же смогли подвести к самым стенам обе самбуки. Две огромные лестницы воткнулись в верхнюю кромку стен Сиракуз и по ним уже карабкались наверх десятки легионеров.

Незадолго до этого, греческий офицер-артиллерист махнул рукой и все находившиеся на стене метательные орудия вдруг ожили, посылая в близкого врага свои смертоносные заряды. Казалось, что стрелы вылетают прямо из самих стен, поражая пехотинцев в упор. А откуда-то сверху, с широких площадок башни, со страшным воем «заработали» гигантские катапульты, похожие на ту, что некоторое время назад осматривали финикийцы и скифы.

Относительная тишина, прерываемая до этого лишь возгласами самих греков, наблюдавших за морским сражением внизу, вдруг сменилась адским грохотом. Баллисты и катапульты гигантских размеров выбрасывали в сторону моря заряды таких колоссальных размеров, что Федор, если бы не видел этого собственными глазами, никогда бы не поверил. Его корабельные орудия, способные изрешетить борт вражеского судна, были просто детскими игрушками по сравнению с этими конструкциями греческого гения.

Услышав очередной свист, быстро переходящий в вой пикирующего бомбардировщика, Федор поднял голову вверх и проследил за полетом гигантской глыбы. Пущенная с одной из башенных катапульт, она без видимых усилий поднялась в воздух, а затем, набрав высоту, начала снижаться по дуге в сторону скопления римских кораблей. Причем, квинкеремы еще находились на значительном расстоянии от берега. Их капитаны, вероятно, полагали, что находятся в полной безопасности. Федор поймал себя на мысли, что и он сам до сегодняшнего дня думал бы точно так же, случись ему штурмовать этот город с моря. Ни в одном другом городе по берегам Обитаемого Мира, кроме этого, не имелось на вооружении метательных машин подобной дальности и «грузоподъемности». А на что способны эти машины, Федор вскоре увидел.

Пойдя на снижение, каменная глыба с жутким воем врезалась точнехонько в нос одной из мощнотелых квинкерем римского флота. Точность попадания была просто поразительной. «Возможно, они и сами не ожидали, — подумал Федор, оглянувшись на ликовавших артиллеристов, — но все равно впечатляет».

Большой корабль, на палубе которого находилось множество морских пехотинцев, готовившихся к высадке на берег, вдруг вздрогнул и, казалось, на мгновение даже остановился. Превратившись за секунду в щепки, массивный нос квинкеремы буквально просыпался в воду, и Федор в изумлении увидел внутренние палубы, а также нескольких ошарашенных легионеров внутри корабля. В следующий миг судно, накренившись вперед, зачерпнуло воду и стало быстро погружаться, задрав корму вверх. С ее палубы в море первыми посыпались пехотинцы, а за ними устремились баллисты и катапульты. Это была просто катастрофа. В миг море вокруг корабля было усеяно тонущими легионерами.

Соседнему кораблю повезло больше. Такая же глыба рухнула на него прямо посередине, но, пробив несколько палуб, не прошла корабль насквозь, а задержалась в его чреве. Квинкерема с зияющей пробоиной в верхней палубе накренилась на правый борт и стала круто забирать в сторону. Капитан шедшего параллельным курсом корабля не был готов к такому маневру, и его квинкерема вскоре ощутила мощный удар в корму, как он ни старался избежать столкновения. Несколько других судов, которым обстрел повредил управление, метались по акватории, как слепые котята, норовя зацепить кого-нибудь из своих.

Орудия более мелкого калибра тоже делали свое дело, осыпая подбирившиеся к стенам суда тучами ядер, стрел и горшков с зажигательной смесью. В стане штурмующих Сиракузы римлян, еще толком не успевших приступить к осаде города, похоже, начиналась паника. Буквально за полчаса массированного обстрела несколько кораблей, не вступая в контакт с противником, либо были уничтожены, либо вышли из строя, потеряв управление.

Федор с изумлением увидел, как к первой квинкереме, что пристала к берегу и начала высаживать на него легионеров, протянулся со стены хищный клюв крана Архимеда. Он ухватил корабль за носовую часть и, словно титан, стал поднимать вверх. Не прошло и пяти минут, как загнутый нос корабля показался над водой, стремясь вознестись все выше и выше. Легионеры, находившиеся в этот момент на палубе, посыпались с нее вниз. Затем, стрела вдруг резко отклонилась влево, и швырнула корабль на скалы, где тот застрял, как

израненный кит.

Однако, несмотря на такое противодействие, обе самбуки «пристыковались» к стене и римляне вскоре оказались у ее кромки. Одна из них как раз напротив той части, где стояли африканцы Чайки и несколько скифов Ларина.

— Поднять щиты! — скомандовал Федор своим пехотинцам. — Не пускать к баллистам!

Лехиних воинов, не считая его самого, по просьбе адмирала снабдили не только мечами, но и луками. И теперь они стояли, натянув тетиву, в ожидании, когда над краем стены появятся красные гребни шлемов и рыжие панцири легионеров. И вот они появились.

— Бей римлян! — заорал Федор и первым бросился на возникшего из-за зубца легионера.

Но скифы «сработали» еще раньше. Сразу несколько стрел просвистело в буквально полуметре от командира карфагенян. А когда он нанес рубящий удар фалькатой, стремясь попасть в бок легионеру, то его клинок рассек лишь воздух. А затем изумленный Федор увидел тела сразу двух римских солдат, которые раскинув руки почти синхронно падали вниз с лестницы. У каждого торчало сразу по две стрелы из груди.

Уступив поневоле «первую партию» римлян скифам, следующую Федор не упустил. Да она получилась и не маленькой. Со стены прыгнуло сразу пятеро легионеров и, прикрываясь щитами, сомкнув их, попыталось оттеснить защитников от края, расширив плацдарм для дальнейшего наступления. Вслед за ними прыгнуло еще трое. Стрелы скифов забарабанили по щитам, не причинив легионерам на этот раз никакого вреда.

— За Карфаген! — истошно крикнул Чайка и начал наносить удары фалькатой, стремясь угодить в голову ближнему легионеру. На соседних напали Летис с Урбалом и остальные карфагеняне, к которым не выдержав присоединился и Ларин.

На стене завертелась настоящая круговерть. Федору удалось довольно быстро заколоть своего противника. Этому невольно помог Летис, так «засадивший» ногой по римскому скутуму, что его владелец буквально отлетел обратно к зубцам, не сделав ни одного стоящего взмаха мечом. А Чайка, воспользовавшись неожиданно возникшим просветом в строю легионеров, ловким выпадом ранил римлянина в бок. А затем добил вторым ударом в шею. Пока финикийцы раздельвались с этими легионерами, на стене появилось еще человек десять римлян, которые карабкались на нее, как муравьи. Метрах в ста, где опустилась вторая самбука, ситуация была похожей. Но там сражались греки, сдерживая натиск легионеров.

— И откуда же их столько, — веселился Федор, размахивая фалькатой направо и налево, одновременно пытаясь уклониться от направленных в него мечей, — все лезут и лезут.

— Знатную лестницу они с собой притащили, сержант, — вторил ему Леха, оказавшийся рядом, — сразу толпа народа взобраться может. Если так дальше пойдет, то их на стене будет больше, чем нас. И тогда никакие машины не помогут.

Отбив крепкий удар римского «гладия», отрубившего край щита, Леха в ответ нанес удар рукоятью своей фалькаты в челюсть слишком близко подобравшемуся легионеру, раскрошив ее. А затем, сделав выпад, вонзил острие в руку другому. Римлянин взвыл от боли, выронив меч, и Ларин не дал ему второго шанса.

— В очередь, сукины дети! — разбушевался Леха, отбивая очередную атаку и отступая назад, — в очередь, говорю.

Но то ли легионеры не понимали, что кричал им скифский адмирал, то ли не желали понимать, — в любом случае римляне отвоевали уже часть стены. Теперь они вплотную приблизились к баллистам, не перестававшим вести обстрел кораблей, угрожая уничтожить орудия вместе с прислугой. Увидев это, Чайка отступил чуть назад и выстроил перед орудиями в три ряда всех своих оставшихся в живых солдат, перегородив почти захваченную римлянами стену, и вновь перешел в наступление.

Врубаясь яростно в ряды легионеров, Чайка вдруг заметил, как что-то массивное

медленно проплыло над ним, закрыв на мгновение солнце. Приняв на щит очередной удар и отскочив на шаг назад, он быстро посмотрел вверх. Над стеной, зажатое в двух местах, неторопливо проплывало огромное бревно, которое тащил в своем клюве кран Архимеда, длинная стрела которого вынырнула из-за ближней башни. Федор отбил новый удар, нанес свой, в ярости пробив защитный панцирь, и вновь отскочил назад, отделавшись ненадолго от противника.

Зависнув над ближней самбукой, кран разжал свой клюв. Крюки, державшие бревно по краям, разошлись, и оно рухнуло прямо на лестницу, переломив ее в одно мгновение. Legionеры посыпались вниз, разбивая позвоночники о прибрежные камни.

Победный вопль прокатился по рядам греков и карфагенян, которые быстрой контратакой вышвырнули со стены оставшихся легионеров. На этот раз Федор был последним, кто видел живого римлянина на этой части стены. Он сам выбил щит из рук пятывшегося назад под градом ударов легионера, а затем, лишив его и меча, ударом ноги в грудь, отправил в последний полет со стены.

— Передавай привет Марцеллу, — крикнул опьяненный сражением Федор и даже свесился вниз, чтобы убедиться, как римлянин достигнет земли. Однако не успел, — отвлекло прилетевшее с моря каменное ядро, которое убило двух стоявших рядом с ним карфагенян, не задев, впрочем, каким-то чудом его самого. А когда Чайка все же высунулся меж зубцов, то не смог разыскать взглядом того легионера среди десятков рыжих панцирей, размазанных по скалам внизу.

Вскоре таким же точным ударом была уничтожена и вторая самбука. Наступление римлян захлебнулось. Бросив взгляд на море, Федору увидел, что греческий флот, нанеся большой урон противнику, успел отойти в гавань. Но римляне в нее прорваться так и не сумели. Непрерывная бомбардировка их кораблей со всех окрестных стен и башен, заставила флот Марцелла повернуть обратно, обратив его в позорное бегство. Но даже теперь римляне не могли еще как следует прийти в себя, поскольку их продолжали топить даже издалека. Их капитаны, впервые испытав на себе гений Архимеда, уже уяснили, что, лишь уйдя далеко в море, получают передышку. А пока каменные глыбы продолжали свистеть над головами карфагенян.

— Вы хоршо дрались, — похвалил Чайку Дидокл, оказавшийся рядом, — ни одной машины не пострадало, и римляне не смогли прорваться.

— Да мы-то что, — отмахнулся Федор, вкладывая фалькату обратно в ножны и вытирая струящийся со лба пот тыльной стороной ладони, — если бы не машины вашего Архимеда, то неизвестно чем бы все это закончилось. Так что лучше его поблагодарите.

— А вон и он сам, — неожиданно указал на вершину соседней башни Диодокл, — пришел посмотреть на свои детища.

Чайка поднял голову и, прикрыв глаза ладонью от солнца, заметил невысокого седовласого старика в сером хитоне, который зачарованно смотрел на море, где тонули римские корабли. Его было видно едва ли по пояс, но Архимед стоял прямо, всей своей фигурой выражая спокойствие, и слушал свист летящих глыб, как музыку. Похоже, эти звуки действительно улаживали его слух. Федору, однако, показалось, что Архимед ничуть не рад победе над римлянами и вообще не получает никакого удовольствия от войны. А занят лишь наблюдениями за работой машин и беспокоится только об одном — правильно ли он рассчитал их параметры.

Глава седьмая

Спасти Архимеда

Сиракузы держались три недели кряду, отражая все атаки римлян с суши и моря. На суше Гиппократ несколько раз устраивал вылазки со своими гоплитами и нанес немалый урон римским силам. В первый раз он полностью уничтожил отряд из пятисот легионеров, попавшийся ему в соседней долине. А затем, неожиданно напав ночью, сжег половину

римского лагеря, который они построили неподалеку от Сиракуз.

Несмотря на то, что Марцелл и Пульхр почти блокировали город, окружение с суши было неполным. Почти две недели солдаты Сиракуз еще контролировали дорогу, что вела из самого южного квартала Ахрадины вдоль моря через реку Анапос в районы, до сих пор занятые греками. Там, в небольших городах, находились греческие гарнизоны, на захват которых у римлян не было пока ни сил, ни времени. Яростное сопротивление Сиракуз оттягивало на себя все имеющиеся ресурсы. Впрочем, обе стороны отлично понимали, что если Сиракузы падут, то уничтожение мелких гарнизонов, это дело лишь небольшого времени. И потому греки из всех сил старались помочь осажденному городу, отправляя туда припасы и солдат.

Однако к исходу третьей недели, раздосадованные отсутствием долгожданной победы и колоссальными потерями, особенно во флоте, римляне, прервав осаду города, обрушились на укрепленные позиции вдоль южной дороги. И, спустя короткое время, захватили ее, полностью отрезав город от сношения с внешним миром. Впрочем, Гиппократ и Чайку это особенно не испугало — в городе были большие запасы еды и воды, а также имелись источники. Так что держаться Сиракузы могли еще долго. Особенно со стороны моря, где греки предпочитали теперь не подпускать римлян слишком близко и пускали в ход машины Архимеда задолго до того, как флот противника подбирался к стенам. Ферон, несколько недель не выходящий из гавани, теперь вновь осмелел и все чаще беспокоил контратаками корабли римлян в открытом море. Марцелл, по слухам, был в ярости.

И все же Гиппократ в последнее время все чаще интересовался у Федора, когда же Ганнибал пришлет обещанные войска. Чайка отвечал ему, что ожидает их со дня на день, как обычно говорил своим офицерам сам Ганнибал, не получивший вовремя подкрепления из Карфагена. И Гиппократу ничего не оставалось делать, как сохранять внешнее спокойствие и посещать храмы, где он молил богов ниспослать Сиракузам избавление от римлян. А также время от времени напоминать legionерам Пульхра, что они находятся на греческой земле. Так что осадившие город римляне нигде не могли чувствовать себя в полной безопасности, ни на земле, ни в море.

Время шло, а подкрепления из Тарента все не появлялись. Более того, Федор понятия не имел, что там происходит. Взял Ганнибал, наконец, этот город или все еще идут бои за стены и улицы. И кто, интересно, теперь руководил обороной Тарента, уж не блестящий ли Памплоний? Отсутствие вестей с итальянского театра военных действий наводило уныние и на самих карфагян, которых после продолжительных боев осталось всего чуть больше пятисот человек из двух полноценных хилярий.

— Чего-то забыл про нас твой командир, — как-то поделился соображениями Леа, когда они с Федором прогуливались вдоль стены, посматривая в сторону моря, где маячили, не решаясь приблизиться, римские квинкеремы, — может, случилось что?

— Может, и случилось, — процедил сквозь зубы Федор, — я-то откуда знаю.

Помолчав немного, хмурый командир сильно поредевшего экспедиционного корпуса, добавил.

— Ничего, брат, Сицилия ему нужна больше жизни, объявится.

Так прошло три месяца¹⁴ с момента появления здесь карфагян. И Марцелл, ни на метр не продвинувшийся за стены Сиракуз, неожиданно предложил переговоры.

— О чем нам с ним говорить? — удивился Федор, когда Гиппократ сообщил ему эту новость, — он, что, решил сдаться?

— Во всяком случае я сдавать город не собираюсь, — усмехнулся греческий военачальник, — но выслушаю, что хочет предложить мне Рим. Думаю, речь всего лишь пойдет о выкупе тех знатных римлян, что попали ко мне в плен после нападения на лагерь

¹⁴ На самом деле Марцелл безуспешно штурмовал Сиракузы почти год. И потом, пробившись за внешние стены, еще восемь месяцев осаждал цитадель и укрепленные городские кварталы.

легионеров.

Гиппократ замолчал на мгновение, а потом вдруг поинтересовался.

— А как твой римский пленник, которого мы содержим отдельно от остальных. Ты не хочешь его продать за выкуп? Думаю, у него найдутся родственники.

— Нет, — быстро ответил Чайка, вспомнив о неудавшемся походе в тыл к римлянам, где он планировал использовать римского декуриона как приманку, — он мне еще пригодится.

Несмотря на сорвавшуюся попытку, Федор обдумывал следующий шаг, который приблизил бы его к разгадке заговора, а для этого Кассий мог еще неожиданно понадобится. И значит, в стане противника должны были думать, что замешанный в эту темную историю декурион погиб, пропал вместе с письмом из Карфагена.

Переговоры с римлянами проходили у самой южной башни крепости, где сходилась короткая и низкая стена, что вела к морю, и более мощная стена, с которой, по сути, начинались оборонительные сооружения Сиракуз в этой части города. Здесь смыкались два квартала, один из которых, Ахрадина, был самым укрепленным кварталом Сиракуз. Почему Марцелл попросил провести переговоры именно здесь, было неясно, но Гиппократ решил удовлетворить просьбу сенатора.

Начались переговоры днем и продлились почти до самых сумерек. Чайка на них не присутствовал. Лицезреть Марцелла он хотел только в одном случае, если его можно было бы убить в честном поединке. А поскольку зарезать сенатора, прибывшего на переговоры, представлялось невозможным, то он решил вообще не травить душу. В любом случае Гиппократ ему сообщит новости, когда все закончится.

Однако одним днем все не закончилось. Переговоры действительно касались обмена пленными, а поскольку не только римляне находились в темницах Сиракуз, но и некоторые богатые граждане греческого полиса, а также толковые военачальники из наемников-спартанцев угодили в плен к Марцеллу, то и Гиппократ был вынужден выторговывать обратно ценных пленников.

Вскоре Федор потерял интерес к переговорам, целиком предаваясь неожиданному отдыху, ведь во время переговоров боевые действия не велись. А тут еще греки начали справлять праздник Дианы. Улицы и многочисленные храмы этой богини заполнились танцующими людьми. И, как ни странно, это не выглядело пиром во время чумы, хотя враг стоял у ворот. Таковы были греки — даже война не могла помешать им прославлять свою богиню.

— Во дают, — смеялся Леха, разглядывая процессию проходивших по дороге в храм гречанок в соблазнительных одеждах, с распущенными волосами и настоящими луками в руках, изображавшими свиту богини во время охоты, — ты посмотри, сержант, что за охотницы! Я бы с одной из них не прочь поохотиться сегодня вечером, пока римляне опять не пошли на приступ.

— Ты с амазонками-то как, уже закончил охотиться? — бестактно уточнил Федор, возвращая друга с небес на землю. — Все вопросы решил?

Ларин обиженно засопел, невольно вспоминая Исилею, а за ней и Зарану с ребенком.

— Эх, сержант, такой вечер испортил.

Тем вечером они побродили по живописному городу, побывали из интереса в храме Дианы, но к «охотницам» не приставали, хотя те действительно выглядели очень соблазнительно. Федор Чайка, как главный представитель Карфагена, не хотел международного скандала, да и дома морпехов ждали любимые женщины, а Леху даже две. Поэтому они просто выпили вина в казармах порта, где обитали с момента прибытия с Сиракузы, и завалились спать на соломе.

На рассвете их разбудил невероятный шум. Федор долго не хотел просыпаться, решив, что это греки слишком уж буйно разгулялись по случаю праздника богини Дианы, но вскоре слух стал доносить до него очень характерные шумы, отдаленно напоминавшие сражение.

А когда командир карфагенян, еле продрав глаза, выбрался на крышу казарм,

находившуюся вровень со стеной, где была устроена смотровая площадка, то разом проснулся. Он увидел языки пламени в дальнем конце квартала, где вечером проходили переговоры с римлянами. Теперь, несмотря на еще не разошедшиеся сумерки, многое уже было видно. Там бушевал разгоравшийся пожар, мелькали панцири и мечи легионеров. И происходило это все не за внешними рубежами Сиракуз, а буквально в двух шагах от стен Ахрадины.

— Прорвались, — выдохнул Чайка и рывкнул на стоявшего рядом Карталона, тоже разбуженного шумом, — а ну поднимай людей! Всем вооружиться и ждать сигнала к выступлению.

Когда карфагеняне были готовы выступить, построившись в несколько шеренг на крыше казарм, откуда на стены и вниз вело несколько лестниц, к Чайке прибыл гонец от Гиппократа.

— Римляне ночью перебросили солдат через низкую часть стены и прорвали оборону, — сообщил он, — сейчас они контролируют уже половину соседнего квартала и развивают наступление вдоль внутренней стены Ахрадины, пробиваясь к порту. Гиппократ сдерживает их натиск, а вам приказывает защищать подступы к порту вместе с греческими пехотинцами.

— Понял, — кивнул Федор, надевая шлем и застегивая тугой ремешок, — сделаем.

Он бросил взгляд на несколько отрядов гоплитов, устремившихся навстречу римлянам и уже направившихся вниз по лестнице, чтобы заблокировать две главные улицы, ведущие к порту Сиракуз, как вдруг заметил, что в порядках римлян произошли изменения. Часть из них продолжала атаковать захваченных врасплох греков, оттесняя их к порту, а другая — отряд примерно равный по численности остаткам карфагенского войска, — обогнув рыночную площадь, направилась на север, где не было сейчас никаких сил, что могли бы им помешать. Сначала Чайка не уразумел, что за маневр задумали римляне, в этом районе находились только живописные особняки не самых бедных жителей Сиракуз. Может быть, они решили начать грабить город, не дожидаясь полной победы? И вдруг его осенило: в этом районе жил Архимед. «Уж не за ним ли посланы легионеры? — промелькнуло в мозгу Федора подозрение. — Наверняка. Вот только какой приказ они имеют: захватить его или убить? Впрочем, какая разница. Ни то, ни другое нам не подходит».

И глядя сверху, как римляне беспрепятственно продвигаются к дому великого ученого, Федор вспомнил о том, как умер Архимед от руки римского легионера, согласно историкам, и решение принял мгновенно. Спустившись на улицу, отрядил двести человек во главе с Карталоном на помощь греческим гоплитам, державшим главный удар, а сам повел солдат совсем в другую сторону, взяв гораздо правее.

— За мной, бегом! — скомандовал Чайка пехотинцам, забросив щит за спину, и первым перешел на бег, отталкиваясь кожаными подошвами сандалий от камней мостовой.

— Куда это мы? — удивился скифский адмирал, трусивший рядом.

— Спасать народное достояние, — отмахнулся Федор, решив не вдаваться в подробности. — Ты же знаешь, что будет с городом, если они победят.

— Три дня на разграбление, — кивнул Леха.

— И никакой Марцелл не сможет помешать своим солдатам разрушить все, что здесь выстроено, — стараясь не сбиваться с ритма, нехотя пояснил Чайка, — а потом изнасиловать всех «охотниц», а остальных продать в рабство. Так что надо поторапливаться.

— Да статуй-то не жалко, — заявил Леха, — с геометром бы чего не случилось, он ведь вроде там и живет.

— Именно там, — подтвердил Федор, прибавляя ход.

И вдруг Ларин догадался об истинной цели этого рейда. Он замолчал и устремился вслед за сержантом, стараясь не отставать. Карталон и Урбал бежали перед строем рядовых пехотинцев. А Летис затерялся где-то среди трех сотен финикийцев, что топтали мостовую Сиракуз в этот ранний час.

Многие жители, к удивлению Федора, еще спали утомленные вчерашним празднеством

и не обращали внимания на шум, раздававшийся с дальней окраины. И если прорыв римлян окажется удачным, то они рисковали проснуться уже при другой власти. Но Чайке такой вариант не подходил. Он обещал удержать этот город для Ганнибала. «Да и такой ценный советник, что может снабдить осадный обоз машинами небывалой мощности, — подумалось вдруг Федору, — в последнем походе на Рим очень даже пригодится. Никакая оборона перед ним не устоит. Нет, рано еще Архимеду помирать, рано».

Выскочив на знакомую улицу — проходил как-то Чайка по ней вместе с Гиппократом, который и указал ему на дом великого геометра, — Федор заметил на другом ее конце кожаные панцири и красные щиты. Море медно-рыжих доспехов колыхалось. Было видно, что легионеры спешат, желая успеть первыми. «Похоже, я угадал, — выдохнул Чайка, — они тоже по этому адресу».

Федор чуть приостановил бег и осмотрелся по сторонам в поисках знакомого дома. Заметил его. Невысокий двухэтажный особняк, укрытый красной черепицей. Дом с квадратным двором был весь обвит плющом, в тени которого было так удобно сидеть и предаваться размышлениям даже в жаркую погоду. Особняк находился в середине довольно узкой улицы, примерно на половине дороги между легионерами и солдатами Карфагена.

— Вперед, воины! — рявкнул Федор, сдергивая из-за спины щит, выхватывая фалькату и снова переходя на бег. — Остановим римлян!

Пехотинцы по примеру командира устремились вперед, прикрывшись щитами. Уже на бегу строй финикийцев перегородил улицу от стены до стены. А сложенные из грубо обтесанных камней заборы, окружавшие здешние особняки, были довольно высокие, примерно по два метра. Так что никаких обходных путей, кроме как по соседней улице не оставалось, а до нее было довольно далеко.

Пробегая мимо дома Архимеда, Федор с удивлением заметил приоткрытые ворота и седовласого старика, расположившегося на скамье в глубине двора. Даже в этот утренний час Архимед не спал, а что-то увлеченно чертил на песке, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг. Чайка был рад уже тому, что успел сюда чуть раньше римлян. А когда клинки карфагенян и мечи легионеров наконец скрестились, дом Архимеда остался позади строя, примерно в ста метрах. И эти сто метров были заняты сплошь солдатами Карфагена.

Немного оторвавшись от своих бойцов, Федор Чайка и римский военачальник успели обменяться парой ударов, пока их не накрыла волна солдатских тел, после чего все смешалось. И две лавины стали толкаться в узком пространстве, стремясь вытеснить противника. Римляне, желая добраться до того дома, где живет Архимед, а финикийцы из всех сил стараясь не пропустить их туда.

Командир финикийцев первым бросился на центуриона, рубанув с плеча фалькатой. Но римлянин принял удар на skutum и резко выбросил руку с мечом вперед, стремясь пробить кирасу Чайки. Его удар едва не достиг цели — меч центуриона со скрежетом скользнул по защищенному боку, не причинив вреда. Не имея больше возможности размахнуться в полную силу — сзади его подпирали свои, а спереди на него толкали центуриона легионеры, — Федор Чайка, прикрывшись щитом и обрушился на своего противника, стараясь сбить с ног. Упасть в такой толчее было равнозначно смерти — затоптали бы моментально. Но центурион, чье искаженное гримасой ярости лицо он видел буквально в полуметре от своего, крепко стоял на ногах. Он выдерживал все толчки и сам старался свалить Федора ударом щита.

Тогда Чайка, перехватил фалькату, вскинул руку и ударил ею сверху вниз, над щитом, угодив в плечо римлянину. Отскочив от пластины, острие вонзилось в шею центуриону, из которой фонтаном полилась кровь. Тот вскрикнул, отбросил щит, пытаясь зажать рукой смертельную рану, но упал и был растоптан своими же солдатами.

То же самое происходило рядом с Федором — немногие размахивали клинками в тесноте. Лишь бойцы первого ряда, как римляне, так и финикийцы, среди которых находился Карталон, Урбал и Ларин со своими скифами, могли поражать противника мечами. Летис же

оказался оттертым почти в самый конец строя. Чайка еле разглядел его доспехи далеко позади.

Федор заметил, что римлян здесь оказалось почти вдвое больше, чем финикийцев, и уже пожалел о том, что отрядил двести человек на помощь грекам. Но иначе он поступить не мог.

Увидев смерть своего центуриона, legionеры пришли в ярость, утроив натиск. Вскоре, несмотря на ожесточенное сопротивление финикийцев, legionеры смогли оттеснить их почти до самого дома Архимеда. Красные щиты и гребни шлемов мелькали уже рядом с воротами во двор геометра, до которых оставалось не больше двадцати шагов.

— Не отступать! — кричал Федор, отбивая один за другим несколько ударов щитом. — Держаться!

Чайка видел, как ранили Урбала в грудь. Рана была серьезной, но его, не дав опуститься на камни мостовой, подхватили под локти и мгновенно оттащили в задние ряды. Место друга занял Леха Ларин, который, бешено вращая фалькатой и «работая» кинжалом, быстро смог отправить на встречу с богами нескольких римлян подряд. В пылу схватки Федор не обратил внимания, что legionеров вдруг стало меньше. А когда их посланный в обход отряд завершил окружение, было поздно.

— Римляне в тылу! — крикнул кто-то из карфагенян.

Обернувшись на миг, Чайка заметил, что отряд legionеров, появившись из-за угла крайнего особняка, быстро перегородил улицу позади, зажав их в тиски. Летис, оказавшийся теперь ближе всех к противнику, вскинул фалькату и, заорав что-то, устремился в контратаку, увлекая за собой финикийцев. В несколько прыжков он достиг объявившихся в тылу римлян и врубился в их строй. Это ненадолго остановило продвижение римлян, но не спасло ситуацию.

Финикийцы бились отважно, но их количество уменьшалось на глазах. В ближнем бою римляне сейчас были гораздо точнее. Новый бросок legionеров буквально толкнул Федора, Леху и еще пятерых пехотинцев во двор Архимеда. Удивленный странным шумом старик поднял свои глаза и воззрился на Чайку, с неудовольствием отрываясь от своего занятия. Впрочем, на его лице читалось только легкое раздражение, словно он надеялся на немедленный уход непрошенных гостей.

«А он все считает! — невольно усмехнулся Федор, отражая удар первого ворвавшегося во двор legionера, — помирать скоро, а он все задачи решает! Ну блин, математики».

Когда во двор ввалилось еще с десятков римлян, дело стало принимать крутой оборот. Карфагеняне пытались удержать строй, но бой быстро распался на неравные поединки. Мечи вышибали искры, скрещаясь, гнулись о шлемы. Щиты разлетались в щепки от мощных ударов. Старик, между тем, молча смотрел на круговерть смерти вокруг себя, совершенно не собираясь куда-то бежать и скрываться. Поняв это, Федор толкнул Леху в бок между атаками legionеров.

— Следи за стариком! — крикнул Федор, оглядывая задний двор на случай отступления. — Мы должны его спасти во что бы то ни стало.

Леха кивнул. А когда один из legionеров, промахнувшись, пролетел мимо него и остановился напротив Архимеда, затоптав свежие чертежи на песке, скифский адмирал не погнушался всадить ему фалькату в спину. А Чайка зарубил другого, прикрыв спину друга. Оба мертвых римлянина рухнули под ноги Архимеду, истекая кровью.

Но Архимед смотрел уже не под ноги, а поверх голов финикийцев. Там, на улице, происходила невообразимая свалка. А вскоре послышался стук копыт, и во двор ворвался всадник. Чайка вскинул клинок, но, узнав в нем греческого катафрактария, вновь опустил.

— Архимед жив? — спросил тот хриплым голосом у командира карфагенян — словно не верил собственным глазам, — меня послал Гиппократ, едва узнав об этом прорыве.

— Жив, — подтвердил Федор, оглядывая полный трупов двор, где в живых из защитников остались только они с Лехой. — Передай ему, что Архимед жив.

И отбросив изрубленный в куски щит, в изнеможении опустился на скамью рядом со

стариком.

— Кто вы? — наконец проговорил Архимед, внимательно разглядывая доспехи Чайки, когда всадник покинул двор. — Ведь вы не греки и не римляне.

Федор долго молчал, приходя в себя, обдумывал ответ. Вряд ли этот ученый старик знал, кто такие русские.

Глава восьмая **Остров Сицилия**

Когда рассвело, прорыв римлян был полностью ликвидирован. Почти половина легиона, сумевшая прорваться за стены города, была уничтожена в кровопролитном бою. Впрочем, их удар был так силен, что докатился сначала почти до самого порта. Во всяком случае, легионеры успели побывать в районе казарм, неподалеку от которых Гиппократ держал в заточении своих пленников, и освободили часть из них. Осмотрев выбитые двери, сразу после боя Чайка поспешил в камеру, где держал Кассия. Дверь была вынесена, но римлянин оказался на месте, по-прежнему прикованным к стене. Правда, из его груди торчал короткий кинжал.

Между тем армия Сиракуз настолько вдохновилась победой, что, выбив противника из города, гнала его до самого лагеря. А затем попыталась с ходу штурмом взять укрепления Пульхра, который командовал осадой с суши. Марцелл же давно взял на себя осаду с моря.

Войска Сиракуз почти окружили лагерь и оставались там всю ночь, не давая противнику предпринять каких-либо вылазок. Наутро претору все же удалось вывести в поле своих легионеров и начать сражение с греками вне лагеря. Ларин с оставшимися бойцами тоже принял в этом участие, ему очень не терпелось прогнать римлян отсюда. Надоело сидеть взаперти. Хотелось уже перенести боевые действия на территорию противника, даже несмотря на то что подкреплений все не было.

Сражение началось с атаки римлян. Греки отбили ее и перешли в контрнаступление по всему фронту. Федор еще не успел вступить в бой, ожидая сигнала от Гиппократа, как вдруг заметил нечто странное, происходившее позади внушительного строя легионеров. Из-за холмов, что возвышались над ведущей к лагерю дорогой, неожиданно показались новые части, стройными рядами спускавшиеся вниз. Судя по количеству прибывших к месту сражения войск, Сиракузы были обречены. Их было очень много, десятки тысяч солдат, между которыми быстро перемещалась на фланги тяжелая конница. Как минимум тысяча всадников. Но изумлению Федора не было предела, когда он заметил в разрывах пехотного строя «шагающие танки» античности — боевых слонов, с медными кольцами на бивнях, сверкавшими в лучах солнца.

— Вот уж не знал, что римляне обзавелись слонами, — выдохнул Федор в ожидании сигнала к отступлению. Биться с такой армадой было бесполезно. Спасти их могли опять только стены.

И вдруг, наблюдая издали за тем, как движется эта армада, он уловил что-то знакомое. Присмотревшись повнимательнее, Чайка обомлел.

— Да это же африканцы! — чуть не вскрикнул он, хлопнув по плечу стоявшего рядом друга, — Леха, это же армия Карфагена! Мы спасены.

— Ну слава богу, — приложив ладонь к глазам, чтобы не слепило солнце, выдохнул скифский адмирал, — дождались.

Неожиданно объявившись под Сиракузами, десант Карфагена сокрушил легионы Пульхра одним ударом, обратив их в бегство. Чайка с большим удовольствием наблюдал, как слоны, рассеяв римскую конницу, ворвались в лагерь. Там, правда, легионеры в отчаянной попытке остановить животных попытались напугать их огненными стрелами и кострами. Напугали. Но добились обратного эффекта. Зажатые в тесном пространстве, обезумевшие слоны принялись крушить и давить все, что попадалось на пути: палатки легионеров, бараки, ограждения и самих солдат. И вскоре от лагеря мало что осталось.

Остальное победители просто сожгли, запалив грандиозный костер в честь победы над римским войском.

А в том, что это была победа, никто уже не сомневался. Этой новой армией, насчитывавшей двадцать пять тысяч пехотинцев, пятнадцать слонов и почти тысячу всадников, появившейся под стенами осажденных Сиракуз, командовал военачальник по имени Аравад.¹⁵ Но как выяснилось, после встречи Аравада и командующего первым финикийским экспедиционным корпусом Федора Чайки, его прислал сюда отнюдь не Ганнибал.

— Меня прислал сенат Карфагена, — сообщил он Чайке после того, как легионы римлян были отброшены от Сиракуз, — с приказом помочь Ганнибалу захватить Сицилию.

— Вовремя сенат вспомнил о нас, — обрадовался Чайка, — а то мы уже и не ждали.

А узнав о том, сколько с Аравадом прибыло солдат, добавил:

— Ну, теперь мы рассчитаемся с Марцелом за все.

Прибытием сухопутной армии из Африки дело не ограничилось. Сама по себе она не могла здесь появиться. Ее перевез на Сицилию флот из восьмидесяти новехоньких квинкерем, часть из которого вскоре бросила якоря в бухте Сиракуз, отогнав в непродолжительном сражении от ее берегов потрепанный римский флот.

Дальнейшие события развивались стремительно. Переломив ситуацию, войска Карфагена и Сиракуз предприняли новое наступление и за месяц выбили Марцелла из северной части острова, захватив Мессану и заставив сенатора бежать с остатками войск в Италию. Не помогли даже легионы «провинившихся» под Каннами солдат, которые Марцелл все же задействовал в последний момент, вопреки запретам сената. Они были вновь разбиты и рассеяны. Затем настал черед тех сицилийских городов, где еще держались римские гарнизоны. И прежде всего Аравад отвоевал обратно Акрагант и Лилибей, бывшие карфагенские опорные пункты на острове, хорошо укрепленные и оказавшие жестокое сопротивление. Но и они пали, перейдя, в конце концов, в руки своих основателей.

Флот Карфагена, вновь объявившийся в этих водах, успешно пресекал все попытки Рима переправить на Сицилию новые легионы. А когда пришло известие, что Ганнибал взял Тарент, ликование финикийцев не было предела. Теперь в их руках оказалась вся Южная Италия, включая гигантский остров, оторванный от нее всего на несколько километров.

— Ну что, брат, — заявил как-то Федор, убедившись, что на Сицилии он сделал все, что мог, — Завтра я возвращаюсь в Тарент. Ганнибал прислал за мной корабль. Зовет обратно. Поплывешь со мной?

Друзья прогуливались по стене Сиракуз, поглядывая на море, которое сегодня имело какой-то особенный, ярко-изумрудный цвет.

— Ясное дело, — не раздумывая согласился Ларин, — который месяц уже тут торчу. Там Иллур без меня, наверное, уже Рим взял.

— Еще нет, — успокоил его Федор, получивший от Ганнибала послание с последними новостями, — только до кельтов добрался. Но зато все иллирийское побережье, теперь наше.

Федор замолчал на мгновение, почесал бороду и поправился.

— Точнее, ваше. А Филипп начал высаживать войска в Апулии. Осадил совместно с Ганнибалом Брундизий, где окопался двадцать пятый легион. Так что в Адриатике теперь спокойнее станет. Мигом тебя доставим к твоему Иллуру.

— Слушай, давай Архимеда с собой возьмем в Тарент. Или к нам его отвезем? Он же теперь наш друг, — предложил вдруг Ларин. — А что, у Иллора большой опыт использования греческих инженеров. Я сам видел.

— Нет уж, — усмехнулся Федор, — Архимед здесь пока останется. Тем более что Гиппократ сообщил мне радостную весть. После того, как мы с тобой избавили Архимеда от встречи с римлянами, тот согласился построить машины для осадного обоза Ганнибала.

¹⁵ Аравад — лицо вымышленное.

Правда, наотрез отказывается выезжать в действующую армию.

— Это понятно, — согласился Ларин, — старик известный домосед. Даже в баню не ходит.

— А еще часть гигантских катапульти Гиппократ отправит морем из Сиракуз, — добавил Чайка, — в ближайшее время они здесь не пригодятся. Зато, чует мое сердце, скоро они понадобятся в другом месте. Ганнибал получил то, что хотел, — Сицилию, и долго засиживаться в Таренте не будет.

— Значит, новый поход? — уточнил Леха.

— Поход, — кивнул Федор, бросив взгляд в бескрайнее море, на просторах которого перекачивались пенные волны. Ветер свежел, предвещая шторм.

Но к его радостному настроению примешивалось странное чувство неопределенности. Во время последней встречи Аравад вскользь сообщил ему в разговоре, что после штурма Лилибея в городе нашли тело одного из подручных сенатора Магона. Его опознали военачальники, знавшие сенатора и бывавшие у него в доме по служебным делам. Никто не мог понять, что тот делал в римском городе. Пленником подручный Магона не был, поскольку был убит во время штурма, а не найден в темнице. На всякий случай сенатору сообщили и забыли об этом.

Но Чайка не забыл. Если допустить, что сенатор Магон, его благодетель, замыслил что-то против Ганнибала, хотя и клялся тому в вечной дружбе, так можно было далеко зайти. Впрочем, у политиков такого уровня, да еще когда шел, по сути, передел мира, на все были свои резоны, не ведомые простым смертным. И Чайка вдруг поймал себя на мысли, что и у Ганнибала, который действовал уже давно без подкреплений из метрополии, но и часто без указаний сената, могли возникнуть искушения. Великому Карфагенянину беспрекословно подчинялась мощная армия здесь и в Испании, землями которой распоряжался его брат. А теперь, после захвата богатой Сицилии и Южной Италии, ему принадлежало почти полмира. Успешный поход на Рим мог взорвать ситуацию. И вряд ли это не понимали в Карфагене.

Неизвестно, что на самом деле думали друг о друге эти сильные мира сего, оба вызывавшие симпатию у Чайки, но если догадки были верны, то Федор очень скоро мог оказаться между молотом и наковальней. Впрочем, все это были пока только догадки.

Май 2008 г.